

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2020
Часть 2

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.00 History and archeology:

07.00.02 Russian history

07.00.03 World history

07.03.09 Historiography, source studies and methods of historical research

07.00.15 History of international relations and foreign policy

23.00.00 Political studies:

23.00.01 Theory and philosophy of politics, history and methodology
of political science

23.00.02 Political institutions, processes and technologies

23.00.04 Political problems of international relations, global and regional
development

23.00.05 Political regionalism. Ethnopolitics

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of on-temporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia. 25.05.2015, reg. No. FS77-61886

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125993
e-mail: novikova.a@rggu.ru

© RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series, 2020

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.00 История и археология:

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

23.00.00 Политология:

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 07.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 03 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: novikova.a@rggu.ru

© Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения», 2020

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.P. Logunov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Sciences), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph. D., associate professor, University Paris VIII, France

D. Foglesong, Ph.D., professor, Rutgers University, USA

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Sciences), Cand. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Gushchin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I. Klyukanov, Ph.D., professor of Communication, Eastern Washington University, USA

M. Kramer, Ph.D., professor, Harvard University, USA

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz–Vienna, Austria

E.Yu. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation

B. Shteltsel-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz–Vienna (Austria), vice-president of Austrian Commission, UNESCO, Vienna, Austria

A.D. Voskressenskii, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I.B. Antonova, Cand. of Sci. (Pedagogy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)

A.A. Novikova, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

A.S. Panov, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

Executive editors:

N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, RSUH

A.A. Novikova, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.П. Логунов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Ph.D. (Манчестерский университет), Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, США

М. Крэммер, Ph.D., профессор, Гарвардский университет, США

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П. Руггенталер, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, Австрия

Е.Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А. Филлер, Ph.D., доцент, Университет Париж VIII, Франция

Д. Фоглесонг, Ph.D., профессор, Университет Ратгерс, США

Т.А. Шаكلةина, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

Б. Штельцель-Маркс, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, вице-президент Австрийской комиссии ЮНЕСКО, Вена, Австрия

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

А.А. Новикова, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

А.С. Панов, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Ответственные за выпуск:

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, РГГУ

А.А. Новикова, РГГУ

CONTENTS

Historical Sciences and Historical Studies

- Aleksandr P. Logunov, Vasili L. Dmitriev*
Chinghiz Aitmatov's "And the Day Lasts Longer Than a Century"
in memory studies 122
- Irina V. Sabennikova*
Russian Diaspora. Summation and Research Prospects 130
- Dmitri Beliaev*
Karl A. Wittfogel and the formation of the concept
of hydraulic state in Mesoamerica 144
- Ivan S. Blinov*
Company "Friedrich Krupp" at the first soviet
All-Union Agricultural Exhibition in 1923 156
- Aleksandra S. Moskalevich*
Social stratification of Soviet society (1917–1930's).
Modern concepts and approaches 167

Society, politics, history, and religion. Development and interaction

- Andrei N. Komarov*
The Role of Political Ideologies in the Modern Canada.
Is their Significance Growing or Falling? 176
- Anastasia Kh. Makhmud*
Sharp Power. The effort of Western authors
to divide soft power on "our" and "theirs" 186
- Vladimir O. Koklikov*
Religious activity of Ali Akbar Hashemi Rafsanjani 203
- Lana M. Ravandi-Fadai*
Question On the Women Idjiti had and religious mentorship
in religious practices of Iranian Shiites 218
- Nikita A. Filin*
Legitimation of the power of the Supreme Leader (rahbar) of Iran according
to the interpretation of the major Iranian political and religious figures 230

In Memoriam

- Tatiana G. Arkhipova*
In memory of Nikolai Petrovich Eroshkin (9.09.1920–30.01.1988) 239

Bookshelf

- Aleksandr R. Akramov*
"Dangerous Russia". Is Russia dangerous? Rev: Afanas'ev, Yu.N. (2001),
"Dangerous Russia. Traditions of autocracy today", RGGU, Moscow 247
- "Political Science. History. International Relations" Series, 2020, no. 4, part 2 • ISSN 2073-6339

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки и исторические исследования

- Александр П. Логунов, Василий Л. Дмитриев*
«И дольше века длится день» Чингиза Айтматова в memory studies 122
- Ирина В. Сабенникова*
Русское зарубежье: итоги и перспективы исследования 130
- Дмитрий Д. Беляев*
Карл Витфогель и формирование концепции гидравлического государства в Мезоамерике 144
- Иван С. Блинов*
Фирма «Фридрих Крупп» на первой советской Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1923 г. 156
- Александра С. Москалевич*
Социальная стратификация советского общества (1917–1930-е гг.): современные концепции и подходы 167

Общество, политика, история и религия: развитие и взаимодействие

- Андрей Н. Комаров*
Роль политических идеологий в современной Канаде: рост значимости или падение? 176
- Анастасия Х. Махмуд*
Sharp power. Попытка западных авторов разделить мягкую силу на «свою» и «чужую» 186
- Владимир О. Кокликов*
Религиозная деятельность Али Акбара Хашеми Рафсанджани 203
- Лана М. Раванди-Фадаи*
Вопрос о женском иджтихаде и религиозном наставничестве в религиозных практиках иранцев-шиитов 218
- Никита А. Филин*
Легитимация власти Верховного лидера (рахбара) Ирана согласно интерпретации основных иранских политических и религиозных деятелей ... 230

In Memoriam

- Татьяна Г. Архипова*
Памяти Николая Петровича Ерошкина (9.09.1920–30.01.1988). 239

Книжная полка

- Александр Р. Акрамов*
«Опасная Россия». А опасная ли Россия? Рец. на кн.: Афанасьев Ю.Н.
«Опасная Россия: традиции самовластия сегодня». М.: РГГУ, 2001 247

УДК 930

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-122-129

«И дольше века длится день» Чингиза Айтматова в *memory studies*

Александр П. Логунов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, prietnayadekana.fipp@gmail.com*

Василий Л. Дмитриев

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, vasya.lake@bk.ru*

Аннотация. Цель статьи – исследование послевоенной памяти в СССР в контексте романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день». Внимание уделяется прежде всего символизму романа. Он содержится как в его тексте, так и в самом названии. Именно символика позволяет рассматривать роман не только как художественное произведение, но и как историософский текст. В статье отражается основное качество меморизации войны в 1945–1980 гг. Это конкуренция исторических памятей различных поколений: поколения, которое пережило войну, и поколения, которое родилось уже после нее. В связи с этим выделяются две ценностные ориентации, создающие основную канву этой меморизации. В статье рассматриваются причины легитимации современности через прошлое. Также в работе ставится проблема «промежуточного состояния», внешних и внутренних факторов, определяющих его, и проблема возможности существования памяти при переходе из одного состояния в другое. Кроме того, в статье проводится анализ влияния исторической политики государства на память о Великой Отечественной войне, в том числе способов моделирования образов войны и трансляции их для различных поколений.

Ключевые слова: память, историческая память, исследования памяти, легитимация, Великая Отечественная война, историческая политика, меморизация, советская литература

Для цитирования: Дмитриев В.Л., Логунов А.П. «И дольше века длится день» Чингиза Айтматова в *memory studies* // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 122–129. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-122-129

© Дмитриев В.Л., Логунов А.П., 2020

Chinghiz Aitmatov's
“And the Day Lasts Longer Than a Century”
in memory studies

Aleksandr P. Logunov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
priemnayadekana.fipp@gmail.com

Vasilii L. Dmitriev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, vasya.lake@bk.ru

Abstract. The article considers the war memorialization in the USSR of the post-war years in the context of Ch. Aitmatov's novel “And The Day Lasts Longer Than A Century”. Authors' attention is paid primarily to the symbolism of the novel. The symbolism is both in its text and in the novel's title itself. It is the symbolism that allows the authors to consider the novel not only as fiction but also as a historiosophic text. The article describes the main quality of the war memorialization in 1945–1980. It is a competition of different generations' historic memories – the memory of the generation that survived the war and the memory of the generation that was born much later. In that regard the authors define two value orientations outlining the framework for such a memorialization. The article analyzes reasons for the legitimation of the present through the past. It also raises the question of an “intermediate state”, of external and internal factors that determine it, and an issue of the memory's existence in the transition from one state to another. Besides, the article analyzes the historic policy of the Soviet state and its influence on the memory of the Great Patriotic War. It includes the methods for creating images of the war and their translation to different generations.

Keywords: memory, historic memory, memory studies, legitimation, Great Patriotic War, historic policy, memorization, Soviet literature

For citation: Dmitriev, V.L. and Logunov, A.P. (2020), “Chinghiz Aitmatov's ‘And the Day Lasts Longer Than a Century’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 122-129, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-122-129

Чингиз Айтматов занимает особое место в советской и, можно сказать, в мировой литературе. Широкою известность он приобрел, опубликовав повесть «Тополек мой в красной косынке». Он поставил удивительный и непривычный, особенно для советского читателя, вопрос: может ли женщина, муж которой находится в армии, влюбиться в другого мужчину? В самой постановке такого вопроса, конечно, нет ничего нового для литературных сюжетов.

Новым было другое: героиня повести изображалась позитивно, отсутствовали негативные коннотации. Это разрывало и привычное для советского человека видение, и привычные представления, и привычные ценностные ориентации.

К 1980 г. Чингиз Айтматов был уже признанным автором и авторитетом, произведения которого вызывали большой интерес. В том же году увидел свет его роман «Буранный полустанок». Долгое время он издавался именно под этим именем. Уже позже, в перестроечное время, автор смог дать ему название «И дольше века длится день», которое он планировал дать роману изначально. Обратим внимание на сам заголовок этого романа: «*Буранный полустанок*». Уже в самом названии заложено два чрезвычайно важных суждения.

Первая часть названия явно относит нас к классическим образцам русской литературы, и прежде всего к А.С. Пушкину, у которого вьюга, метель, буран «закручивали» главные сюжеты его произведений. Обстановка «буранности» была вместе с тем предчувствием большого художника того, что в стране и в людях назревают потребности перемен. Они – люди – еще дезориентированы, они не могут понять, что и как их не устраивает, но они понимают, что их не устраивает происходящее.

Такое понимание «буранности» не подводит черту под списком символических значений этого слова для данного произведения. «Буранность» отсылает читателя к тем естественным внутренним изменениям человека, которые переживают герои романа. Буран охватывает Едигея в момент, когда он узнает об аресте Абуталипа. Тот же буран закручивает его, когда он злится – то на сына Казангапа (он показан как человек, не помнящий своего родства), то на людей, которые перегородили путь к священному для Едигея кладбищу. Но есть и другая сторона явления «буранности» – технологическая. Это она лишает народ памяти. В романе она показана в виде ракет, отправляющих спутники в открытый космос. При взлете с космодрома они оставляют за собой «буран» – произведение рук человека, но не природы. Этот «буран» покрывает то место, где раньше было кладбище – Ана-Бейит, символ исторической памяти. На антитезе естественного и технологического построено в романе многое. Ее смысл в предупреждении автором человечества о том, что технологический прогресс может быть губительным для человека, так как он может забрать у него прошлое, а значит и лишит настоящего.

Вторая часть названия – *полустанок*. Это актуализация промежуточного состояния или перехода от настоящего в неизвестное будущее. Здесь начинается самая интересная и загадочная линия в романе Чингиза Айтматова. Она сводится к глобальному вопросу о том, как выжить в «промежуточном состоянии», можно ли сохра-

нять, и хранить, и беречь, и оберегать память о прошлом или необходимо ориентироваться на мечты о будущем.

Для героев Айтматова таким буранным полустанком была, конечно, война и память о войне. Эта война перепутала, как снежный буран, судьбы всех людей. Но она одновременно была лишь фрагментом их жизни. Несмотря на свою фрагментарность, она изменила и их самих, и их восприятие современности.

Символический ряд романа не ограничивается обозначенным выше. Главная метафора романа – не помнящий своего родства манкурт. Она излагается в произведении в виде притчи о народе, враги которого учиняли над ним страшные муки. В ходе сражения враги брали пленных и заставляли их работать на себя. Для этого они прежде всего срезали с головы пленного человека его кожу и вместо нее накладывали кожу верблюда. Это *символ идеологии тоталитарной власти*. Естественные для человека ценности, основой для которых является память, заменяются на искусственные, но при этом имеющие все признаки естественности. Ведь верблюжья кожа далеко не металл. Но при этом она не способна сохранить человеку его человечность, она превращает его в животное.

Второй элемент превращения человека в манкурта – это солнце. Оно необходимо, чтобы кожа верблюда стянула голову, прочно вросла в нее. Человек должен сидеть под солнцепеком до полной потери своей человеческой сущности. Солнце – не что иное, как *символ той самой тоталитарной власти*, которая всегда светит на голову и создает для государства идеальные условия содержания человека – паноптикум.

Третий элемент притчи, отражающий смысл тоталитаризма, – это изоляция человека от всякого общения с внешним миром. Это *символ исправительного учреждения*, тюрьмы, лагеря, в котором человек доходит до нужной государству кондиции. Человек в заключении не пытается вспомнить о прошлом, не успевает подумать о вечном, он заботится только о своем выживании. Все три элемента – это идеальная машина по производству ничего не помнящих людей, которые при этом обладают всеми необходимыми государству качествами – верностью, покорностью, трудолюбием.

Актуализация исторической памяти в романе главным образом происходит при непосредственном упоминании войны как важнейшего события, из воспоминаний о котором люди не могут выйти. Значение этого события в исторической памяти не случайно по многим причинам.

Прежде всего это связано с беспрецедентной травматичностью войны. В судьбе каждого человека, пережившего войну, война осталась как утрата чего-то важного. Едигей – главный герой романа –

лишается здоровья и профессии, Укубала лишается ребенка, Абу-талип оказывается изгнанным из своей родины.

Многие из переживших войну отзываются о ней как об ужасном кошмаре. Более того, послевоенное время также стало серьезным испытанием для народа, принявшего ее восстанавливать страну. Далеко не все смогли вернуться к прежней жизни после пережитого. Так об этом говорит автор романа, описывая ситуацию в послевоенной деревне:

Призрак войны все еще шастает по пятам. И потому боранлинцы расспросами по такому поводу особенно не донимали приезжих, зачем душу людям травить, и без того хлебнули, должно быть, горя через край¹.

Тем не менее для поколения, прошедшего этот путь, именно переживание травматического прошлого делает войну главным событием для общей памяти.

При этом не только травма, оставшаяся от военных и послевоенных лет, отличала память поколения, пережившего войну. Во время войны обострилось и трансформировалось чувство общности и единства. До нее советский коллективизм базировался на исполнении партийных приказов. Его свойства были выработаны в процессе перестройки страны в соответствии с представлениями руководства о том, как должен выглядеть социализм. Коллективизм мог выражаться прежде всего в коллективном единомыслии и подразумевал подчинение масс власти. Так, коллективизм был лишь вынужденной формой существования общества. Военные действия кардинально изменили такой порядок вещей. В ситуации смертельной опасности коллективизм стал действительно важен для каждого человека. Ведь от того, как поведет себя товарищ на поле боя или в разведке, зависела твоя жизнь и жизнь твоей семьи. Само будущее страны теперь зависело от сплоченности и мужества коллектива.

Дружба двух совершенно разных людей в романе – Казангапа и Едигея – это пример такого чувства общности, которое появилось в период войны и помогло людям выжить после нее.

Сплочение людей в настоящий коллектив – не единственное, что произошло в сфере индивидуальных чувств советских граждан, переживших войну. Четырехлетнее противостояние врагу, отстаивание своей правоты и защита самого дорогого вернули людям то, что прежде было ими потеряно в ходе послереволюционных реорганизаций, террора и Гражданской войны, – чувство собственного достоинства.

Апелляция к значимости чувства личного достоинства было не совсем типично для советской литературы. Образ советского

¹ *Айтматов Ч.Т.* И дольше века длится день... М.: Эксмо, 2017. С. 56.

героя в литературе, как и в кинематографе, чаще всего связывался с причастностью героя к коллективному сообществу и умением стать его органической частью. Иметь же что-то личное означало совершить антиобщественное действие. Однако война стала делом каждого. Несмотря на все уровни военного надзора, у человека в бою всегда был выбор: рисковать и бежать вперед под пули или упасть, сдаться, отступить. Количество жертв войны и ее итоги говорят о том, что большинство выбирало первое, и это был именно выбор людей, у которых было чувство собственного достоинства, не заглушенного ужасами предвоенных лет.

Феномен памяти ветеранов о пройденной ими войне также заключается в их особом отношении к послевоенным годам. Он может быть выражен финальной фразой из фильма «Пять вечеров», вышедшего за два года до публикации романа Ч. Айтматова: «Только бы не было войны...» – много раз произносит героиня Людмила Гурченко. Той же мыслью живут и герои романа. Вся послевоенная жизнь сравнивается ими с самыми тяжелыми пережитыми годами. Проблемы, существующие в 1980 г., спустя несколько десятилетий после войны, для ветеранов кажутся незначительными, ведь на войне было гораздо хуже. Более того, и сами проблемы могут быть оправданы тем, что годами ранее страна перенесла тяжелый удар, восстановление от которого занимает много времени.

Таким образом, память о войне поколения ветеранов служит легитимацией современности. Такое оправдание проблем через обращение к прошлому, по мнению автора романа, могло быть идеей, зародившейся при мысли у переживших войну людей о будущем поколения, которое не видело всех ужасов войны и не понимает, что пришлось пережить их предкам. Один из героев романа, Абу-галип Кутгыбаев, для оправдания себя перед своими детьми пишет мемуары, в которых подробно описывает путь, пройденный им во время войны. Для него это важно, так как именно война забросила его с семьей на край земли, в глухую казахстанскую деревню, где у детей нет друзей, нет никаких развлечений, нет даже воды.

Оправдание себя перед детьми – легитимация современности через обращение к войне, которая происходит на индивидуальном уровне. Чингиз Айтматов обращает внимание на то, что у поколения, пережившего войну, появляется потребность самооправдания перед новым поколением, которое рождается с новыми запросами и соответственно предъявляет другой набор требований. Требования не на выживание, а на нормальную, как им представляется, жизнь. Но то же самое характерно и для двух других уровней – коллективного и государственного.

Общество СССР в 1960-е гг., после долгих лет, прошедших с момента завершения войны, становится перед выбором своего даль-

нейшего развития. В приоритете оказалось развитие военно-промышленного комплекса страны, тогда как путь развития сектора, отвечающего за создание различных гражданских благ, сильно ему уступил. Это стало возможно не только ввиду холодной войны, требующей от обеих сторон-участниц выделения как можно больших ресурсов на перевооружение, но и из-за памяти о войне. Во имя ее предотвращения поколение войны было готово отказаться от любых благ современной им цивилизации.

В то же время постепенно подрастало поколение, которое родилось через 10–15 лет после окончания войны. Опасения взрослого поколения были во многом оправданы. Знания нового поколения о войне были опосредованы рассказами родителей, которые не любили говорить на эту тему ввиду упомянутой травматичности этого события. Для нового поколения проблемы современности не могли быть объяснены событием, произошедшим много лет назад. Поэтому и жизненные приоритеты расставлялись ими иначе. В романе новое поколение представляется в виде инопланетных жителей, которые

...не знают оружия, не знают, что такое война. <...>

Если придется объяснять суть наших бесконечных на Земле войн, не покажется ли им это бессмысленным или, более того, варварским способом решения вопросов?²

Автор задается этим вопросом, говоря о принципиальном отличии взглядов нового поколения от идей тех, кто был свидетелем войны.

Стали возникать различия в ценностных ориентациях между разными поколениями. Возникало противостояние поколений – поколения, пережившего войну, и поколения, никогда не знавшего, что это такое. Чем дальше от окончания войны, тем важнее становилась функция легитимации современности через обращение к войне. Ведь параллельно с утратой воспоминаний о травматичности этого события все больше актуализировалась необходимость объяснять молодому поколению, что выбранные прежде приоритеты вполне очевидны. Приходилось также оправдываться за отставание от Запада. Спасение Европы и всего мира во время войны стало моральной защитой поколения войны от подобной критики. Поколение войны, таким образом, стало основным транслятором идеи о первостепенной важности участия СССР и победы СССР во Второй мировой войне. Соответственно факт участия в ней союзников отходил далеко на второй план.

Государство вместе с обоими поколениями также состязалось за образ войны, который следовало о ней иметь. Для управления памятью оно проводило поиск нужного образа путем сжимания и расшире-

² *Айтматов Ч.Т.* Указ. соч. С. 52, 53.

ния, недопущения и санкционирования информации о войне. В первую очередь после войны государство позаботилось об уменьшении травмы. Для этого с первой речи И.В. Сталина и после нее число потерь Советского Союза сильно занижалось – предоставлялась цифра, коррелирующая с потерями, которые были у немецкой армии.

Краеугольными камнями в литературе о войне стали коренные переломы Великой Отечественной войны и Великая Победа. Так формировались новая память о войне и новый патриотизм, которые были направлены на новое поколение. Тем не менее ветераны также оказывались в положении воспитуемых. Их личная память замещалась воспоминаниями генералов Советской армии. Далее государственное регулирование памяти реализовывалось методами трансляции новых принципов знаний о войне. Кроме мемуаров существовали и кино, и школьные учебники, и государственные оценки, и художественная литература, и монументальные памятники.

Размышляя о переходном состоянии, Чингиз Айтматов неожиданно для читателей ориентируется не на проекты и прогнозы строительства будущего, а на важность и значение памяти. Утрата исторической памяти, по его мнению, это глубокий цивилизационный разрыв, когда человек не может двигаться в настоящем, а тем более переходить в будущее. Одни из самых ярких страниц его романа – это страницы о том, как человека лишали памяти его враги. Они лишали не веры в будущее – а памяти о прошлом. Как нам кажется, этот призыв Ч. Айтматова был предвестником взрыва исторической публицистики. Когда желание перемен и движение к будущему стали опираться на анализ прошлого, на переосмысление прошлого, на поиски новых интерпретаций прошлого.

Информация об авторах

Александр П. Логунов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; priemnayadekana.fipp@gmail.com

Василий Л. Дмитриев, студент 3-го курса, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; vasya.lake@bk.ru

Information about the authors

Alexander P. Logunov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; priemnayadekana.fipp@gmail.com

Vasilii L. Dmitriev, 3rd year student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; vasya.lake@bk.ru

Русское зарубежье: итоги и перспективы исследования

Ирина В. Сабенникова

*Всероссийский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела, Москва, Россия, sabennikova@mail.ru*

Аннотация. Историография всякого исторически значимого явления проходит в своем развитии несколько этапов. Первоначально – это реакция современников на пережитое ими событие, которая носит эмоциональный характер и выражается в публицистической форме. В качестве следующего этапа можно назвать ретроспективное осмысление события его бывшими участниками или свидетелями, и лишь на третьей стадии появляются объективные научные исследования, носящие ценностно-нейтральные оценки изучаемого события и принадлежащие последующим поколениям исследователей. История российского зарубежья, и прежде всего русской постреволюционной эмиграции, в полной мере прошла все этапы развития историографии проблемы. Третий этап изучения проблемы приходится на период с конца 1980-х гг. и характеризуется научным, политически беспристрастным изучением феномена российской эмиграции, расширением источниковой базы и научных методов исследования. В советский период в отечественной историографии из-за идеологических причин доступ исследователей к архивным документам был ограничен, в силу чего научное изучение истории российского зарубежья было невозможно. Западные исследователи также в полной мере не могли разрабатывать эту проблематику, поскольку были лишены важных источников, хранящихся в русских архивах. Политические изменения перестроечных лет и особенно периода после распада Советского Союза усилили внимание к проблемам русского зарубежья, чему, несомненно, способствовали смена научных парадигм, методологических принципов, открытие архивов и как результат расширение источниковой базы, необходимой для изучения данной проблемы. Сформировавшаяся за более чем тридцать лет историография русского зарубежья нуждается в осмыслении. В статье дан краткий анализ историографии, выявлены основные направления ее развития, проблематика исследований, обозначены недостатки и перспективы.

Ключевые слова: архивные документы, революция, история России, русское зарубежье, историография русской эмиграции

Для цитирования: Сабенникова И.В. Русское зарубежье: итоги и перспективы исследования // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 130–143. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-130-143

Russian Diaspora. Summation and Research Prospects

Irina V. Sabennikova

*All-Russian Records Management and Archival Science Research Institute,
Moscow, Russia, sabennikova@mail.ru*

Abstract. The historiography of any historically significant phenomenon goes through several stages in its development. At the beginning – it is the reaction of contemporaries to the event they experienced, which is emotional in nature and is expressed in a journalistic form. The next stage can be called a retrospective understanding of the event by its actual participants or witnesses, and only at the third stage there does appear the objective scientific research bringing value-neutral assessments of the phenomenon under study and belonging to subsequent generations of researchers. The history of The Russian Diaspora and most notably of the Russian post-revolutionary emigration passed to the full through all the stages of the issue historiography. The third stage of its studying dates from the late 1980s and is characterized by a scientific, politically unbiased study of the phenomenon of the Russian emigration community, expanding the source base and scientific research methods. During the Soviet period in Russian historiography, owing to ideological reasons, researchers' access to archival documents was limited, which is why scientific study of the history of the Russian Diaspora was not possible. Western researchers also could not fully develop that issue, since they were deprived of important sources kept in Russian archives. Political changes in the perestroika years and especially in the period after the collapse of the Soviet Union increased attention to the Russian Diaspora, which was facilitated by a change in scientific paradigms, methodological principles, the opening of archives and, as a result, the expansion of the source base necessary for studying that issue. The historiography of the Russian Diaspora, which has been formed for more than thirty years, needs to be understood. The article provides a brief analysis of the historiography, identifies the main directions of its development, the research problematics, and defines shortcomings and prospects.

Keywords: archival documents, Revolution, history of Russia, Russian Diaspora, historiography of Russian emigration

For citation: Sabennikova, I.V. (2020), "Russian Diaspora. Summation and Research Prospects", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 130-143, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-130-143

Постреволюционная эмиграция, возникшая в результате Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны, представляет собой значительный пласт российской культуры, который по идеологическим причинам довольно долгое время оставался закрытым для исследователей. Хотя изучение русского зарубежья шло в течение всего XX в., но лишь с конца 1980-х – начала 1990-х гг. этот процесс значительно активизировался. Этому способствовало открытие архивов в России и за рубежом, хранящих основной массив

документов по русской эмиграции, что позволило расширить источниковую базу исследований. Постепенно сложилось сообщество исследователей данного направления российской истории, сформировалась историография русского зарубежья. Благодаря этому мы можем теперь подвести некоторые итоги изучения этой проблемы, определить дальнейшие пути исследовательского поиска, наметить перспективы изучения постреволюционной эмиграции как неотъемлемой части всего русского зарубежья.

В 2020 г. нами был осуществлен проект создания библиографического указателя по проблемам русского зарубежья, в который вошли монографии, сборники документов, материалы конференций, статьи и публикации в периодических изданиях, вышедшие с 1985 по 2018 г.¹ Данный указатель – наиболее полное библиографическое издание по русскому зарубежью, существующее на настоящий момент, он содержит 3560 записей публикаций по теме. Собранный нами библиография позволяет сделать ряд выводов о тенденциях развития историографии рассматриваемой проблемы. Прежде всего отметим, что при изучении русского зарубежья наибольшее внимание исследователей привлекали вопросы, связанные с российской постреволюционной эмиграцией – специфическим феноменом не только российской, но и мировой истории, выразившим в наибольшей степени интеллектуальный, научный, культурный потенциал русского общества начала XX в.

Импульсом к изучению русской постреволюционной эмиграции в конце 1980-х – начале 1990-х гг. послужило открытие отечественных архивов, прежде всего РЗИА, хранящегося в ГАРФ. На базе документов этого архива сначала появились общие работы, обозначившие саму проблему эмиграции в российской историографии. В период 1990–2000-х гг., пока шел процесс освоения и накопления материала, в историографии преобладали отдельные статьи в научных журналах и тематических сборниках. Предметом их рассмотрения становились отдельные европейские страны, давшие приют русским беженцам после Октябрьской революции и Гражданской войны [Северюхин, Лейкинд 1994]. Наряду с историками в изучение русской эмиграции постепенно вовлекались специалисты разных отраслей знания: художники, писатели, поэты, инженеры и т. д., результатом чего стали первые справочники, посвященные какому-то одному направлению русского зарубежья².

¹ Русское зарубежье: Материалы к библиографическому указателю = Russian Diaspora: Materials to Bibliographic Index / В.Л. Гентшке, И.В. Сабенникова, А.С. Ловцов. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 434 с.

² См. также: Писатели русского зарубежья / Справочник: [В 3 ч.] / Ред. А.Н. Никулюкин. М.: ИНИОН РАН, 1993; Вернуться в Россию стихами... 200 поэтов эмигрантов: Антология / Сост. В. Крейд. М., 1995. 688 с.

«Золотая книга эмиграции» [Милюков 2001; Вандалковская 1992] стала первым энциклопедическим изданием по русскому зарубежью, в котором были названы имена наиболее известных представителей и общественных деятелей русского зарубежья, оказавшихся после революции 1917 г. за рубежом. Результатом выхода книги стало изучение персоналий русской эмиграции, а позже – научных объединений, профессиональных и общественных организаций.

Постепенно менялась направленность исследований – от партий, политических групп, идеологических течений внутри русского зарубежья [Вандалковская 2004; Аблова 2005; Закатов 2008; Базанов, Соколов 2009], преобладавших в работах первого десятилетия, что во многом объяснялось политической ситуацией в России 1990-х гг., исследователи стали все чаще обращаться к изучению вклада русской постреволюционной эмиграции в общемировую культуру, науку и технику [Бельчич 2003; Олджай 2007; Авдюшева-Лекомт 2008; Жалнина-Василькиоти, Шергалин 2016]. По-прежнему не был изучен вопрос, как сама эмиграция объясняла причины русской революции, оценивала деятельность различных партий, участвовавших в этом процессе, какова была историческая ответственность этих партий [Лисенкова 2017. С. 417–422]. С самого начала изучения русского зарубежья внимание большинства исследователей было обращено к отдельным представителям русского сообщества за рубежом, внесшим наибольший вклад как в жизнь самого эмигрантского общества, так и в мировую культуру в целом, что зависело от масштаба той или иной личности. Среди работ по персоналиям более двух третей, так или иначе, касается представителей постреволюционной эмиграции, не только самой массовой, но и наиболее представительной благодаря значительному проценту в ее составе интеллигенции³.

В конце 1990-х гг., когда новые архивные документы были в основном изучены и возникла база для некоторых обобщений, в историографии русского зарубежья появились исследования, посвященные отдельным диаспорам русской эмиграции, прежде всего в Центральной и Южной Европе, лимитрофных государствах, Маньчжурии. Предметом изучения становились особенности формирования этих диаспор, их гендерного состава, инфраструктуры внутри

³ Подробнее см.: П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат: Мат-лы междунар. науч. конф., Москва, 26–27 мая 1999 г. / Отв. ред., авт. предисл. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2000. 559 с.; Петр Бернгардович Струве / Под общ. ред. О.А. Жуковой, В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2012. 327 с.

и вне диаспор⁴. К началу 2000-х наиболее крупные анклавы русской межвоенной эмиграции были специалистами исследованы, что позволяло перейти к иному уровню обобщения накопленного материала – к изучению мегаструктур, объединяющих различные диаспоры русской межвоенной эмиграции в одно целое. В качестве объединяющих русскую межвоенную эмиграцию мегаструктур выступали система среднего и высшего образования [Копршивова-Вуколова 1994; Седова 2013], научные и профессиональные объединения [Аксенова, Досталь 2001; Ульянкина 2006], издательская деятельность и периодическая печать [Даскалов 1996; Богомолов 2002]. Среди этих структур были такие, которые охватывали все русское зарубежье, как, например, Земгор, имевший отделения практически во всех компактных местах проживания бывших русских граждан. В развитие историографии русского зарубежья свой вклад внесли и историки церкви, изучающие деятельность РПЦ за рубежом, ее влияние на воспитание молодого поколения русских эмигрантов. Значительное число исследований, связанных с деятельностью РПЦ за рубежом, освещает не только духовную жизнь эмиграции, но и повседневную жизнь эмигрантов⁵.

В качестве самостоятельного направления в историографии русского зарубежья практически сразу выделилось изучение военной

⁴ Подробнее об особенностях формирования диаспор см.: Русская эмиграция в Югославии: Сб. М.: Индрик, 1996. 352 с.; *Казнина О.А.* Русские в Англии: русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: ИМЛИ РАН, 1997. 416 с.; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: ИРИ РАН, 1997. 245 с.; *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния: история российской эмиграции первой волны в Китае, странах АТР и Южной Америке в 1900–1970-е гг.: В 2 ч. Владивосток, 2000; *Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. М., 2006. 462 с.; *Каневская Г.И.* «Мы еще мечтаем о России...»: История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2010. 372 с.; *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М.: РУДН, 2011. 388 с. и др.

⁵ Подробнее описано в работах: *Попов А.В.* Российское православное зарубежье: история и источники. М.: ИПВА, 2005. 619 с. (Мат-лы к истории русской политической эмиграции. Вып. 10); *Косик В.И.* Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии: Материалы к словарю-справочнику. М.: ПСТГУ, 2008. 408 с.; *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг.: Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М.: ПСТГУ, 2015. 488 с.; *История Русского православного зарубежья.* М.: Изд-во Моск. Патриархии Русской православной церкви, 2016. Т. 1. Кн. 1. Русское Православное зарубежье до 1917 г. Русское православное присутствие на христианском Востоке. X – нач. XX в. 585 с.

постреволюционной эмиграции. Исследования велись не только по регионам, странам расселения, но и по войсковым формированиям, военным учебным заведениям, профессиональным организациям и объединениям, военным музеям [Домнин 1994; Ганин 2014]. Предметом рассмотрения становилась и военная культура в целом.

Трудноразрешимой проблемой для русской постреволюционной эмиграции было определение ее правового статуса как в международном плане – Лига Наций, так и на уровне отдельных государств. Работы, посвященные изучению правового статуса русской постреволюционной эмиграции, представляют собой отдельный блок в историографии данного научного направления. Анализ правового статуса русских беженцев большей частью проводился историками по отдельным странам их расселения Центральной, Восточной и Южной Европы, Китая, США, позже – Латинской Америки [Микуленок 2015; Сабенникова 2006]. Сравнительный анализ правового статуса эмигрантов различных регионов их проживания в исследованиях встречается крайне редко. В большей степени историков интересовали вопросы адаптации русских беженцев в тех или иных странах, связанные с культурными отличиями сообщества эмигрантов и страной, их принимающей [Пивовар 2008; Сабенникова 2015]. В процессе изучения изменений правового статуса эмигрантов и их адаптации публиковались наиболее важные источники – прежде всего документы международных организаций: Лиги Наций, Красного Креста, Международного бюро труда, Земгора и других, непосредственно связанных с получением русскими беженцами устойчивого правового статуса, созданием идентификационных документов для них, принятием нансеновского паспорта⁶. В научный оборот вводились различные мемуарные и эпистолярные источники, издаваемые как в России, так и за ее пределами, – мемуары, воспоминания, дневники, переписка выдающихся представителей русского зарубежья⁷.

⁶ Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): Сб. док. и мат-лов / Сост., публ. З.С. Бочаровой. М.: РОССПЭН, 2004. 400 с.; Российская консульская служба в Австралии 1857–1917 гг.: Сб. док. / Сост., введ. ст., коммент. А.Я. Массов, М. Поллард. М.: Междунар. отн., 2014. 352 с.; и др.

⁷ П.Б. Струве. Дневник политика (1925–1935) / Вступ. ст. М.Г. Вандалковской, Н.А. Струве; Подг. текста, указ., коммент. А.Н. Шаханова. М.: Русский путь; Париж: УМСА-Press, 2004. 872 с.; *Сабанеев Л.Л.* Воспоминания о России / Сост., предисл. Т.Ю. Масловская, коммент. С.В. Грохотов. М.: Классика-XXI, 2004. 268 с.; *Бем А.Л., Срезневский В.И.* Переписка, 1911–1936 / Сост., подг. текста, введ., коммент., имен. указ.: М. Бубеникова, и А.Н. Горяинов. Брно: Славистическое о-во Франка Вольмана, 2005. 173 с.;

Наряду с изучением постреволюционной эмиграции шло изучение последующих волн эмиграции из России, в частности возникшей в период Второй мировой войны и непосредственно взаимодействующей с постреволюционной эмиграцией [Земсков 1991; Агеносов 2006–2007; Пальников 2013].

Новым уровнем изучения российского зарубежья стало рассмотрение русской постреволюционной эмиграции в целом, что позволило выявить прежде не рассматриваемые аспекты. Примером может служить тема географии размещения зарубежной архивной России, то есть мест хранения архивного наследия российской эмиграции как в странах их проживания, так и в крупнейших архивохранилищах, занимающихся сбором такого рода документов (Бахметьевский, Гуверовский архивы, Библиотека Конгресса (США), архив Социальной истории в Нидерландах). Архивная эвристика позволила выявить документальное наследие русских эмигрантов во многих университетских, муниципальных, церковных архивах, которые открыли свои фонды для исследователей [Даниэльсон 2001; Антощенко 2001; Клоостерман 2012; Барышев, Юдзуру 2017; Звавич, Ловцов 2017; Михальченко, Ткаченко 2018].

Развитие интернет-технологий, затронувших теперь архивы и библиотеки, путем создания электронных каталогов на сайтах этих учреждений, возможность расширенного поиска по ключевым словам и, как результат, создание глобальных поисковых систем по хранилищам архивов и библиотек, как, например, крупнейший в мире библиографический банк данных WorldCat⁸, позволило еще более расширить источниковую базу исследований по русскому зарубежью. В настоящее время активнее в научный процесс стали вовлекаться частные архивы, ранее закрытые для изучения. Документы, хранящиеся в них, позволяют дополнить имеющуюся уже картину жизни русского зарубежья, более подробно, в деталях рассмотреть тот или иной спорный вопрос, основываясь на неизвестной прежде научному сообществу частной переписке, дневниковых записях, других документах творческого наследия деятелей русской эмиграции.

Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии = *Vzpomínky. Deníky. Vyprávění. Ruská emigrace v Československu* / Сост. и общ. ред. Л. Белошевой, коллек. авт. Praha: Slovan. úst. AV ČR, 2011. 669 с.; Автографы Бизерты: дневники, воспоминания, размышления / Сост. Т.В. Акюлова-Конецкая. М.: Фонд им. А.А. Манштейн-Шириной, 2012. 350 с. и др.

⁸ WorldCat насчитывает свыше 240 млн записей обо всех видах произведений на 470 языках мира. WorldCat поддерживается совместными усилиями более чем 72 тыс. библиотек из 170 стран мира в рамках организации OCLC.

Можно констатировать, что пик интереса исследователей к российской эмиграции приходился на конец 1990-х – начало 2000-х гг., о чем свидетельствует наибольшее число защищенных по этой теме диссертаций, опубликованных статей и проводимых научных конференций. Тогда же наметилась тенденция к проведению не разовых, как прежде, а ежегодных конференций под общим названием, например, «Нансеновские чтения», посвященные вопросам постреволюционной эмиграции, или «Слепухинские чтения», ставящие своей задачей объединение исследователей, занимающихся изучением эмиграции периода Второй мировой войны. По результатам конференций и на основе их материалов стали регулярно выходить тематические сборники. Вопросы эмиграции рассматривались и на конференциях, не посвященных специально проблемам русского зарубежья. Это объясняется тем, что многие крупные политические и общественные деятели, представители науки и культуры после революции 1917 г. оказались в эмиграции. Они оказали существенное влияние на создание образовательной системы в эмиграции, политической жизни, правовой и издательской деятельности. О возросшем интересе научного сообщества к проблемам постреволюционной эмиграции в те годы говорит создание продолжающихся специализированных по данной проблематике изданий, таких как ежегодники «Дiaspora: новые материалы», «Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье», «Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» и др. В них публиковались отдельные архивные документы, научные статьи по вопросам русского зарубежья.

К концу первого десятилетия XXI в. количество исследований по русской эмиграции заметно снизилось. К этому времени тема русского зарубежья утратила первоначальную новизну, известные и более доступные для исследования архивные документы уже были включены в научный процесс, наиболее значимые в историческом контексте темы по истории российского зарубежья так или иначе оказались изучены. Вместе с тем многие вопросы еще не прояснены, поэтому и в дальнейшем продолжится изучение опыта таких важных конструктивных элементов эмиграции, как общественные институты, организации русского сообщества за рубежом, система образования и науки, формирование и организация работы архивов и музеев эмиграции и др. Не до конца решенным остается вопрос о соотношении права и культурной традиции, определении места России в мире, изучении точек соприкосновения русского эмигрантского сообщества с мировым, проявленном в различных социальных системах и политических режимах первой половины XX в.

За тридцать лет изучения русского зарубежья существенно расширился круг источников за счет введения в научный оборот частных и семейных архивов, архивных коллекций библиотек, ведомств и учреждений, с которыми контактировала русская постреволюционная эмиграция. Расширилась география поиска информации, результатом чего стала тенденция в изучении проблематики эмиграции не столько вширь, сколько вглубь, то есть не за счет расширения проблематики, а путем привлечения документов ранее неизвестных архивов, как, например, личных и семейных.

Количественное и качественное расширение направлений исследований, связанных с русским зарубежьем, географии, привлекаемой документальной базы повлияло на формирование историографии этого научного направления [Серационова 2004; Ратушняк 2015; Пархоменко 2017]. В настоящее время мы можем говорить о тенденциях развития и недостатках современной историографии. Среди исследовательских тем русского зарубежья преобладают глубоко конкретные, связанные с исследованием отдельных аспектов в деятельности эмиграции или ее элементов – учреждений, обществ, партий, отдельных личностей, изучение которых идет с использованием, как правило, одного фонда (почти всегда, если речь идет о персоналии) или одного архива. Практически отсутствуют работы, носящие сквозной характер исследования по той или иной значимой проблеме, подготовленные с привлечением широкого архивного материала из различных архивов, тем более, освещающие русское зарубежье в целом. Редки публикации, в которых проводится сравнение российской эмиграции с аналогичными историческими явлениями по наиболее значимым для оценки этих явлений параметрам, таким как идеологические или политические [Сабенникова 2011]. Узкий подход с целью решения конкретных исследовательских задач, который наблюдается в современной историографии русского зарубежья, не позволяет до сих пор создать целостную картину столь значительного исторического явления, каким была русская постреволюционная эмиграция.

Литература

- Аблова 2005 – *Аблова Н.Е.* Деятельность белоэмигрантских организаций в Китае во время обострения советско-китайских отношений: 1929–1931 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 4. С. 143–153.
- Авдюшева-Лекомт 2008 – *Авдюшева-Лекомт Н.А.* Леонид Фрешкоп. Русский художник в Бельгии. Межвоенный период жизни и творчества // Художественная культура русского зарубежья: 1917–1939: Сб. ст. М.: Индрик, 2008. С. 186–191.

- Агеносов 2006–2007 – *Агеносов В.В.* Итоги и задачи изучения литературы Ди-Пи и послевоенной эмиграции // Записки РАГ в США. Т. 34. Нью-Йорк, 2006–2007. С. 51–60.
- Аксенова, Досталь 2001 – *Аксенова Е.П., Досталь М.Ю.* Русская ученая академия в Праге в годы второй мировой войны // Славяноведение. 2001. № 4. С. 31–54.
- Антощенко 2001 – *Антощенко А.В.* Архивная коллекция академика П.Г. Виноградова в библиотеке Гарвардской школы права // Россия в США: Сб. ст. / Под ред. А.В. Попова. М.: Ин-т полит. и военного анализа, 2001. С. 124–145.
- Базанов, Соколов 2009 – *Базанов П.Н., Соколов М.В.* «Крестьянская Россия» – Трудовая крестьянская партия: из истории политического «активизма» русской эмиграции // Клио. 2009. № 1 (44). С. 62–69.
- Барышев, Юдзуру 2017 – *Барышев Э.А., Юдзуру Тонаи.* «Архивная Россия» в Японии на примере личного фонда Куроки Тиканори (1883–1934) // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2017. № 4 (10). С. 72–86.
- Бельчич 2003 – *Бельчич Ю.В.* «Русский творец» французского чуда // Наука в России. М.: Президиум РАН, 2003. № 5. С. 84–89. (на рус. и англ. яз.)
- Богомоллов 2002 – *Богомоллов Н.А.* Русская газета в Польше: литература и политика // The intelligentsia of Russia and Poland: Abstracts from the conference held at Lund University, August 22–25, 2002. Lund, 2002. P. 19–20.
- Вандалковская 1992 – *Вандалковская М.Г.* П.Н. Милоков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992. 286 с.
- Вандалковская 2005 – *Вандалковская М.Г.* Либерально-консервативная мысль эмиграции: сущность и особенности (20–30-е годы XX в.) // История и историки: историографический вестник. 2004 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. С. 158–185.
- Ганин 2014 – *Ганин А.В.* Русские генштабисты-эмигранты в годы Второй мировой войны // Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре: Сб. ст. М.: ИСЛ РАН, 2014. С. 170–182.
- Даниэльсон 2001 – *Даниэльсон Е.* Архивы русских эмигрантов в Гуверовском институте // Вестник архивиста. 2001. № 1. С. 202–211.
- Даскалов 1996 – *Даскалов Д.* Издательская деятельность русской эмиграции в Болгарии // Славяноведение. 1996. № 5. С. 84–97.
- Домнин 1994 – *Домнин И.В.* Военная культура Русского Зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940: В 2 кн. М.: Наследие, 1994. Кн. 1. С. 124–129.
- Жалнина-Василькиоти, Шергалин 2016 – *Жалнина-Василькиоти И.Л., Шергалин Е.Э.* Дмитрий Александрович Подушкин (1877–1951) – один из основателей зоологического музея Государственного университета имени Аристотеля в Салониках // Русский орнитологический журнал. 2016. Т. 25 (1282). С. 1631–1639.
- Закатов 2008 – *Закатов А.Н.* Традиции российской государственности: легитимизм и народность // Трибуна русской мысли. 2008. № 8. С. 94–110.
- Звавич, Ловцов 2017 – *Звавич В.И., Ловцов А.С.* Архив Центра российской культуры при колледже г. Амхерст (США). Собрание ценных и малоизученных документов российской диаспоры // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: Сб. ст. М.: Этерна, 2017. С. 184–189.

- Земсков 1991 – *Земсков В.Н.* Рождение «Второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 3–24.
- Клоостерман 2012 – *Клоостерман Я.* Архив Михаила Бакунина в Амстердаме: история формирования и состав // Вестник МГУ. Сер. 12. «Политические науки». 2012. № 4. С. 55–71.
- Копришова-Вуколова 1994 – *Копришова-Вуколова А.* Русская реальная гимназия в Моравской Тржебове // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940-е гг. / Под общ. ред. Е.П. Чельшова и Д.М. Шаховского: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наследие, 1994. С. 377–382.
- Лисенкова 2017 – *Лисенкова Л.Н.* В.А. Маклаков и П.Н. Милоков: спор об исторической «вине» российского либерализма // Русский логос: горизонты осмысления: Мат-лы междунар. философ. конф. Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г.: В 2 т. СПб.: Интерсоцис: Изд. РХГА, 2017. Т. 1. С. 417–422.
- Микуленок 2015 – *Микуленок А.А.* Проблема урегулирования правового положения российских эмигрантов в Польше в 1920-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Т. 7. № 6. Ч. 2. С. 64–69 и др.
- Милоков 2001 – *Милоков П.Н.* История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 765 с.
- Михальченко, Ткаченко 2018 – *Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.* Личные фонды русских эмигрантов в Архиве Республики Словении // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1217–1230.
- Олджай 2007 – *Олджай Тюркан.* Вклад русской диаспоры в культурную жизнь Стамбула // Инновации исследования русского языка, литературы и культуры. Пловдив: П. Хилендарски, 2007. Т. I. С. 453–465.
- Пальников 2013 – *Пальников М.С.* Четвертая волна эмиграции: особенности и последствия // Русское зарубежье: история и современность: Сб. ст. Вып. 2 / Ред.-сост. Ю.В. Мухачев, Т.Г. Петрова. М., 2013. С. 253–276.
- Пархоменко 2017 – *Пархоменко Т.А.* Немецкие издания 1920–1930 годов о русской эмиграции в Германии // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 2 (33). С. 120–135.
- Пивовар 2008 – *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 545 с.
- Ратушняк 2015 – *Ратушняк О.В.* История казачьего зарубежья в российской историографии // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. «История». 2015. № 4 (36). С. 119–127.
- Сабенникова 2006 – *Сабенникова И.В.* Правовое положение российской эмиграции 1920–1930-х гг. в странах-реципиентах: сравнительный анализ // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930 годы: Сб. науч. тр. СПб.: Сударыня, 2006. С. 43–59.
- Сабенникова 2011 – *Сабенникова И.В.* Политическая эмиграция в Европе 1917–1939: общее и особенное // Россия и современный мир. 2011. № 2. С. 196–209.
- Сабенникова 2015 – *Сабенникова И.В.* Русская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. 2-е изд. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 551 с.
- Северюхин, Лейкинд 1994 – *Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Художники русской эмиграции 1917–1941: Биогр. слов. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. 588 с.
- Седова 2013 – *Седова Е.Е.* Русская школа в Болгарии как фактор национального самосохранения детей эмиграции // Известия Воронежского гос. пед. ун-та. 2013. № 1 (260). С. 116–122.

- Серационова 2004 – *Серационова Е.П.* Российская эмиграция «первой волны» в чешской и словацкой историографии // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX–XX в.): Сб. ст. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 210–229.
- Ульянкина 2006 – *Ульянкина Т.И.* «В целях сохранения национальной русской науки» (история Русской академической группы в США) // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 1. С. 86–124.

References

- Ablova, N.E. (2005), “Activities of ‘White’ Emigration Organizations in China during the conflicts of Soviet-China relations: 1929–1931”, *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 4, pp. 143–153.
- Agenosov, V.V. (2006–2007), “Results and goals of studying Di-Pi literature and after-war emigration”, *Zapiski RAG v SShA* [Notes of the Association of Russian-American Scholars in the USA], vol. 34, New York, USA, pp. 51–60.
- Aksenova, E.P. and Dostal', M.Yu. (2001), “Russian science academia in Prague during WWII”, *Slavyanovedenie*, no. 4, pp. 31–54.
- Antoshchenko, A.V. (2001), “Archival collection of the academy member P.G. Vinogradov at Harvard Law School library”, *Rossica v SShA* [Rossica in USA], Popov, A.V. (ed.), Institut politicheskogo i voennogo analiza, Moscow, Russia, pp. 124–145.
- Avduysheva-Lekomt, N.A. (2008), “Leonid Freshkop. Russian Artist in Belgium. Interwar period of life and work”, *Khudozhestvennaya kul'tura russkogo zarubezh'ya: 1917–1939* [The art culture of the Russian diaspora in 1917–1939], Indrik, Moscow, Russia, pp. 186–191.
- Baryshev, E.A. and Yuzuru, Tonai (2017), “Russia-related archives in Japan. The case of Kuroki Chikanori's (1883–1934) personal fund”, *RSUH/RGGU Bulletin*. “Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security” Series, no. 4 (10), pp. 72–86.
- Bazanov, P.N. and Sokolov, M.V. (2009), “Peasant Russia' – Labour peasant party. From history of political ‘activism’ of Russian emigration”, *Klio*, no. 1 (44), pp. 62–69.
- Bel'chich, Yu.V. (2003), “‘Russian creator’ of the French miracle”, *Nauka v Rossii*, no. 5, pp. 84–89.
- Bogomolov, N.A. (2002), “Russian newspaper in Poland. Literature and politics”, *The intelligentsia of Russia and Poland: Abstracts from the conference held at Lund University*, August 22–25, 2002, Lund, Sweden, pp. 19–20.
- Danielson, E. (2001), “Archives of Russian migrants at the Hoover Institution”, *Vestnik arkhivista*, no. 1, pp. 202–211.
- Daskalov, D. (1996), “Publishing activities of Russian diaspora in Bulgaria”, *Slavyanovedenie*, no. 5, pp. 84–97.
- Domnin, I.V. (1994), “Military culture of Russian Diaspora”, *Kul'turnoe nasledie rossiiskoi migratsii, 1917–1940* [Cultural heritage of the Russian emigration, 1917–1940, in 2 books, book 1, Nasledie, Moscow, Russia, pp. 124–129.
- Ganin A.V. (2014), “The Russian General Staff officers-emigrants during the years of WWII”, *Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii: chelovek, obshchestvo, narod v istorii, yazyke i kul'ture* [Slavic world in the third millennium. The man, society, people in history, language and culture.], Collection of Articles, ISL RAN, Moscow, Russia, pp. 170–182.

- Kloosterman, Ya. (2012), "Archive of Mihail Bakunin at Amsterdam. History of formation and contents", *Vestnik MGU. Series 12 "Political Sciences"*, no. 4, pp. 55–71.
- Koprshivova-Vukolova, A. (1994), "Russian Practical Education High School at Moravian Trzhebov", *Kul'turnoe nasledie rosiiskoi emigratsii: 1917–1940s* [Cultural heritage of Russian emigration], Chelyshev, E.P., Shahovskoi, D.M. (eds.), in 2 books, book 1, Nasledie, Moscow, Russia, pp. 377–382.
- Lisenkova, L.N. (2017), "V.A. Maklakov and P.N. Milyukov. Arguments on historical 'blame' of Russian liberalism", *Russian logos: horizons of meaning. Materials of international philosophical conference*, Saint Petersburg, September, 25–28, 2017, in 2 vols., vol. 1, Intersotsis, RHGA, Saint Petersburg, Russia, pp. 417–422.
- Mikhal'chenko, S.I. and Tkachenko, E.V. (2018), "Personal collections of Russian migrants at Archives of Slovenian Republic", *Vestnik arkhivista*, no. 4, pp. 1217–1230.
- Mikulenok, A.A. (2015), "Issue of regulating legal status of Russian migrants in Poland in 1920s", *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and socio-educational thought], vol. 7, no 6, part 2, Krasnodar, Russia, pp. 64–69.
- Milyukov, P.N. (2001), *Istoriya vtoroi russkoi revoliutsii* [History of the Second Russian Revolution], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Oldzhai, T. (2007), "Contribution of Russian diaspora into cultural life of Istanbul", *Innovatsii issledovaniya russkogo yazyka, literatury i kul'tury* [Innovations in the study of the Russian language, literature and culture.], vol. 1, P. Khilendarski, Plovdiv, Poland, pp. 453–465.
- Pal'nikov, M.S. (2013), "Fourth wave of emigration: features and consequences", *Russkoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost'*, *Sbornik statei* [Russian Diaspora. History and the Present. Coll. of art.], iss. 2, pp. 253–276.
- Parkhomenko, T.A. (2017), "German publishing of 1920s–1930s about Russian diaspora in Germany", *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, no. 2 (33), pp. 120–135.
- Pivovar, E.I. (2008), *Rossiiskoe zarubezh'e: sotsial'no istoricheskii fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii* [Russian Diaspora. A socio-historical phenomenon, the role and place in the cultural and historical heritage], RGGU, Moscow, Russia.
- Ratushnyak, O.V. (2015), "History of Cossack diaspora in Russian historiography", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya"*, no. 4 (36), pp. 119–127.
- Sabennikova I.V. (2006), "Legal status of Russian migrants in 1920–1930s in recipient countries. A comparative analysis", *Pravoe polozhenie rossiiskoi emigratsii 1920–1930 gg.* [Legal status of Russian migrants in 1920–1930s], Coll. of sc. Works, Sudarynya, Saint Petersburg, Russia, pp. 43–59.
- Sabennikova, I.V. (2011). "Political emigration in Europe in 1917–1939. The general and specific.", *Rossiya i sovremennyi mir*, no. 2, pp 196–209.
- Sabennikova, I.V. (2015), *Russkaya emigratsiya (1917–1939): sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie* [Russian emigration (1917–1939). The comparative-typology research], 2nd ed., Direct-Media, Berlin, Moscow, Russia.
- Sedova, E.E. (2013), "Russian School in Bulgaria as a factor of national self-preservation for migrant children", *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 1 (260), pp. 116–122.
- Serapionova, E.P. (2004), "Russian emigration of 'first wave' in Czech and Slovak historiography", *Istoriya rossiiskogo zarubezh'ya. Problemy istoriographii (konets XIX–XX v.)* [History of the Russian Abroad. Problems of historiography], IRI RAN, Moscow, Russia, pp. 210–229.

- Severyukhin, D.Ya. and Leikind, O.L. (1994), “*Khudozhniki russkoi emigratsii 1917–1941 gg.: biographicheskii slovar*” [Artists of Russian diaspora 1917–1941. Biography dictionary], Izdatel'stvo Chernyshova, Saint Petersburg, Russia.
- Ul'yankina, T.I. (2006), “‘In order to preserve national Russian science’ (history of the Association of Russian-American Scholars in the USA)”, *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, vol. 1, pp. 86–124.
- Vandalkovskaya, M.G. (1992), “P.N. Milyukov, A.A. Kisevetter: istoriya i politika” [P.N. Milyukov, A.A. Kisevetter. History and politics], Nauka, Moscow, Russia.
- Vandalkovskaya, M.G. (2005), “Liberal-conservative thought of emigration. The nature and specifics (20s–30s of XX century)”, *Istoriya i istoriki: istoriograficheskii vestnik. 2004*, Nauka, Moscow, Russia, pp. 158–185.
- Zakatov, A.N. (2008), “Traditions of Russian statehood. The legitimacy and national spirit”, *Tribuna russkoi mysli*, vol. 8, pp. 94–110.
- Zemskov, V.N. (1991), “Birth of the ‘Second emigration’ (1944–1952)”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, vol. 4, pp. 3–24.
- Zhalnina-Vasil'kioti, I.L. and Shergalin, Ye.E. (2016), “Dmitriy Aleksandrovich Podushkin (1877–1951) – one of the founders of Zoology Museum of Aristotle State University at Thessaloniki”, *Russkii ornitologicheskii zhurnal*, vol. 25 (1282), pp. 1631–1639.
- Zvavich, V.I. and Lovtsov, A.S. (2017), “Archive of Center for Russian Culture of Amherst College (USA) – Collection of valuable and little-studied documents of Russian Diaspora”, *Rol' arkhivov v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki* [The role of archives in the information support of historical science], Eterna, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ирина В. Сабенникова, доктор исторических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела, Москва, Россия; 117393, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82, sabennikova@mail.ru

Information about the author

Irina V. Sabennikova, Dr. of Sci. (History), All-Russian Science and Records Management Research Institute (VNIIDAD), Moscow, Russia; bld. 82, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia, 117383; sabennikova@mail.ru

Карл Витфогель и формирование концепции гидравлического государства в Мезоамерике

Дмитрий Д. Беляев

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, lakatka@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается эволюция взглядов создателя теории «гидравлического общества» К.А. Витфогеля (1896–1988) на характер социально-экономических отношений и государственного устройства доколумбовых обществ Мезоамерики. Анализ ранних публикаций Витфогеля свидетельствует, что изначально он относил Мезоамерику к типу восточных «феодальных» обществ, в которых не сложилась деспотическая государственность. Изменение этой позиции было связано с началом общения с мезоамериканистами (П. Кирхгоф, П. Карраско) и сотрудничеством с Дж. Стюардом. Общетеоретические идеи Витфогеля оказали важнейшее влияние на позицию А. Палерма, который в начале 1950-х гг. сформулировал собственную концепцию возникновения городской цивилизации в Мезоамерике. В свою очередь работы Палерма и его коллеги П. Армильяса способствовали окончательному оформлению взглядов Витфогеля на доиспанскую историю. В монографии «Восточный деспотизм» (1957) Витфогель постулирует, что цивилизация в Мезоамерике сложилась на основе гидравлической экономики и выделяет два типа социумов: полусложные («рыхлые») общества без доминирования ирригационных систем на региональном уровне (подтип L2), к которому относятся государства Центральной Мексики (астеки и Тескоко), и «маргинальные общества с высокой гидравлической плотностью» (подтип M1), к которому относятся майя.

Ключевые слова: политогенез, ранние цивилизации, гидравлическая теория, восточный деспотизм, Мезоамерика

Для цитирования: Беляев Д.Д. Карл Витфогель и формирование концепции гидравлического государства в Мезоамерике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 144–155. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-144-155

Karl A. Wittfogel and the formation of the concept of hydraulic state in Mesoamerica

Dmitri Beliaev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, lakamha@mail.ru

Abstract: The article describes the evolution of the ideas about the of social and economic nature and political structure of pre-Columbian societies of Mesoamerica of the founder of the theory of “hydraulic society” Karl Wittfogel (1896–1988). An analysis of Wittfogel’s early publications shows that he initially attributed Mesoamerica to the type of oriental “feudal” societies that did not develop a despotic-type state. The change of this position was connected to the contacts with the Mesoamericanists like Paul Kirchhoff and Pedro Carasco and cooperation with Julian Steward. Wittfogel’s theoretical ideas had an important impact on the position of Angel Palerm, who formulated his own concept of the emergence of urban civilization in Mesoamerica. The work of Palerm and Pedro Armillas, in their turn, contributed to the final formulation of Wittfogel’s views of the pre-Hispanic history. In “Oriental Despotism” (1957), Wittfogel suggested that civilization in Mesoamerica was based on hydraulic system and separated two regional variants. The first, defined as semi-complex (“loose”) hydraulic society (subtype L2), includes the states of Central Mexico (Aztec and Texcoco). The second called “marginal hydraulic societies substantial hydraulic elements” (subtype M1) was represented by the lowland Maya.

Keywords: politogenesis, hydraulic theory, early civilizations, oriental despotism, Mesoamerica

For citation: Beliaev, D.D. (2020), “Karl Wittfogel and the formation of the concept of hydraulic state in Mesoamerica”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 144-155, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-144-155

Карл Август Витфогель (1896–1988) является одной из самых ярких и противоречивых фигур в социальных науках XX в.¹ Немецкий драматург и политик, деятель коммунистического движения, чьи ранние пьесы переводила на русский язык Лиля Брик, историк-китаист, участник «больших дискуссий» об азиатском способе производства в советской науке. Профессор Вашингтонского университета и директор Института истории Китая, соавтор фундаментальной истории китайской династии Ляо (906–1125). И в то

¹ В современной отечественной историографии наиболее детальный анализ научной биографии К.А. Витфогеля дал Г.Г. Пиков [Пиков 2010]. О концепции «восточного деспотизма» Витфогеля см. также [Латов 2007].

же время с конца 1930-х гг. – критик советской системы, выступавший в 1951 г. свидетелем перед сенатской комиссией по делам внутренней безопасности, из-за чего его обвинили в предательстве идей марксизма и своих коллег.

Самый известный труд Витфогеля – монография «Восточный деспотизм: сравнительное исследование тотальной власти» [Wittfogel 1957] – сразу же после выхода получил критические оценки со стороны многих специалистов, отметивших как фактологические натяжки и ошибки, так и общую слабость концепции «гидравлического государства» [Eisenstadt 1958; Pulleyblank 1958; Leach 1959 и др.]. Арнольд Тойнби оценил его скорее как политическую работу, выделив «обычное современное осуждение коммунистического режима в Советском Союзе» [Toynbee 1958, p. 196]. В советской науке монография была воспринята как новый удар автора по марксистской теории [Павловская 1965; Никифоров 1977, с. 190–194 и др.]. Тем не менее теория «восточного деспотизма», который характеризуется специфическими отношениями государства и общества, оказала существенное влияние на социальные науки (см., например, [Феномен 1993]).

Гораздо меньше внимания в историографии уделено влиянию концепции «гидравлического государства» на изучение истории древней Мезоамерики.

В начале научной карьеры американский материал для Витфогеля был периферийным. Тем не менее уже в статье «Теория восточного общества», где впервые выдвинут тезис, что «восточное общество» (*orientalischen Gesellschaft*) носит универсальный характер, и предложена концепция «гидравлического общества» (*Wasserbaugesellschaft*), он вкратце упомянул «древнемексиканское» общество, которое относил к Типу II или к «обществам восточного феодализма», в которых малый масштаб ирригационных сооружений не позволил сформироваться деспотическому государству [Wittfogel 1938, s. 102]. Полноценное «гидравлическое общество» существовало лишь в древнем Перу (государство инков) [Wittfogel 1938, s. 100, 103].

Начав работу над «Восточным деспотизмом» в конце 1930-х – начале 1940-х гг., Витфогель более детально рассмотрел мексиканские и центральноамериканские данные. В неопубликованной рукописи 1940 г., материалы из которой цитируются в работе 1972 г., он впервые обратился к «теократии майя» и, вопреки преобладавшему на тот момент в науке мнению, отнес ее к гидравлическим обществам с продуктивным ирригационным земледелием [Wittfogel 1972, p. 66]. Напротив, Центральная Мексика (в частности, долина Мехико) рассматривалась им как регион, где основной функцией

гидравлических сооружений была защита от наводнений. Сравнение с Японией проводится гораздо более осторожно и отмечается, что «в Центральной Америке рост доминирующих городских центров “восточного” типа был, кажется, стимулирован внутренними потребностями» [Wittfogel 1972, p. 67]. Позднее расхождения с японским образцом стали еще более явными, что отразилось в сноске: «Ранее я классифицировал древнюю Мексику вместе с доиндустриальной Японией... Дальнейшее исследование привело меня к заключению, что древнемексиканское общество было существенно более бюрократизированным и восточным. Отдельные феодальные тенденции, которые действительно существовали, оставались второстепенными. Они усложняли базисный порядок, который по своим экономическим и политическим основам был чуждым настоящему феодализму, а не отменяли его» [Wittfogel 1972, pp. 66–67].

Интерес Витфогеля к доколумбовой Америке усилился в 1940-е гг., после знакомства с Паулем Кирхгофом², Педро Карраско³ и Педро Армильясом⁴, а также после начала сотрудничества с одним из теоретиков неэволюционизма Джулианом Стюардом. Стюард высоко оценил анализ Витфогелем структуры восточных обществ и включил ирригацию в число базовых факторов развития ранних цивилизаций [Steward 1949]. Витфогель окончательно включил мезоамериканские социумы в типологию «гидравлических обществ» к 1955 г., однако его модель претерпела изменения. Роль гидравлического фактора в развитии государств Мексиканского нагорья была пересмотрена, и они отнесены к подтипу «слабых» (“loose”) гидравлических обществ, в которых ирригация сочетается с дождевым земледелием. Майя же были исключены из числа полноценных гидравлических цивилизаций и отнесены к категории маргинальных обществ, в которых отсутствуют гидравлические работы, однако формы организационного контроля напоминают деспотические государства, поэтому они способны предпринять масштабные негидравлические строительные проекты. Такие социумы возникают на периферии «слабых» гидравлических обществ, чаще всего под их влиянием [Wittfogel 1955].

Эта типология была расширена и трансформирована в «Восточном деспотизме». Как пишет Витфогель, работа с исторически-

² Немецкий (позднее мексиканский) этнолог и историк (1900–1972), создатель термина «Мезоамерика» и концепции мезоамериканской цивилизации.

³ Мексиканский историк и антрополог (1921–2012), уроженец Испании, специалист по истории и социальной организации астеков.

⁴ Испанский эмигрант, археолог (1914–1984), специалист по системам земледелия в Мезоамерике.

ми источниками, а также материалы П. Армильяса и А. Палерма окончательно убедили его в том, что общества горной Мезоамерики следует отнести к «ядру» гидравлических обществ, в которых на основе ирригации сформировались деспотические государства. В них наблюдаются все основные признаки, характерные для Старого Света. Орошение достигло наивысшего развития в долине Мехико, где главным источником воды были не «великие реки», а озера и текущие с гор потоки, но отмечается и в других регионах. История ирригации в Мексике уходит как минимум к середине I тыс. до н. э. [Wittfogel 1957, pp. 19–20]. Так же, как и в Старом Свете, помимо орошения важную роль играли работы по контролю за наводнениями (в этом отношении Центральная Мексика сравнивается с Северной Месопотамией и Северным Китаем). Отмечается кооперация значительных групп населения в строительстве ирригационных сооружений на основе системы повинностей. Оросительные каналы могли служить для транспортировки грузов и ресурсов [Wittfogel 1957, pp. 24–25, 32]. Свидетельства строительства масштабных негидравлических сооружений в Мексике включают оборонительные сооружения, дворцовые и храмовые комплексы [Wittfogel 1957, pp. 36, 39, 41].

Политическая организация центральномексиканских обществ демонстрировала черты деспотического государства, в котором государство сильнее общества. Административная инфраструктура включала письменность как форму контроля над земельными и трудовыми ресурсами, систему дорог и почтовых станций. Военной организации были свойственны крупные армии [Wittfogel 1957, pp. 51, 55, 63]. Практиковалось централизованное использование труда населения на государственных и/или храмовых землях на основе системы повинностей, подати выплачивались в натуральной форме [Ibid., pp. 68–70]. Религия была частью системы государственной власти, в которой правитель выполняет важные ритуальные функции, верховная власть имела деспотический характер, подчеркивалось исключительное положение правителя [Wittfogel 1957, pp. 96, 104, 152–153].

В то же время Витфогель по-прежнему полагал, что уровень «гидравлической плотности» в государствах горной Мексики был ниже, чем в классических гидравлических обществах Старого Света. Об этом свидетельствовали следующие критерии: 1) степень целостности гидравлической системы (невысокая; наиболее схожим древневосточным обществом представлялась древняя Ассирия); 2) соотношение между ирригацией и дождевым земледелием (обширные площади в Мексике орошались дождевыми осадками). На основе сочетания этих критериев Мексика отнесена к «слабым»

обществам, без доминирования ирригации на региональном уровне (подтип L2) [Wittfogel 1957, pp. 165–168].

При анализе «агроменеджеральной бюрократии» в доиспанской Мезоамерике Витфогель обращает внимание на то, что в астековом обществе сформировался независимый класс профессиональных ремесленников и торговцев, которых он сравнивает с шумерскими. Ремесленники не были зависимы от государства и вели собственное хозяйство, а торговцы-почтеки хоть и были связаны с правителями и знатью, не были частью государственного аппарата [Wittfogel 1957, pp. 258–259]. На основании этого астеки определяются как «полусложное гидравлическое общество» [Ibid., p. 259]. Отмечается и специфика собственности на землю: основной ее массив находился под контролем государства, в то же время существовали частные земли правителей, придворных и богатых торговцев, которые обрабатывали зависимые люди [Wittfogel 1957, pp. 271–277, 285–286].

Если уровень «гидравличности» центральномексиканского варианта в монографии 1957 г. повысился, то майя по-прежнему остались в категории маргинальных гидравлических обществ. В анализе цивилизации майя, включенном в 6-ю главу, Витфогель использовал различные категории доступных ему источников – как археологические, так и письменные, хотя с последними работал не в подлинниках, а в переводах. Как отмечает Витфогель, «уникальные» черты майя «базируются на основах производства, организации и извлечения ресурсов, очень схожих с основами других маргинальных агроменеджеральных обществ» [Wittfogel 1957, p. 184].

Природные условия полуострова Юкатан не позволяют создать полноценную ирригацию. Тем не менее у майя обнаруживаются свидетельства гидравлических сооружений – колодцы (сеноты), цистерны (чультуны) и искусственные резервуары для воды (агуады). Последним Витфогель придает особую важность, поскольку их создание требовало организации значительных трудовых ресурсов. Помимо этого он отмечает, что в горных районах были обнаружены каналы и другие гидротехнические сооружения. Негидравлические монументальные постройки включали пирамиды, храмы, дворцы, а также массивные каменные дороги [Wittfogel 1957, pp. 184–186].

Письменные источники, описывающие общество Северного Юкатана накануне испанского завоевания, сообщают, что строительство, а также обработка земель знати велись на основе системы трудовых повинностей. Основной формой политической организации были города-государства или их объединения, подчинявшиеся верховным правителям, собиравшим налоги с подданных. Госу-

дарственный аппарат был представлен должностными лицами и «городскими советниками», которые использовали иероглифическую письменность, в том числе для ведения земельных кадастров, а также военными чинами, одни из которых занимали должности пожизненно, а другие назначались на три года. Отборные воины, получавшие вознаграждение за службу, составляли «кадровую армию», но в то же время могло созываться и ополчение. Анализируя систему извлечения ресурсов, Витфогель приходит к выводу, что она была сложнее, чем традиционно считалось. Хотя источники утверждают, что налоги в целом были невысокими, общинники и обрабатывали поля правителей и знати, и выплачивали натуральные подати, в то время как в астекском государстве работники на государственных и храмовых полях были освобождены от налогов [Wittfogel 1957, pp. 187–188].

Все эти характеристики дали основание отнести цивилизацию майя к категории, переходной между «рыхлыми» гидравлическими обществами и маргинальными, сопоставив ее с киданьской империей Ляо. Эта категория получила обозначение «маргинальные общества с высокой гидравлической плотностью» (M1) [Wittfogel 1957, p. 188].

Взгляды Витфогеля на общества доколумбовой Америки оставались неопубликованными до середины 1950-х гг., но его теоретические положения стимулировали научную дискуссию, приведшую к формированию новых перспективных концепций в мезоамериканистике. В историографии часто утверждается, что идея о связи между экологическими условиями, ирригацией и формированием цивилизации в Мезоамерике была высказана в мезоамериканистике Анхелем Палермом и Педро Армильясом независимо от Витфогеля [Price 1971, p. 5].

Анхель Палерм Виш (1917–1980) – фигура не менее яркая, чем Витфогель. Он родился в Испании, учился в Университете Барселоны, был членом Федерации анархистов Иберии (FAI) и Объединенной социалистической партии Каталонии (PSUC), принимал активное участие в боевых действиях в гражданской войне. В 1939 г. эмигрировал в Мексику, где продолжил обучение в Национальном автономном университете Мехико, а затем в Национальной школе антропологии и истории, в которой в 1953 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Происхождение городской цивилизации в Мезоамерике». Затем Палерм работал в администрации Организации американских государств и преподавал в американских университетах. После возвращения в Мексику в 1966 г. создал в Ибероамериканском университете (Пуэбла) департамент социальной антропологии [Wolf 1981].

Анализ ранних работ Палерма показывает, что с самого начала его взгляды находились под сильным влиянием идей Витфогеля. В статье «Городская революция» автор отмечает, что «данное исследование отталкивается от теорий Чайлда и Витфогеля и от предложений Армилльеса» [Palerm 1952, p. 186], и уточняет, что «теория Чайлда, основанная на его исследовании Месопотамии, дополняется наблюдениями и гипотезами Витфогеля о китайском обществе» [Palerm 1952, p. 185]. Приведенные в списке литературы работы Витфогеля включают лишь его синологические исследования 1930–1940-х гг., так что похоже, что в то время Палерм еще не был знаком со взглядами Витфогеля на «древнемексиканское общество».

Общая концепция Палерма выглядит стандартно. Земледелие создает базу для появления прибавочного продукта, который является основой урбанизма. Но урбанизм возникает не во всяком земледельческом обществе, а только в том, которое основано на ирригации. Строительство, пуск и поддержание оросительных систем являются теми сферами деятельности, которые сделали необходимым коллективную работу под управлением единой власти. Это увеличивает степень социальной интеграции и господство правящей группы, которая получает возможность наказания разрушителей порядка, лишая их доступа к воде. Появление городских центров приводит к формированию городов-государств, общественный строй которых характеризуется как «разновидность примитивного “феодализма”» [Palerm 1952, p. 186]. Борьба за контроль над источниками воды и лучшими землями приводит к росту милитаризма. Могущество городов-государств росло за счет войн и завоеваний, территориальный рост позволял проводить ирригационные работы большего масштаба, которые, в свою очередь, вели к укреплению социальной интеграции и усилению власти правителей. Так формируются древние империи [Palerm 1952, pp. 184–185].

Существование комплекса «ирригация – город – государство – милитаризм – империя», элементы которого связаны жесткими причинно-следственными связями, Палерм считает доказанным для древнего Перу, свою же задачу он видит в проверке этой гипотезы на мезоамериканских материалах. По его мнению, в Мезоамерике не все земледельческие общества достигли уровня городской культуры, что связано с особенностями хозяйства. Автор выделяет три основных типа земледелия: подсечно-огневое, переложное и ирригационное. Каждому из них соответствуют свои демографические параметры и свой тип расселения. В итоге он приходит к выводу, что «цивилизация в Мезоамерике не могла ни появиться, ни развиваться в зоне подсечно-огневого земледелия; сомнительно, что-

бы она произошла в зоне экстенсивного переложного земледелия, хотя могла там вполне успешно развиваться; почти не вызывает сомнений, что городская культура зародилась и изначально развивалась в районах с ирригационным земледелием, и уже оттуда распространилась шире» [Palerm 1952, p. 202].

После выхода «Восточного деспотизма» Палерм откликнулся на книгу положительной рецензией, в которой назвал ее «выдающейся работой, кульминацией исследования длинной в жизнь» и «одним из важнейших вкладов в теорию социальных наук» [Palerm 1958, p. 440]. Главным ее достоинством рецензент считает тот факт, что она разрушает доминирующую в науке однолинейную картину развития человеческой цивилизации и предлагает многолинейную интерпретацию. Палерм также особо выделил идею, что система социальных классов не обязательно должна быть основана на частной собственности на средства производства. В частности, в восточных обществах частная собственность не существует или играет незначительную роль, и правящий класс состоит не из собственников, а из государственных чиновников, и деспотическое государство не служит инструментом класса собственников, а само по себе является правящим классом.

В противовес другим рецензентам, Палерм полностью соглашается с тем, что ирригационное земледелие играло исключительную роль в истории человечества. Он отмечает, что широкое распространение оросительных систем в Андах было известно специалистам давно по материалам письменных и археологических источников, однако теоретическое осмысление этого факта имело место лишь благодаря Витфогелю. В изучении истории Центральной Мексики этот фактор систематически недооценивался, и лишь благодаря работам Витфогеля и Стюарда специалисты обратились к этой проблеме. В то же время майянисты по-прежнему не исследовали всерьез ключевую проблему, обозначенную Палермом как «цивилизация высокого уровня, основанная на подсечно-огневом земледелии» [Palerm 1958, p. 440]. Критические замечания Палерма направлены прежде всего на анализ цивилизации майя. Он отмечает, что Витфогель не принял во внимание очень высокое разнообразие природных условий области майя, которые позволяют развивать различные виды земледелия. В связи с этим он считает, что необходимо дальнейшее детальное изучение различных земледельческих систем майя на разных этапах их истории [Palerm 1958, p. 441].

В отличие от исследований ранних цивилизаций Старого Света, где идеи Витфогеля были скептически восприняты археологами и историками [Adams 1960; Adams 1966, p. 66–68], в изучении процессов формирования городских цивилизаций и государственно-

сти в Мезоамерике они оказались продуктивны. Благодаря интерпретации «гидравлического общества» Палермом и Армильясом, концепция «гидравлического государства» оказалась органично инкорпорированной в неэволюционистскую теорию и получила дальнейшее развитие в 1960-е гг. в рамках культурно-экологического подхода.

Литература

- Латов 2007 – *Латов Ю.В.* «Восточный деспотизм» К.А. Витфогеля (К 50-летию «странной» книги) // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 2. С. 8–37.
- Никифоров 1977 – *Никифоров В.Н.* Восток и всемирная история. М.: Наука, 1977. 350 с.
- Павловская 1965 – *Павловская А.И.* О концепции гидравлического общества К. Витфогеля // Вестник древней истории. 1965. № 4. С. 184–190.
- Пиков 2010 – *Пиков Г.Г.* Карл Август Витфогель и «восточный деспотизм» // История через личность. Историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Квадрига, 2010. С. 390–412.
- Феномен 1993 – Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти / Отв. ред. Н.А. Иванов. М.: Наука. Восточная литература, 1993. 245 с.
- Adams 1960 – *Adams R.M.* Early Civilizations, Subsistence, and Environment // *City Invincible* / Ed. by C.H. Kraeling, R.M. Adams. Chicago: University of Chicago Press, 1960. P. 269–296.
- Adams 1966 – *Adams R.M.* The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago: Aldine Publishing Company, 1966. 191 p.
- Eisenstadt 1958 – *Eisenstadt S.N.* The study of oriental despotisms as systems of total power // *Journal of Asian Studies*. 1958. Vol. 17. № 3. P. 435–446.
- Leach 1959 – *Leach E.* Hydraulic Society in Ceylon // *Past and Present*. 1959. Vol. 15. P. 2–26.
- Palerm 1952 – *Palerm A.* La civilización urbana // *Historia Mexicana*. 1952. Vol. 2. № 2. P. 184–209.
- Palerm 1958 – *Palerm A.* Review of “Oriental despotism: a comparative study of total power” by Karl A. Wittfogel // *American Antiquity*. 1958. Vol. 23. № 4. P. 440–441.
- Price 1971 – *Price B.* Prehispanic Irrigation Agriculture in Nuclear America // *Latin American Research Review*. 1971. Vol. 6. № 3. P. 3–60.
- Pulleyblank 1958 – *Pulleyblank E.G.* Review of “Oriental despotism: a comparative study of total power” by Karl A. Wittfogel // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1958. Vol. 1. № 3. P. 351–353.
- Steward 1949 – *Steward J.* Cultural Causality and Law: A Trial Formulation of the Development of Early Civilizations // *American Anthropologist*. 1949. Vol. 51, № 1. P. 1–27.
- Toynbee 1958 – *Toynbee A.* Oriental Despotism, a Comparative Study of Total Power. By Karl A. Wittfogel // *American Political Science Review*. 1958. Vol. 52. № 1. P. 195–198.

- Wittfogel 1938 – *Wittfogel K.A.* Die Theorie der orientalischen Gesellschaft // Zeitschrift für Sozialforschung. Paris, 1938. Vol. 7. № 1/2. S. 90–122.
- Wittfogel 1955 – *Wittfogel K.A.* Developmental Aspects of Hydraulic Societies // Irrigation Civilizations: A Comparative Study / Ed. by J. Steward. Washington: Pan American Union, 1955. P. 43–57.
- Wittfogel 1957 – *Wittfogel K.A.* Oriental Despotism, a Comparative Study of Total Power. New Haven; London: Yale University Press, 1957.
- Wittfogel 1972 – *Wittfogel K.A.* The hydraulic approach to Pre-Spanish Mesoamerica // The prehistory of the Tehuacan valley. Vol. 4. Chronology and irrigation. London, Dallas, 1972. P. 59–80.
- Wolf 1981 – *Wolf E.* Angel Palerm Wich 1917–1980 // American Anthropologist. 1981. Vol. 83. № 3. P. 612–614.

References

- Adams, R.M. (1960), “Early Civilizations, Subsistence, and Environment”, in Kraebling, C.H., Adams, R.M. (eds.), *City Invincible*, University of Chicago Press, Chicago, IL, USA, pp. 269–296.
- Adams, R.M. (1966), *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*, Aldine Publishing Company, Chicago, IL, USA.
- Eisenstadt, S.N. (1958), “The study of oriental despotisms as systems of total power”, *Journal of Asian Studies*, vol. 17, no. 3, pp. 435–446.
- Ivanov, N.A. (ed.) (1993), *Fenomen vostochnogo despotizma: struktura upravleniya i vlasti* [The phenomenon of the oriental despotism. The governance and power structure], Nauka, Vostochnaya literatura. Moscow, Russia.
- Latov, Yu.V. (2007), “‘Oriental Despotism’ by K.A. Wittfogel. On the 50-anniversary of a ‘strange’ book”, *Istoriko-ehkonomicheskie issledovaniya*, vol. 8, no. 2, pp. 8–37.
- Leach, E. (1959), “Hydraulic Society in Ceylon”, *Past and Present*, vol. 15, pp. 2–26.
- Nikiforov, V.N. (1977), *Vostok i vsemirnaya istoriya* [Orient and the world history], Nauka, Moscow, Russia.
- Pavlovskaya, A.I. (1965), O kontseptsii gidravlicheskogo obshchestva K. Vitfogelya [On the concept of hydraulic society by K. Wittfogel], *Vestnik drevnei istorii*, no. 4, pp. 184–190.
- Palerm, A. (1952), “La civilización urbana”, *Historia Mexicana*, vol. 2, no. 2, pp. 184–209.
- Palerm, A. (1958), “Review of ‘Oriental despotism: a comparative study of total power’ by Karl A. Wittfogel”, *American Antiquity*, vol. 23, no. 4, pp. 440–441.
- Pikov, G.G. (2010), “Karl August Wittfogel and ‘oriental despotism’”, in Repina, L.P. (ed.), *Istoriya cherez lichnost'. Istoricheskaya biografiya segodnya* [History through personality. Historical biography today], Kvadriga, Moscow, Russia, pp. 390–412.
- Price, B. (1971), “Prehispanic Irrigation Agriculture in Nuclear America”, *Latin American Research Review*, vol. 6, no. 3, pp. 3–60.
- Pulleyblank, E.G. (1958), “Review of ‘Oriental despotism: a comparative study of total power’ by Karl A. Wittfogel”, *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, vol. 1, no. 3, pp. 351–353.
- Steward J. (1949), “Cultural Causality and Law: A Trial Formulation of the Development of Early Civilizations”, *American Anthropologist*, vol. 51, no. 1, pp. 1–27.
- Toynbee, A. (1958), “Oriental Despotism, a Comparative Study of Total Power. By Karl A. Wittfogel”, *American Political Science Review*, vol. 52, no. 1, pp. 195–198.

- Wittfogel, K.A. (1938), "Die Theorie der orientalischen Gesellschaft", *Zeitschrift für Sozialforschung*, vol. 7, hft. 1/2, S. 90–122.
- Wittfogel, K.A. (1955), "Developmental Aspects of Hydraulic Societies", in Steward, J. (ed.), *Irrigation Civilizations: A Comparative Study*, Pan American Union, Washington, pp. 43–57.
- Wittfogel, K.A. (1957), *Oriental Despotism, a Comparative Study of Total Power*, Yale University Press, New Haven; London.
- Wittfogel, K.A. (1972), "The hydraulic approach to Pre-Spanish Mesoamerica", in Johnson, F. (ed.), *The prehistory of the Tehuacan valley. Vol. 4. Chronology and irrigation*, University of Texas Press, Austin & London, pp. 59–80.
- Wolf, E. (1981), Angel Palerm Wich 1917–1980, *American Anthropologist*, vol. 83, no. 3, pp. 612–615.

Информация об авторе

Дмитрий Д. Беляев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; lakamha@mail.ru

Information about the author

Dmitri Beliaev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; lakamha@mail.ru

Фирма «Фридрих Крупп»
на первой советской Всесоюзной
сельскохозяйственной выставке 1923 г.

Иван С. Блинов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, furorteutonicus12@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена первой советской Всесоюзной сельскохозяйственной выставке и участию в ней германских предпринимателей, в частности фирмы «Фридрих Крупп». На основе анализа документов Российского государственного архива экономики, а также широкого пласта периодических изданий автор показывает, что советская выставка получила положительные оценки западных бизнесменов как чрезвычайно важное политическое событие, однако иностранным предпринимателям пришлось столкнуться с рядом проблем, связанных с особым характером советской экономической системы. Вопреки непростым условиям, установленным НКВД СССР для экспонентов, германские предприниматели смогли сохранить общий энтузиазм во многом благодаря осознанию особой политической значимости мероприятия и личной мотивации отдельных участников. На примере фирмы «Фридрих Крупп» автор рассматривает особенности реализации личных амбиций предпринимателей в контексте советской выставки. Так, для фирмы Круппа участие в выставке стало логическим продолжением развития предприятия в сельскохозяйственном направлении. Крупп стал проводником в мир передовых сельскохозяйственных технологий и использовал все возможности для укрепления связей с русским рынком, продолжая развивать сотрудничество, начавшееся с организации сельскохозяйственной концессии на юге Советской России.

Ключевые слова: фирма Круппа, промышленники Германии, Советская Россия, сельскохозяйственная выставка

Для цитирования: Блинов И.С. Фирма «Фридрих Крупп» на первой советской Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1923 г. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 156–166. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-156-166

Company “Friedrich Krupp” at the first soviet All-Union Agricultural Exhibition in 1923

Ivan S. Blinov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, furorteutonicus12@gmail.com*

Abstract. The article is focused on the first Soviet All-Union Agricultural Exhibition and the participation of German industrialists in it, in particular the Friedrich Krupp Company. Following the documents from the Russian State Archive of Economics, as well as a wide range of periodicals the author shows that the Soviet exhibition was positively reviewed by Western businessmen as an extremely important political event, but foreign entrepreneurs had to face a number of challenges associated with the special nature of the Soviet economic system. Despite the difficult conditions set by the People’s Commissariat of Foreign Trade (NKVT) of the USSR for exhibitors, German companies could maintain a general enthusiasm, largely due to the awareness of the special political significance of the event and the personal motivation of individual participants. The author examines the peculiarities of realizing the personal ambitions of entrepreneurs in the context of the Soviet exhibition on the example of the Friedrich Krupp Company. Participation in the exhibition was a logical continuation of the Krupp development in the agricultural field. Krupp became a guide to the world of advanced agricultural technologies and used an every opportunity to strengthen ties with the Russian market, continuing to develop cooperation that began with the organization of an agricultural concession in the south of Soviet Russia.

Keywords: Krupp Company, German industrialists, Soviet Russia, agricultural exhibition

For citation: Blinov, I.S. (2020), “Company ‘Friedrich Krupp’ at the first Soviet All-Union Agricultural Exhibition in 1923”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 156–166, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-156-166

Введение

Одна из стратегий развития германо-советских отношений 1920-х гг. заключалась в реанимации русского хозяйства посредством активной помощи со стороны германской промышленности. Суть этой стратегии была лаконично сформулирована немецким послом в СССР графом Брокдорф-Ранцау: «Германская машина может стать средством для полного развития сельскохозяйственной мощи России, а продукты сельского хозяйства могут сделаться

жизненным нервом германской индустрии»¹. Пионером на этом поприще стала германская фирма «Фридрих Крупп», подписав 20 апреля 1922 г. договор с советским правительством о создании на территории СССР сельскохозяйственной концессии. Следуя наказу министра иностранных дел В. Ратенау, Крупп продолжал развивать отношения в выбранном направлении и осенью 1923 г. наряду с другими германскими компаниями принял участие во Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, проходившей в Москве. Несмотря на то что выставка была нацелена на демонстрацию достижений советского народного хозяйства, часть территории занимал так называемый Иностранный отдел, отведенный для экспозиции зарубежных предпринимателей. Предполагалось, что в период, когда «попасть в Москву было проще, чем в Берлине купить фунт сливочного масла»², гости столицы и будущие иностранные экономические партнеры смогут получить «надлежащее впечатление о возрождении хозяйственной жизни страны»³.

Сюжет участия иностранных фирм в московской выставке 1923 г. не получил должного отклика в отечественной и зарубежной историографии. В большей части исследований, посвященных германо-советскому экономическому сотрудничеству 1920-х гг., тематика советской выставки и участия в ней немецких промышленников полностью игнорируется. Между тем международная выставка может рассматриваться в качестве феномена, концентрирующего в себе торгово-экономические и политико-идеологические тренды времени. В рамках данной статьи предпринимается попытка ответить на следующие вопросы: являлась ли выставка «величайшим блефом»⁴ советского правительства или ее по праву можно считать важной вехой в истории германо-советского делового сотрудничества; удалось ли большевикам «пустить пыль в глаза иностранцам»⁵ и какую выгоду извлекли зарубежные предприниматели от участия в выставке? Таким образом, анализ этого события в контексте германо-советского сотрудничества 1920-х гг. позволит дать более объемное представление об особенностях взаимодействия германских промышленников с Советской Россией. В каче-

¹ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 480. Оп. 2016. Д. 7. Л. 204.

² В добрый час! // Время. 1923. № 267.

³ Всероссийская сельскохозяйственная выставка и национальности СССР // Правда. 1923. № 172.

⁴ Всесоюзная выставка // Руль. 1923. № 840.

⁵ Там же.

стве примера в данной статье рассматривается кейс экспонирования на выставке германской фирмы «Фридрих Крупп» – одного из самых ярких участников в деле восстановления русского сельского хозяйства.

Организация Иностранного отдела

В ноябре 1922 г. в Берлине открылось бюро по организации Иностранного отдела Всероссийской сельскохозяйственной выставки, основной задачей которого была «широкая пропаганда»⁶ предстоящего мероприятия. На ближайший год столица Германии превратилась в центр рекламно-издательской деятельности Главного выставочного комитета СССР. Наиболее широкая рекламная кампания была развернута на всемирно известной ярмарке в Лейпциге (Leipziger Messe), где Советская Россия имела собственный павильон.

С тем, что «большевики умеют рекламировать», соглашались даже антисоветские эмигрантские газеты⁷, однако за рекламными плакатами скрывалась серьезная бюрократическая дезорганизованность. Советская агитация с первых дней вызвала живой интерес немецких предпринимателей, однако в московских кабинетах долгое время не могли сформулировать конкретные цены и условия экспонирования для иностранных фирм. Давать согласие на участие в советской выставке без четко обозначенных «правил игры» для немецких предпринимателей было подобно лотерее. Поэтому министерство земледелия Германии потребовало приостановить рекламную кампанию в прессе до того момента, пока «с русской стороны не будет достаточного количества исчерпывающих данных»⁸. Участие германских фирм оказалось под угрозой. Лишь 17 февраля 1923 г., когда до старта выставки оставалось чуть меньше года, берлинское бюро главного выставочного комитета совместно с германскими промышленниками и представителями министерства иностранных дел сформулировали окончательные положения об участии иностранцев⁹.

По условиям немецкой стороны, Иностранный отдел должен был принять вид выставки-ярмарки, с возможностью продажи выставочных образцов техники на месте. Однако ввиду монополии на

⁶ РГАЭ. Ф. 480. Оп. 7. Д. 2016. Л. 204.

⁷ Московская выставка // Руль. 1923. № 849.

⁸ РГАЭ. Ф. 480. Оп. 7. Д. 2016. Л. 67.

⁹ Там же. Л. 98.

внешнюю торговлю такой формат мероприятия советская сторона в полной мере принять не могла. Так, для иностранных экспонентов была разработана специальная стратегия: каждый ввозимый товар был обязан получить лицензию НКВТ. На выдачу такой лицензии влияли качество товара и потребность в нем советского хозяйства. Срок действия лицензии строго ограничивался датами проведения выставки; запрос немцев на право принимать заказы на экспонаты в течение последующего года после окончания выставки советская сторона не удовлетворила¹⁰. Так Иностраный отдел приобретал характер классической ярмарки, где продавец мог торговать только тем, что смог доставить непосредственно на место торговли¹¹.

После окончания выставки советская внешнеторговая система не раз подвергалась критике со стороны германской прессы. Экономические обозреватели утверждали, что советская внешняя торговля нуждается в срочных изменениях, необходимых «для развития нормальных экономических отношений», так как на тот момент она сильно осложнялась «решениями бюрократических органов»¹².

Таким образом, уже на этапе переговоров несовершенство раннесоветского бюрократического аппарата поставило под угрозу участие в выставке части германских предпринимателей. Однако политическая значимость предстоящего мероприятия и личная мотивация отдельных бизнесменов позволили сохранить общий энтузиазм.

Миссия Круппа

Германская фирма «Фридрих Крупп» входила в число тех, для кого предстоящая советская выставка являлась отнюдь не факультативным событием – русский рынок сбыта уже давно вошел в поле зрения деловых людей из Эссена. Берлинский журнал «Акция», проводя библейские параллели, сравнивал ком-

¹⁰ Там же. Л. 101.

¹¹ Этим советская выставка значительно отличалась от передовых европейских. Так, например, Лейпцигская ярмарка представляла собой «выставку образцов» (Mustermesse), где выставлялись только образцы товаров, которые необходимо было заказывать у производителя.

¹² Deutschland auf der Moskauer Ausstellung // Berliner Börsen Zeitung. 1923. № 16.

панию Круппа с одним из трех волхвов немецкой промышленности, следующих за *советской звездой* в поисках источника доходов¹³.

Вместе с тем Крупп старался соответствовать образу миссионера, несущего передовую сельскохозяйственную мысль в массы. Риторика крупновских дипломатов строилась вокруг идеи о том, что только новейшие немецкие технологии способны помочь советскому хозяйству и всему русскому народу избежать катастрофы голодных лет.

В некоторой степени заверения Круппа не были лишены смысла. В первой половине 1920-х гг., после конверсии производства, предприятие стало активно развиваться в сельскохозяйственном направлении. Специалисты компании работали над механизацией и модернизацией способов сельскохозяйственных работ. Во многом этому способствовал свояк Круппа, занимавший пост заместителя председателя наблюдательного совета фирмы, – Тило фон Вильмовски. По его инициативе в 1921 г. был создан Имперский совет попечителей технологий в сельском хозяйстве (*Reichskuratorium für Technik in der Landwirtschaft*), главной опорой которого стало предприятие Круппа¹⁴.

Кроме того, активное участие в международных кампаниях имеющих явный антивоенный окрас, позволяло Круппу скрывать свои военно-промышленные амбиции и участие в русской выставке идеально укладывалось в эту модель поведения. Времена, когда имена крупных промышленников вызывали прямые ассоциации с войной, еще не миновали. На вопрос «кто виноват?» германская либеральная пресса по-прежнему отвечала однозначно: Крупп и Стиннес¹⁵. Восстановление передовых позиций на военном рынке под нависающим дамокловым мечом Версальской системы могло быть осуществимо только после того, как удастся убедить мировую общественность в окончательной перековке «мечей на орала». Таким образом, после «пацификации» производства¹⁶ участие в международной выставке, одной из повесток которой была «победа мира над войной»¹⁷, являлось во многом стратегической задачей.

¹³ Broh J. Der rote Faschismus // Die Aktion. 1923. XIII. S. 203.

¹⁴ Wilmoſky, T. von. Rückblickend möchte ich sagen...: an der Schwelle des 150 jährigen Krupp-Jubiläums. Oldenburg, Stallin, 1961. S. 179.

¹⁵ Die Schuldbeladenen // Freiheit. 1922. № 64.

¹⁶ Hurwicz E. Krupp in Sowjet-Russland // Die Weltbühne. 1923. 19/I.

¹⁷ Открытие Иностранного отдела выставки // Накануне. 1923. № 420.

Иностраннный отдел Первой Всесоюзной выставки

В то время как весной 1923 г. франко-бельгийские войска хозяйничали на заводах «Фридрих Крупп» в Эссене, а судьба директора фирмы Густава Круппа фон Болен решалась в застенках Дюссельдорфа¹⁸, советская Москва готовилась к открытию Первой Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Амбициозный проект молодой Советской России именовался «великим смотром», на котором все регионы страны представляли свою специализацию сельскохозяйственного производства. Масштабная территория выставки, с легкой руки М.А. Булгакова названная «городом-павильоном»¹⁹, заняла площадь бывшего пустыря и простиралась от Крымского вала до Нескучного сада вдоль реки Москвы.

Особые условия существования иностранных экспонентов на территории выставки определяли обособленное положение Иностранного отдела в контексте всего выставочного комплекса. Условную автономность отдела подчеркивала его локация. Павильоны зарубежных фирм располагались вне основной части выставки по другую сторону Крымского вала. Образованные таким образом два крыла выставки символично соединялись между собой подвесным деревянным мостом.

Можно говорить о том, что экономическая и пространственная организация выставки стала отражением характера актуальных на тот момент международных отношений. По одну сторону улицы европейские промышленники пытались поправить свое финансовое положение, налаживая новые рынки сбыта своей продукции, по другую – большевики занимались агитацией и пропагандой достижений советской власти, и все это связывалось хрупким мостом международных договоренностей.

Экспонент № 12

В Иностранном отделе Германия занимала положение *primus inter pares*. Несмотря на то что в выставке принимало участие несколько десятков государств, большую часть отдела занимали па-

¹⁸ В январе 1923 г. началась франко-бельгийская оккупация Рурского региона. Протестная демонстрация рабочих завода «Фридрих Крупп» привела к массовым беспорядкам и гибели нескольких десятков человек. Восемь директоров фирмы и сам Густав Крупп фон Болен были арестованы французскими войсками [Шредер 1998].

¹⁹ *Булгаков М.А.* Золотистый город // Накануне. 1923. № 447.

вильоны немецких фирм. По официальным данным Главного выставочного комитета, Германия занимала площадь в 3 500 м² и была представлена 80 фирмами и концернами²⁰.

Некоторые крупные фирмы, как, например, щедро финансируемый рейхсвером «Юнкерс» [Винклер 2013], могли позволить себе строительство собственных павильонов. Компания Круппа, находившаяся в сложном финансовом положении, обошлась без строительства отдельного помещения, однако все 110 м² германского отдела в главном «особо декорированном» павильоне были заняты крупновской техникой²¹. Таким образом, статус «лица германской промышленности» негласно закреплялся за фирмой «Фридрих Крупп».

«Экспонент № 12» – именно так в официальной документации обозначался Крупп – представлял собой объединение нескольких фирм, часть из которых входили в один концерн. Под эгидой Круппа экспонировались: «Фридрих Крупп Эссен» (Friedrich Krupp AG Essen), «Фридрих Крупп Грузонверк» (Friedrich Krupp Grusonwerk AG), «Крупп Эрнеманн» (Krupp Ernmann AG) и «Анилин Фабрик» (Anilin Fabrik). Неудивительно, что в одном ряду с сенокосилками, сноповязалками и сепараторами в крупновских павильонах выставлялись кино-фотоаппараты, бинокли и другие оптические приборы²².

Однако далеко не ассортимент фотопринадлежностей интересовал посетителей выставки. Экспозиция Круппа приковывала к себе внимание прежде всего как олицетворение того «рационального немецкого сельского хозяйства», которое в те месяцы внедрялось в донецких степях на территории крупновской сельскохозяйственной концессии [Блинов 2019].

Несмотря на несколько ящиков печатной продукции и рекламных материалов, привезенных на выставку²³, главной рекламной кампанией Круппа были те караваны техники, которые к тому моменту уже направлялись из Гамбурга в Новороссийск, на территорию концессии. Можно сказать, что в донских степях Крупп создал свою отдельную выставку. В подтверждение тому можно привести красноречивое описание территории концессии в очерке советского писателя Б. Кушнера: «Машинный парк подобран очень пестро. Нет двух машин одинаковых – все разные, как будто их сюда не для работы доставили, а на выставку или на выкидку»²⁴.

²⁰ РГАЭ. Ф. 480. Оп. 7. Д. 282. Л. 112.

²¹ Там же. Л. 170.

²² Там же. Д. 272. Л. 55.

²³ Там же. Л. 19.

²⁴ *Кушнер Б.* Крупп и Маныч // Новый ЛЕФ: Журнал левого фронта искусств. М.: Госиздат, 1927. № 1. С. 5.

Показательно, что количество и разнообразие техники было настолько велико, что во избежание простоя часть машин, прибывшая в Новороссийск, была направлена в Москву в качестве дополнительных экспонатов²⁵.

В этом смысле справедливо ехидство журналистов эмигрантской газеты «Руль» о том, что «в иностранном отделе, по-видимому, принимают участие фирмы, которые до выставки продали различным государственным учреждениям те или другие фабрикаты и согласились на помещение этих изделий на выставке»²⁶. Тем не менее большая часть экспонатов шла из Германии специально на выставку под контролем русско-германского транспортного объединения «Дерутра»²⁷.

Примечательно, что сами представители Круппа рассматривали советскую выставку безотрывно от концессии. Участие в русском «смотре» было лишь логическим дополнением к уже ведущейся бурной работе по внедрению немецкого «ноу-хау» в советское сельское хозяйство. Ответственный представитель фирмы директор П. Красс совершенно открыто говорил о том, что коммерческие интересы фирмы отходят на второй план, ведь присутствие Круппа на выставке – это в первую очередь политический жест, обозначавший серьезные намерения в русско-германском сотрудничестве²⁸.

Смещая акцент с коммерческих амбиций на политические, П. Красс не лукавил. Германские экономические аналитики с подозрением относились к «московской выставке» и призывали быть осторожными при заключении сделок, несмотря на всю политическую значимость сотрудничества с Советской Россией²⁹. В первую очередь вызывали опасение низкая покупательная способность и обнищание русского населения на фоне тяжелой экономической ситуации в стране. В большинстве случаев советские покупатели требовали долгосрочные кредиты. К тому же, как выяснилось уже после начала выставки, советская сторона поставила германских предпринимателей в неловкое положение, так как потребовала принимать 75% от суммы сделок исключительно в «обреченной на смерть» советской валюте³⁰.

²⁵ Крупповская концессия // Правда. 1923. № 113.

²⁶ Московская выставка // Руль. 1923. № 874.

²⁷ РГАЭ. Ф. 480. Оп. 7. Д. 235. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 117.

²⁹ Deutschland auf der Moskauer Ausstellung // Berliner Börsen Zeitung. 1923. № 16.

³⁰ Печать // Руль. 1923. № 850.

Эксперты сходились в одном: выставка – идеальное место для знакомства германских предпринимателей с советским рынком и возможностями ведения бизнеса в России, но неудачное для заключения серьезных сделок.

Заключение

Таким образом, организация выставки полностью отражала суть экономических взаимоотношений России с западными странами, в частности с Германией. Активная пропаганда преимуществ возрождающегося советского хозяйства, вкупе с очевидным несовершенством внутреннего бюрократического аппарата, создавали хоть и привлекательную, но достаточно зыбкую почву для успешного международного экономического сотрудничества. Выставка стала еще одним примером того, что советская внешнеторговая система начала 1920-х гг. не отвечала потребностям комфортной международной коммерческой торговли.

В советско-германском политическом дискурсе выставка получила лишь положительные оценки, так как в полной мере отвечала еще неугасшему «духу Рапалло». Германская промышленность в попытках найти дополнительные точки соприкосновения с советской экономикой не могла игнорировать подобные мероприятия, несмотря на непростые «правила игры» на русском рынке.

Для такого крупного промышленника, как Крупп, который к тому же уже имел серьезные контракты с советским правительством, участие в выставке по большей части являлось простой формальностью. Серьезных дивидендов продажа экспонатов принести не могла, так как ограничивалась жесткими условиями принимающей стороны. Однако совпадение идеологического вектора развития предприятия и концептуального наполнения выставки в духе «победы мира над войной» помогало решать сугубо прагматичные стратегические задачи.

Литература

- Блинов 2019 – *Блинов И.С.* Сельскохозяйственная концессия германской фирмы «Фридрих Крупп» (1922–1928 гг.) // Преподаватель XXI век. 2019. № 4. С. 292–298.
- Шредер 1998 – *Шредер Э.* Великие промышленники. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 320 с.
- Винклер 2013 – *Винклер Г.* Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М.: РОССПЭН, 2013. 876 с.

References

- Blinov, I.S. (2019), "Agricultural Concession of the German Company 'Friedrich Krupp'" (1922–1928)], *Prepodavatel XXI vek*, no. 4, Moscow, Russia.
- Schröder, E. (1998), *Velikie promyshlenniki* [Geschichte einer Unternehmerfamilie], Feniks, Rostov-on-Don, Russia.
- Vinkler, G. (2013), *Vejmar 1918–1933: istoriya pervoj nemeckoj demokratii* [Weimar 1918–1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Иван С. Блинов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; furorteutonicus12@gmail.com

Information about the author

Ivan S. Blinov, post-graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; furorteutonicus12@gmail.com

Социальная стратификация советского общества (1917–1930-е гг.): современные концепции и подходы

Александра С. Москалевич

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, owellko1@gmail.com*

Аннотация. В статье проанализированы современные подходы к изучению социальной стратификации советского общества в 1917–1930-е гг. в гуманитаристике. Для современной науки характерен интерес к социальной стратификации в рамках социологии. Среди представителей этой науки происходит отказ от классического представления расслоения общества, создается новый теоретический подход, связанный с идеей о существовании в советском обществе более чем трех классов (работы З.Т. Голенковой, В.И. Ильина и О.И. Шкаратана). В XXI в. социальная стратификация становится объектом изучения и некоторых культурологов, так, например, И.В. Глущенко рассматривает классы через призму формирования культуры питания советской властью. В современной исторической науке сформировалось несколько подходов к изучению понятия: работы в рамках новой социальной истории (Ш. Фитцпатрик), среди которых особенно выделяется изучение социальной стратификации в ее связи с общественным питанием (Е.В. Барышева, А.А. Илюхов, Т.С. Кондратьева); исследования, проведенные при помощи методов истории повседневности (например, Н.Б. Лебина, Е.А. Осокина, Ш. Фитцпатрик и др.).

Ключевые слова: социальная стратификация, новая социальная история, советская система питания, история повседневности

Для цитирования: Москалевич А.С. Социальная стратификация советского общества (1917–1930-е гг.): современные концепции и подходы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 167–175. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-167-175

Social stratification of Soviet society (1917–1930's). Modern concepts and approaches

Aleksandra S. Moskalevich

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, owlwo1@gmail.com

Abstract. The article analyzes modern approaches to studying the social stratification of Soviet society in the 1917–1930's in the humanities. Modern science is characterized by an interest in social stratification within the framework of sociology. Among the scholars of that science there is a rejection of the classical representation for the stratification of society whereas a new theoretical approach is created, associated with an idea of the existence of more than three classes in Soviet society (works by Zinaida T. Golenkova, Vladimir I. Ilyin and Ovsei I. Shkaratan). In the 21st century, social stratification becomes the object for studying by some culture researchers exemplarily Irina V. Glushchenko considers classes through the prism of the formation of the food culture by the Soviet government. The today history formed several approaches to the study of the concept: works within the framework of the new social history (Sh. Fitzpatrick), among which the study of social stratification in its connection with public catering (E.V. Barysheva, A.A. Ilyukhov, T.S. Kondrat'eva); research conducted using methods of the everyday history (for example, Sh. Fitzpatrick, Natalia B. Lebina, E.A. Osokina, etc.).

Keywords: social stratification, new social history, Soviet catering system, everyday history

For citation: Moskalevich, A.S. (2020), "Social stratification of Soviet society (1917–1930's). Modern concepts and approaches", *RSUH/RGGU Bulletin. "Politology. History. International relations" Series*, no. 4, pp. 167-175, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-167-175

Введение

Социальная стратификация выступает одним из наиболее важных понятий для анализа различных характеристик общества. Оно постоянно трансформируется, обретая все новые и новые, иногда даже более сложные, характеристики. Именно благодаря этому исследования социальной стратификации не теряют своей уникальности как в отечественной, так и в зарубежной современной науке. Более того, вследствие распространения междисциплинарности в научной среде важным становится рассмотрение научных подходов к исследованию социальной стратификации. Таким образом, цель данной статьи – выявить основные исследовательские подхо-

ды в изучении социальной стратификации советского общества в 1917–1930-е гг.

Классическими теоретическими исследованиями, положившими начало изучению понятия социальной стратификации, можно назвать работы М. Вебера, К. Маркса и П.А. Сорокина. Теория К. Маркса и М. Вебера объединяет выделение экономического фактора как единственного ведущего в основе деления общества на классы. Теория П. Сорокина является многофакторной, т. е. в основу деления людей на различные иерархически выстроенные группы ученый вкладывал политические, экономические, культурные и даже национальные условия.

Исследования социальной стратификации советского общества периода 1917–1930-х гг. находятся в фокусе внимания нескольких наук, в первую очередь социологии. Очевидно, что в СССР интерпретация затрагиваемого нами термина напрямую зависела от официальной марксистско-ленинской идеологии. Только с наступлением перестройки, а потом и масштабных изменений в отечественной науке 1990-х гг. появились исследования, основной целью которых являлось применение новых теоретико-методологических подходов.

Именно с этого времени в отечественной социологии проявляется четкий отказ от традиционной советской «трехчленки» [Голенкова, Игитханян 1998, с. 108], т. е. представления структуры общества в виде двух слоев – колхозных крестьян и рабочих – и интеллигенции как прослойки. Данное представление было полностью сконструировано государственной властью и транслировалось официальными документами 1930-х гг. Так, Конституция СССР 1936 г. закрепляла идею о том, что в стране развилась такая система общества, в которой не осталось эксплуататоров, – это «социалистическое государство рабочих и крестьян».

В современной социологии большинство ученых отошло от подобной, во многом схематичной интерпретации социального расслоения. Это происходит вследствие отказа от господствующей идеологии и уменьшения научной цензуры. Ряд исследователей, в частности С.А. Батуренко, отмечают возврат отечественной науки к классической многофакторной теории П. Сорокина [Батуренко 2016, с. 101]. Таким образом, в 1990-х гг. в отечественной социологии основной становится стратификационно-статусная концепция социальной структуры советского, а позже и российского общества. Исследователи учитывают такие факторы, как собственность, власть, различные виды доходов и приписываемый социальный статус. З.Т. Голенкова, В.И. Ильин и О.И. Шкаратан используют в своих работах данный подход [Шкаратан 2012, Ильин 2000, Голенкова 2014].

В гуманитарных науках все больше прослеживается интерес к изучению связи системы советского общественного питания с процессами социальной трансформации и модернизации общества.

Социальная стратификация в гуманитарных исследованиях

Исследованию расслоения общества с точки зрения культурологического подхода посвящены научные труды И.В. Глущенко [Глущенко 2014], в которых прослеживается связь становления и развития системы советского общественного питания с процессами социальной трансформации и модернизации общества. Говоря о важности роли государства в формировании повседневных практик питания в СССР, И.В. Глущенко старается отойти от традиционного подхода к изучению питания как управления дефицитом. Советская кухня воспринимается исследователем как феномен, который намеренно конструировался государством в качестве инструмента модернизации. Очевидно, что на формирование подхода автора большое влияние оказали работы теоретиков миросистемного анализа, так как именно модернизация выступает важнейшим феноменом в данном подходе. СССР становится лишь одним из непосредственных участников этой модернизации в мире, конечно, обладая собственными чертами и характеристиками.

Концепция И.В. Глущенко заключается в том, что государственная политика по созданию советской кухни была общей для всего мирового процесса на этапе перехода большинства стран мира к индустриальному обществу. Автор приходит к выводу, что по трансформации системы общественного питания всех классов можно проследить и общие тенденции развития государственной политики СССР. Большое внимание при этом уделяется изменению быта и образа жизни сельского и городского населения.

Таким образом, И.В. Глущенко использует многофакторный подход, но, анализируя систему питания, выделяет лишь несколько социальных групп:

- государственную и политическую элиту, которая навязывает тоталитарными способами новую систему питания;
- горожан, которые становятся основным действующим лицом данной политики;
- сельское население, культура которого служит базой для формирования системы советского питания, однако не выступает адресатом трансформации системы.

В современной исторической науке существует несколько подходов к изучению социальной стратификации. В рамках новой социальной истории к этой проблеме обращаются С.Г. Кара-Мурза, Б.Н. Миронов и Ш. Фитцпатрик, которые признают, что советская система общества трансформировалась никак не в общем контексте. Это была трансформация, которая происходила под влиянием других западных стран, но обладала собственными характеристиками. В рамках этого подхода очень важна междисциплинарность, так как именно она дает возможность применения данных социологии.

Исследования Ш. Фитцпатрик касаются периода 1917–1930-х гг. Австралийский историк выдвигает идею, согласно которой после революции 1917 г. класс в советском обществе стал присваиваемым понятием – номинальной характеристикой, которую «выдавали» конкретному человеку или группе людей, хотя раньше это было следствием из естественных параметров [Фитцпатрик 2003]. Слабая структурированность общества и трансляция государством идей марксизма-ленинизма позволяют ущемлять людей по классовым признакам.

Она также выделяет возникновение в 1920-е гг. «института классового клейма» [Фитцпатрик 2003, с. 145]. Историк подчеркивает, что сталинские репрессии были построены не на классовом принципе, а на точечной изоляции или истреблении подозреваемых в несогласии. В 1930-е гг. класс служил лишь способом идентификации граждан, а понятие класса на практике было максимально сближено с социальным сословием.

Другой важный подход, в рамках которого изучаются различные компоненты социальной стратификации, – история повседневности. Появление истории повседневности как специфического раздела гуманитарных наук связано с историко-антропологическим поворотом, берущим начало во второй половине XX в.

Е.А. Осокина, изучая повседневную жизнь людей в довоенный период СССР в условиях существования системы распределения продуктов и товаров, одновременного действия плана и рынка, отмечает, что сталинизм – это система социально-экономических институтов, определенных индустриальными приоритетами развития. Автор подчеркивает, что социальная структура советского общества в период с 1927 по 1941 г. была очень сложной, гораздо более развитой, чем это декларировалось государством. Для достижения определенных индустриальных целей государство фактически пожертвовало классовым подходом [Осокина 2008].

Ш. Фитцпатрик в рамках истории повседневности рассматривает жизнь самых обычных людей в эпоху расцвета сталинизма.

Ее главная задача – понять взаимосвязь обычного и необычного в СССР 1930-х гг. [Фитцпатрик 2008]. Она утверждает, что повседневность – это ежедневные взаимодействия людей под руководством государства, ведь она считает, что в 1930-е гг. влияние власти было огромным. В городе под влиянием государственной и партийной власти происходило взаимодействие разных слоев населения. Так, партийная элита управляла дефицитом, а обычные горожане жили в мире с бесконечными трудностями, борясь за выживание. Но при этом продолжали считать свое государство символом прогресса, источником гордости и надежд. Таким образом, в этой ее работе появляется четкий антагонизм между элитой и homo soveticus [Фитцпатрик 2008, с. 7].

Н.Б. Лебина также предлагает исследования культурно-антропологического характера. Она рассматривает, как государственная политика влияла на повседневность советского человека, как власть навязывала нормы поведения простым людям. Именно так проявляется дихотомия общества и власти. Исследователь отказывается от устоявшейся оценки советского общества с позиции критики тоталитарной концепции [Лебина 1999; Лебина 2015].

Историк подчеркивает, что советская система снабжения (карточная система, процесс обеспечения населения жильем) была привилегией государства. Возможность распределения важных условий жизни людей стала одним из основных средств создания иерархической системы в стране, где есть власть имущие и не имущие ее.

В последнее время среди историков получило распространение исследование социальной стратификации в ее связи с общественным питанием.

Согласно концепции Е.В. Барышевой, продовольственное распределение предстает способом политической стратификации советского общества. Обращая особое внимание на пищевое насыщение как представление о лучшей жизни в народе, она анализирует продовольственное распределение в СССР как способ социальной дифференциации [Барышева 2009].

Можно считать, что суть распределительной системы большевистской власти была в выполнении ее собственных задач, основной из которых являлось поддержание легитимности власти. Тем временем рабочие и служащие не являлись монолитными социальными группами.

Анализируя материальное положение городских жителей в период с 1917 г. до конца 1930-х гг., А.А. Ильюхов изучает характер питания общества и способов распределения продуктов.

Историк отмечает, что в эти годы происходило повсеместное обнищание населения страны. В наиболее тяжелом положе-

нии оказались рабочие. Нехватка продуктов приводила к падению трудовой дисциплины и их производительности. Крестьяне имели гораздо больше возможностей насыщения, хотя и они были довольно скудными. Распределительная система работала с перебоями. Только начавшая складываться система общественного питания уже начала разрушаться, люди стали все больше питаться дома [Ильюхов 2007].

Французский историк Т.С. Кондратьева, рассматривая практику кормления, присущую советской власти, делает вывод, что в СССР государство намеренно создало особую систему, в которой элита использовала дефицит товаров для осуществления власти. Благодаря искусственному введению системы распределения вырастает особый слой людей, приближение других к которому свидетельствует о переходе в элитарную среду общества [Кондратьева 2009].

Таким образом, эти исследователи отвергают существование «трехчленки» и предлагают концепции, в которых советское общество характеризуется более сложной иерархической структурой.

Заключение

В заключение можно сделать вывод, что в современной гуманитарной науке существуют различные подходы к изучению социальной стратификации советского общества в 1917–1930-е гг.

Исследователи заняты разработкой различных категорий деления общества. Появляются попытки практического осмысления социальной стратификации с точки зрения культурологии и истории. Используется множество исследовательских подходов. Наиболее интересные концепции направлены на изучение взаимосвязи социальной стратификации и системы общественного питания.

В исторической науке существуют подходы к изучению социальной стратификации в рамках истории повседневности и новой социальной истории. Исследователи выстраивают свои концепции на многофакторных теориях и предлагают определять в советском обществе более двух слоев.

Литература

Барышева 2009 – *Барышева Е.В.* Продовольственное распределение как способ политической стратификации советского общества // Российская политика XXI века: неполитический потенциал политического: Материалы Междунар. научной конф. / Отв. ред. А.П. Логунов. М., 2009. С. 143–152.

- Батуренко 2016 – *Батуренко С.А.* Социологическая теория социальной стратификации и трансформационные процессы в современной России // Вестник Московского университета. 2016. № 3. С. 92–108.
- Глущенко 2014 – *Глущенко И.В.* Роль государственной власти в формировании культуры питания в СССР 1920–1930-х гг.: Автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/rol-gosudarstvennoi-vlasti-v-formirovanii-kultury-pitaniya-v-sssr-1920-1930-kh-gg> (дата обращения 15 мая 2020).
- Голенкова 2014 – *Голенкова З.Т.* Избранные труды. М.: Новый хронограф, 2014. 343 с.
- Голенкова, Игитханян 1998 – *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Социальная структура и стратификация // Социология в России. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 93–117.
- Ильин 2000 – *Ильин В.И.* Социальное неравенство. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2000. 280 с.
- Ильюхов 2007 – *Ильюхов А.А.* Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.). М.: РОССПЭН, 2007. 264 с.
- Кондратьева 2009 – *Кондратьева Т.С.* Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. М.: РОССПЭН, 2009. 207 с.
- Лебина 1999 – *Лебина Н.Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб.: Летний сад, 1999. 320 с.
- Лебина 2015 – *Лебина Н.Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
- Осокина 2008 – *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации: 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2008. 384 с.
- Шкаратан 2012 – *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. 528 с.
- Фитцпатрик 2008 – *Фитцпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
- Фитцпатрик 2003 – *Фитцпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Россия и современный мир. 2003. № 2 (39). С. 133–151.

References

- Barysheva, E.V. (2009), “Food distribution as a method for political stratification of Soviet society”, *Rossiiskaya politika XXI veka: nepoliticheskii potentsial politicheskogo/* [Russian politics of the 21st century. The non-political potential of the political], Moscow, Russia, pp. 143–152.
- Baturenko, S.A. (2016), “The sociological theory of social stratification and the transformation processes in modern Russia”, *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 3, pp. 92–108.
- Glushchenko, I.V. (2014), *The role of the state power in the formation of food culture in the USSR in the 1920s and 1930s*, Abstract of Ph.D. dissertation, available at: <https://www.dissercat.com/content/rol-gosudarstvennoi-vlasti-v-formirovanii-kultury-pitaniya-v-sssr-1920-1930-kh-gg> (Accessed 15 May 2020).

- Golenkova, Z.T. (2014), *Izbrannye trudy* [Selected works], Novyi khronograph, Moscow, Russia.
- Golenkova, Z.T., Igitkhanyan E.D. (1998), *Sotsialnaya struktura I stratifikatsia* [Social structure and stratification], *Sotsiologiya v Rossii*, Izdatelstvo Instituta sociologii RAN, Moscow, Russia, pp. 93–117.
- Il'in, V.I. (2000), *Socialnoe neravenstvo* [Social inequality], Izdatelstvo Instituta sociologii RAN, Moscow, Russia.
- Il'yukhov, A.A. (2007), *Zhizn v epokhu peremen: materialnoe polozhenie zhitelei v gody revolyutsii i Grazhdanskoi voiny (1917–1921 gg.)* [Life in an era of change. The financial situation of urban residents during the revolution and Civil war (1917–1921)], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Kondrat'eva, T.S. (2009), *Kormit' i pravit': O vlasti v Rossii XVI–XX vv.* [Catering and Ruling. On Power in Russia of the 16–20th centuries], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Lebina, N.B. (1999), *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. 1920–1930-e godi* [Soviet everyday life. Norms and anomalies. 1920–1930s], Letnii sad, Saint Petersburg, Russia.
- Lebina, N.B. (2015), *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii: ot voennogo kommunizma k bol'shomu stil'yu* [Soviet everyday life. Norms and anomalies. From the war communism to Grand style], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Osokina, E.A. (2008), *Za fasadom "stalinskogo izobiliya". Raspreделение i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii, 1927–1941* [Behind the facade of "Stalin's abundance". Distribution and market in the supply of population during the years of industrialization, 1927–1941], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Shkaratan, O.I. (2012), *Sociologiya neravenstva. Teoriya i real'nost'* [Sociology of inequality. Theory and reality], Izdatel'skii dom NIU VShE, Moscow, Russia.
- Fitzpatrick, Sh. (2008), *Povsednevnyi stalinizm. Social'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: the city], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Fitzpatrick, Sh. (2003), "The attribution to the class' as a system of social identification", *Rossiya i sovremenniy mir*, vol. 2, pp. 133–151.

Информация об авторе

Александра С. Москалевич, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; owlwo1@gmail.com

Information about the author

Aleksandra S. Moskalevich, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; owlwo1@gmail.com

Общество, политика, история и религия: развитие и взаимодействие

УДК 323(71)

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-176-185

Роль политических идеологий в современной Канаде: рост значимости или падение?

Андрей Н. Комаров

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ruslan10@inbox.ru*

Аннотация. В статье раскрывается эволюция политических идеологий в Канаде в 1993–2019 гг. На материале российской и зарубежной историографии, а также предвыборных программ консерваторов и либералов автор анализирует влияние политических идеологий на голосование канадских избирателей на парламентских выборах в конце XX – начале XXI в. Автор статьи приходит к выводу о том, что Канада по-прежнему остается страной, приверженной политическим идеологиям. Тезис об отсутствии идеологий в Канаде в рамках существующего постиндустриального общества, с точки зрения автора, является неприемлемым.

Автор считает, что модель политического развития Канады, заложенная во второй половине XIX в. основателями государства, является действенной и в настоящее время. В условиях постиндустриального общества Канада четко следует национальным традициям с опорой на выработанные ранее политические идеологии. Именно это составляет основу правового государства и гражданского общества в Канаде. Автор подчеркивает, что, несмотря на деятельность других политических течений, консервативная и либеральная идеологии представляют собой ведущие направления государственного развития Канады. Другие политические идеологии, подобно социал-демократизму, являются в значительной степени второстепенными и не определяют настоящее и будущее канадского государства.

Ключевые слова: трансформация, политические идеологии, консерватизм, либерализм, Дж. Макдональд, Ж. Кретъен, федеральные выборы

Для цитирования: Комаров А.Н. Роль политических идеологий в современной Канаде: рост значимости или падение? // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 176–185. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-176-185

© Комаров А.Н., 2020

The Role of Political Ideologies in the Modern Canada. Is their Significance Growing or Falling?

Andrei N. Komarov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, ruslan10@inbox.ru

Abstract. The article reveals an evolution of political ideologies in Canada in 1993–2019. Following the Russian and foreign historiography, as well as the election programs of Conservatives and Liberals, the author analyzes the influence of political ideologies on the voting of Canadian voters in parliamentary elections in the late 20th – early 21st centuries. The author of the article comes to the conclusion that Canada is still a country committed to political ideologies. He also considers as unacceptable the thesis about an absence of ideologies in Canada within the existing post-industrial society.

The author believes that the model for political development of Canada, laid down in the second half of the 19th century by the founders of the state, is still effective at the present time. In a post-industrial society, Canada clearly follows national traditions based on previously developed political ideologies. That is what constitutes the foundation for the rule-of-law state and civil society in Canada. The author emphasizes that, despite the activities of other political movements, conservative and liberal ideologies represent the leading directions of the state development in Canada. Other political ideologies, like social democracy, are largely secondary and do not determine the present and future of the Canadian state.

Keywords: transformation, political ideologies, conservatism, liberalism, J. MacDonald, J. Chretien, federal elections

For citation: Komarov, A.N. (2020), “The Role of Political Ideologies in the Modern Canada. Is their Significance Growing or Falling?”, *RSUH/ RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 176-185, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-176-185

Введение

В последние несколько десятилетий, после распада СССР и краха системы социализма, вопрос деидеологизации постиндустриального общества, как российского, так и западного, обсуждался неоднократно среди историков, политологов, философов, т. е. всех интересующихся данной проблематикой. Продолжают ли политические идеологии влиять на развитие современных государств или это все осталось в прошлом? Можно ли говорить о сегодняшнем обществе без идеологий или по-прежнему последние играют основополагающую роль с точки зрения настоящего и будущего

государства? Этот вопрос я хотел бы рассмотреть на примере новейшей истории Канады последних 30 лет.

Поэтому цель данной статьи – проанализировать и исследовать влияние политических идеологий на государственное развитие Канады и соответственно электоральный выбор в 1993–2019 гг.

Для достижения цели были решены следующие задачи:

- проанализирована трансформация политических идеологий в Канаде в 1993–2020 гг.;
- продемонстрировано влияние политических идеологий на голосование избирателей на парламентских выборах в конце XX – начале XXI в.;
- выделена социальная и региональная база политических партий, представляющих консервативную, либеральную, социал-демократическую идеологии в Канаде.

Хронологические рамки исследования определяются периодом с 1993 по 2019 г. Это обусловлено тем, что именно в данный период политические идеологии в Канаде претерпели наиболее значимые изменения.

Источниковая основа статьи представлена материалами средств массовой информации, записями предвыборных дебатов, избирательными программами ведущих политических партий Канады.

В свою очередь историография статьи основана на значимых канадских и отечественных работах по политическим идеологиям. Интересной в этом плане представляется монография Т. Харрисона, остановившегося на возникновении правоконсервативной идеологии в Канаде в первой половине 90-х гг. XX в. [Harrison 1995]. При написании работы также был использован сборник под редакцией известных канадских политологов А. Фризелла, А. Вестелла и Дж. Паммета, характеризующих особенности избирательного процесса в Канаде в 90-е гг. XX в. и дающих обобщающий анализ парламентских выборов этого периода [The Canadian 1994]. При изучении этой темы нами также была проанализирована работа коллектива авторов под общей редакцией К. Дорнана и Дж. Памметта, в которой, продолжая начатую ранее серию исследований по электоральному выбору канадцев, авторы выделили и результаты общенациональных выборов в 2011 и 2015 гг. [Pammett, Dornan 2006, 2011, 2016].

Для общего понимания проблематики, на наш взгляд, была важна монография канадского исследователя Дж. Уиринга, детально характеризующая историю развития политических партий страны в 80-е гг. XX в. [Wearing 1988]. Из последних российских исследований можно выделить коллективную монографию под редакцией В.И. Соколова, выпущенную к 50-летию Института США и Канады [Канада 2017], и другие издания.

Консерватизм и либерализм в канадской государственности

До начала 1990-х гг. идеологическая основа канадского государства строилась на четкой преемственности либерализма и консерватизма. Знаменательно, что в отличие от европейских государств, где консерватизм по большей части представлял собой реакцию феодальной аристократии на события свершившихся буржуазных революций, в Канаде складывалась принципиально иная ситуация [Комаров 2020, с. 71–81]. Консервативные и либеральные идеологии из Великобритании были перенесены в Канаду представителями этих ведущих политических течений, прежде всего Дж. Макдональдом и А. Макензи. Основатели канадской федерации справедливо подводили идеологическое основание под новое государство, отчетливо представляя себе, что модель британской двухпартийной системы должна стать залогом успешного политического развития доминиона. Это позволило ряду англо-канадских историков, и прежде всего Д. Крейтону, идеализировать нахождение у власти Дж. Макдональда, считая его лучшим премьер-министром в истории канадской государственности [Creighton 1998]. Можно разделять точку зрения Д. Крейтона или не соглашаться с ней, однако перенесение английской двухпартийной системы на канадский политический ландшафт действительно оказалось чрезвычайно плодотворным. Это позволило сформировать значительную часть англо-канадского и франко-канадского электората, который поддерживал федеративную власть в большинстве ее начинаний.

Эволюция политических идеологий с 1993 г.

Однако в начале 1990-х гг. в Канаде начинается процесс эрозии политических идеологий, и прежде всего консерватизма и социал-демократии. Кризис консерватизма на парламентских выборах 1993 г. был связан с несколькими ключевыми факторами, которые последовательно нарастали в течение нескольких лет. К ним можно было отнести крайне неудачные реформы премьер-министра от Прогрессивно-консервативной партии Канады Б. Малруни по преодолению квебекского кризиса в стране, экономический спад в государстве, некомпетентность в ходе избирательной кампании 1993 г. нового лидера консерваторов К. Кэмпбелл, которая, по сути дела, ее и провалила. Вышеупомянутая проблематика была ранее предметом моего специального монографического исследо-

вания, характеризующего постепенное и планомерное ослабление консервативной идеологии в Канаде в начале 1990-х гг. [Комаров 2010, с. 194–209].

По сути дела, факт падения интереса избирателей к консерватизму признавала в собственных мемуарах и премьер-министр Канады К. Кэмпбелл, когда она вспоминала события своей потерпевшей фиаско предвыборной кампании в 1993 г. [Campbell 1994, pp. 378–380]. Об этом же свидетельствовал канадский историк М. Доббин в его монографическом исследовании, посвященном деятельности К. Кэмпбелл [Dobbin 1993, pp. 154–164].

В то же время я не считаю возможным объяснять кризис консерватизма в Канаде только проблемой роли личности в истории и искать его причины либо в неудачах внутренней политики Б. Малруни, либо в политической неграмотности К. Кэмпбелл во время ее избирательной кампании. Скорее всего это объясняется стечением этих двух обстоятельств. Однако именно такой фатальный синтез этих обстоятельств и разрушил надолго традиционную консервативную идеологию в Канаде и привел к доминированию либерализма в этом государстве, и прежде всего на парламентских выборах 1993, 1997, 2000 и 2004 гг. Анализ публикаций сборника научных статей канадских исследователей под редакцией А. Фризелла, А. Вестелла и Дж. Паммета, посвященного итогам федеральных выборов в Канаде в 1997 г., и, в частности, включенной в него научной работы С. Кларксона демонстрирует, что, с одной стороны, избиратели, выбирая либеральную партию, поддерживали либерализм, но, с другой стороны, у них не было реальной альтернативы, касающейся иного политического вектора развития [Clarkson 1997, pp. 39–70]. Электорат не собирался на федеральном уровне своим голосованием формировать питательную среду для региональных партий, стремящихся децентрализовать Канаду либо путем уступок Квебеку, либо удовлетворением политических претензий провинций запада Канады. К таким партиям относились прежде всего Квебекский блок Л. Бушара и Партия реформ П. Мэннинга [Harrison 1995, p. 164]. Последняя проделала длительный путь по замене в политической системе Канады либералов и консерваторов, но не смогла этого добиться.

В этот период чрезвычайно возросла значимость либерализма, который, по сути дела, явился единственной идеологией, массово аккумулирующей голоса избирателей. Особенно это ясно на примере парламентских выборов 1993 г., когда либеральная партия получила 41% голосов избирателей – в несколько раз больше в сравнении со своими основными политическими конкурентами. Например, прогрессивно-консервативная партия получила 12%

голосов, реформистская партия – 19% голосов [Frizzell, Pammet, Westell. 1994, p. 161]. Парламентские выборы 1997 г. подтвердили существующую тенденцию монопольного господства либеральной партии в системе власти. Либералы получили 38,46% голосов избирателей, в отличие от реформистской партии с 19,35% голосами электората, прогрессивных консерваторов с 18,84% голосами электората и т. д. [Clarkson 1997, p. 55]. Поэтому можно констатировать, что в Канаде после 1993 г. не произошло исчезновения политических идеологий. Избиратели на общенациональном уровне поддержали идеи либерализма, отчетливо осознавая, что это единственный путь сохранения канадского государства. Крушения либерализма как ведущей политической идеологии в Канаде не произошло. Это означало приверженность электората одной из основополагающих идеологий, характерных для канадской политической реальности начиная со второй половины XIX в. Кроме того, в отличие от разобщенных консерваторов, которые под руководством К. Кэмпбелл в период всеобщих выборов 1993 г. и Ж. Шаре в течение избирательной кампании 1997 г. не могли предложить стране конструктивной экономической программы, Ж. Кретьен, возглавив либералов, действовал с точностью наоборот. Либералы предложили избирателям четкую и конструктивную программу по борьбе с экономическим спадом в стране, который имел место в начале 90-х гг. XX в.¹

Реванш консервативной идеологии состоялся в 2006 г., когда канадские консерваторы выиграли парламентские выборы и получили парламентское меньшинство впервые за тринадцать лет, прошедшие с 1993 г.

Лидеру консерваторов удалось предложить конкурентоспособную по отношению к своим политическим оппонентам предвыборную программу². Ему удалось объяснить избирателям значимость консерватизма в эпоху постиндустриального общества. Особенно удачными явились для консерваторов парламентские выборы 2011 г., когда им удалось получить парламентское большинство [Ellis, Woolstencroft 2011, pp. 15–44].

В сфере политического развития реванш консерватизма в Канаде, произошедший вследствие объединения прогрессивно-консервативной партии с Канадским консервативным альянсом реформ, был знаменательным событием по нескольким причинам.

¹ Creating Opportunity: The Liberal Plan for Canada. Ottawa: Liberal Party of Canada, 1993. 112 p.

² Harper S. Stand up for Canada: Conservative Party of Canada Federal Election Platform. Ottawa: Conservative Party of Canada, 2006. 47 p.

Во-первых, возрождение консервативной политической идеологии и возврат консервативной партии к власти является уникальным явлением в политической жизни стран Западной Европы и Северной Америки. Этот случай демонстрирует как силу политических традиций Канады, так и востребованность консервативной партии среди электората.

Во-вторых, консерваторы сумели осуществить необходимую институциональную трансформацию власти, необходимую для реализации постулатов консервативной идеологии.

В-третьих, важной особенностью доминирования консерватизма в Канаде является успешная конкуренция с социал-демократией, которой так и не удалось прийти к власти в национальном масштабе. Факт наличия разногласий либералов, консерваторов и социал-демократов только укрепляет политический процесс в Канаде.

Признаком присутствия политических идеологий в Канаде является перманентная конкурентная борьба консерваторов, либералов, новых демократов и Квебекского блока за прочную региональную базу голосования. Это наглядно можно проиллюстрировать на примере парламентских выборов 2015 г., когда либеральная партия доминировала в провинциях Квебек (40 мест) и Онтарио (80 мест), Британская Колумбия (17 мест), Новая Шотландия (11 мест), Нью Брансуик (10 мест), Ньюфаундленд и Лабрадор (7 мест), остров Принца Эдуарда (4 места), Саскачеван, Нунавут, Северо-Западные территории, Юкон (по 1 месту), Альберта (4 места) [Канада 2017]. Консервативная партия, как правило, также стремится завоевать голоса избирателей в наиболее населенных провинциях Онтарио и Квебек. Консерваторам и либералам противостоят новые демократы, которые хотят усилить свою популярность в Британской Колумбии, Манитобе, Саскачеване, Альберте. Квебекский блок, напротив, заинтересован прежде всего в голосах избирателей Квебека с целью пропаганды идеи суверенитета франкоязычной провинции.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, несмотря на видимость полного отсутствия политических идеологий, в условиях всепоглощающей идеи массового потребления в современном обществе национальные традиции Канады свидетельствуют о том, что она не только была, но и остается страной, подверженной политическим идеологиям. Можно ска-

зять, что это составляет глубинную основу политической культуры канадского общества.

Во-вторых, политические идеологии, и прежде всего консерватизм и либерализм, продолжают оказывать кардинальное воздействие на весь общественно-политический процесс в Канаде. В стране не произошло падения интереса избирателей к политическим идеологиям, что регулярно доказывает голосование на федеральных выборах последних 20–30 лет.

Литература

- Канада 2017 – Канада: современные тенденции развития. К 150-летию государства / Отв. ред. В.И. Соколов. М.: Весь мир, 2017. 432 с.
- Комаров 2010 – *Комаров А.Н.* Канадский консерватизм в эпоху Б. Малруни в 1984–1993 годах. М.: РУДН, 2010. 250 с.
- Комаров 2020 – *Комаров А.Н.* История консерватизма в Канаде и Великобритании. Консервативная партия Канады в 2011–2019 гг.: от правительства «парламентского большинства» к поражению на всеобщих выборах. М.: Ленанд, 2020. 160 с.
- Campbell 1996 – *Campbell K.* Time and Chance: The Political Memoirs of Canada's First Woman Prime Minister. Toronto: Doubleday Canada, 1996. 434 p.
- Clarkson 1997 – *Clarkson S.* Securing Their Future Together: the Liberals in Action // The Canadian General Election of 1997 / Ed. by A. Frizzell and J. Pammett. Ottawa: Dundurn press, 1997. P. 39–70.
- Creighton 1998 – *Creighton D.* John A. Macdonald. Toronto: University of Toronto Press, 1998. 1154 p.
- Dobbin 1993 – *Dobbin M.* The Politics of Kim Campbell. From School Trustee to Prime Minister. Toronto, 1993.
- Ellis, Woolstencroft 2011 – *Ellis F., Woolstencroft P.* The Conservative Campaign: Becoming the New Natural Governing Party? // The Canadian Federal Election of 2011 / Ed. by J.H. Pammett and C. Dornan. Toronto: Dundurn Press, 2011. P. 15–44.
- Frizzell, Pammett, Westell 1994 – The Canadian General Election of 1993 / Ed. by A. Frizzell, J. Pammett and A. Westell. Ottawa: Carleton University Press, 1994. 205 p.
- Harrison 1995 – *Harrison T.* Of Passionate Intensity. Right-Wing Populism and the Reform Party of Canada. Toronto: University of Toronto Press, 1995. 325 p.
- Pammett, Dornan 2006 – The Canadian Federal Election of 2006 / Ed. by J.H. Pammett and C. Dornan. Toronto: Dundurn Press, 2006. 620 p.
- Pammett, Dornan 2011 – The Canadian Federal Election of 2011 / Ed. by J.H. Pammett and C. Dornan. Toronto: Dundurn Press, 2011. 368 p.
- Pammett, Dornan 2016 – The Canadian Federal Election of 2015 / Ed. by J.H. Pammett and C. Dornan. Toronto: Dundurn Press, 2016. 424 p.
- Wearing 1988 – *Wearing J.* Strained relations: Parties and Voters. Toronto: McClelland and Stewart, 1988. 318 p.

References

- Campbell, K. (1996), *Time and Chance: The Political Memoirs of Canada's First Woman Prime Minister*, Doubleday Canada, Toronto, Canada.
- Campbell 1996 – *Campbell K. Time and Chance: The Political Memoirs of Canada's First. Woman Prime Minister*. Toronto: Doubleday Canada, 1996. 434 p.
- Clarkson, S. (1997), "Securing Their Future Together: the Liberals in Action", in Frizzell, A., Pammet, J. (eds.) *The Canadian General Election of 1997*, Dundurn Press, Ottawa, Canada, pp. 39–70.
- Clarkson 1997 – *Clarkson S. Securing Their Future Together: the Liberals in Action // The Canadian General Election of 1997 / Ed. by A. Frizzell and J. Pammett*. Ottawa: Dundurn press, 1997. P. 39–70.
- Creighton, D. (1998), *John A. Macdonald*, Toronto. University of Toronto Press, Toronto, Canada.
- Creighton 1998 – *Creighton D. John A. Macdonald*. Toronto: University of Toronto Press, 1998. 1154 p.
- Dobbin, M. (1993), *The Politics of Kim Campbell. From School Trustee to Prime Minister*, James Lorimer & Company, Toronto, Canada.
- Ellis F, Woolstencroft, P. (2011), "The Conservative Campaign: Becoming the New Natural Governing Party?", in Pammett, J.H. and Dornan, C. (eds.) *The Canadian Federal Election of 2011*, Dundurn Press, Toronto, Canada.
- Frizzell, A., Pammet, J. and Westell, A. (eds.) (1994), *The Canadian General Election of 1993*, Carleton University Press, Ottawa, Canada.
- Harrison, T. (1995), *Of Passionate Intensity. Right-Wing Populism and the Reform Party of Canada*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.
- Komarov, A.N. (2010), *Kanadskii konservatizm v epokhu B. Mabruni v 1984–1993 godakh* [Canadian Conservatism in the Era of B. Mulroney in 1984–1993], Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.
- Komarov, A.N. (2020), *Istoriya konservatizma v Kanade i Velikobritanii. Konservativnaya partiya Kanady v 2011–2019 gg.: ot pravitel'stva "parlamentskogo bol'shinstva" k porazheniyu na vseobshchikh vyborah* [The History of Conservatism in Canada and Great Britain. Conservative Party of Canada in 2011–2019. From Majority Government to the Defeat in the Federal Elections], Lenand, Moscow, Russia.
- Pammett, J.H. and Dornan, C. (eds.) (2006), *The Canadian Federal Election of 2006*, Dundurn Press, Toronto, Canada.
- Pammett, J.H. and Dornan, C. (eds.) (2011), *The Canadian Federal Election of 2011*, Dundurn Press, Toronto, Canada.
- Pammett, J.H. and Dornan, C. (eds.) (2016), *The Canadian Federal Election of 2016*, Dundurn Press, Toronto, Canada.
- Sokolov, V.I. (ed.) (2017), *Kanada: sovremennye tendentsii razvitiya. K 150-letiyu gosudarstva* [Canada. Current development trends. To the 150th anniversary of the State], Ves' Mir, Moscow, Russia.
- Wearing, J. (1988), *Strained relations: Parties and Voters*, McClelland and Stewart, Toronto, Canada.

Информация об авторе

Андрей Н. Комаров, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ruslan10@inbox.ru

Information about the author

Andrei N. Komarov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; ruslan10@inbox.ru

Sharp power. Попытка западных авторов разделить мягкую¹ силу на «свою» и «чужую»

Анастасия Х. Махмуд

*Институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова Российской академии наук,
Москва, Россия, makhmud.anastasia@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу концепции sharp power (традиционно транслируемой на русский язык как острая сила), ее природе, основным характеристикам и инструментам. Sharp power была предложена американскими учеными К. Уокером и Д. Людвиг в конце 2017 г. как альтернативный вариант soft power, присущий только тоталитарным или авторитарным режимам. Американские исследователи говорят о том, что sharp power обладает таким набором инструментов, как фальсификация данных, кибер-атаки, пропаганда, манипулирование новостными потоками и т. д. и она нацелена на подрыв и дискредитацию демократий западного образца и демократических ценностей в целом.

Автор ставит под сомнение утверждения западных исследователей о том, что sharp power присуща исключительно авторитарным державам, к которым они относят Россию, Китай, Иран и ряд других стран. Более того, под вопрос ставится эвристическая значимость самого понятия sharp power. Также, исходя из проделанной аналитической работы, автор статьи предлагает свой вариант перевода термина sharp power на русский язык. В заключение предлагается критическая оценка концепции скорее как идеологического феномена, нацеленного на формирование выгодных ее идеологам настроений в международном внешнеполитическом дискурсе, нежели чем научного концепта, которым являются синонимичные soft power и smart power.

Ключевые слова: sharp power, острая сила, хитрая сила, пропаганда, демократия, авторитарные державы, К. Уокер и Д. Людвиг

Для цитирования: Махмуд А.Х. Sharp power. Попытка западных авторов разделить мягкую силу на «свою» и «чужую» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 186–202. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-186-202

© Махмуд А.Х., 2020

¹ Автор не ставит в кавычки термины острая сила, мягкая сила и умная сила по западному образцу.

Sharp power. The effort of Western authors to divide soft power on “our” and “theirs”

Anastasia Kh. Makhmud

*Russian Academy of Sciences Institute of World Economy and International Relations,
Moscow, Russia, makhmud.anastasia@gmail.com*

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the concept of sharp power, its nature, basic characteristics and tools. Sharp power was introduced by American scientists Ch. Walker and D. Ludwig at the end of 2017 as an alternative version of soft power inherent only in totalitarian or authoritarian regimes. American researchers claim that sharp power has a set of tools such as data falsification, cyber-attacks, propaganda, manipulation of news streams, etc., and its aim is to undermine and discredit on Western-style democracies and democratic values in general.

The author puts in doubt the statements of Western scholars that sharp power is inherent exclusively to authoritarian powers, to which they include Russia, China, Iran and several other countries. Moreover, the heuristic significance of the concept of sharp power is called into question. Also, based on the analytical work done, the author of the article offers her own version of the translation of the term sharp power into Russian language. In the conclusion, she offers a critical assessment of the concept, rather as an ideological phenomenon aimed at forming favorable attitudes to its ideologues in the international foreign policy discourse, than as a scientific concept, which is synonymous with soft power and smart power.

Keywords: sharp power, propaganda, democracy, authoritarian powers, Ch. Walker and D. Ludwig

For citation: Makhmud, A.Kh. (2020), “Sharp power. The effort of Western authors to divide soft power on ‘our’ and ‘theirs’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 186-202, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-186-202

Введенный в конце прошлого века американским исследователем и политиком Джозефом Наем-мл. концепт soft power прочно закрепился как в научном, так и в политическом и даже публицистическом дискурсах во всем мире и стал универсальным описанием для всех форм невоенной дипломатии и способов непрямого, латентного влияния на международной арене. При этом инструментами мягкой силы могли выступать как культурные феномены, образовательные проекты, программы по обмену и т. д., – так и когнитивные информационные технологии, нацеленные на изменение повестки дня в той или иной стране, использующие методы

нейропсихологии, нейролингвистики, трансформацию или даже замену исторической памяти, фальсификацию фактов и создание новых смысловых контекстов для достижения поставленных целей².

Однако исследователи из Национального фонда демократии (National Endowment for Democracy, далее – NED)³ и их партнерских институтов в Восточной Европе и Латинской Америке настаивают на том, что в последние годы такие страны, как Россия и Китай, набирают все больше и больше влияния, хотя их методы отнюдь не являются мягкими. И для того чтобы описать эту новую сферу ведения политики в информационно-идеологическом поле недемократическими государствами, необходимо ввести новый термин, а именно *sharp power*.

Концепция *sharp power* базируется на исследовании “Sharp Power: Rising Authoritarian Influence” (Sharp power: Усиливающееся влияние авторитаризма), проведенном Национальным фондом демократии. Фундаментом и эмпирической базой исследования стала научная работа четырех партнерских NED мозговых центров в Перу, Аргентине, Польше и Словакии. Основной задачей исследования явился анализ влияния России и Китая (а именно выведенной в работе *sharp power* этих государств, представленных как авторитарные⁴ и тоталитарные режимы) на «молодые демократии», проходящие процесс своего становления⁵.

Основным стержнем новой концепции *sharp power* стала попытка охарактеризовать политику, проводимую недемократическими режимами в области культуры, информационных технологий, образования и т. д. Необходимость введения в оборот нового термина

² Например, как это происходило во время подготовки так называемых цветных революций. Подробнее: Пономарева Е.Г. Современность: тайноявное политическое перевороты // De Aenigmatе / О Тайне: Сб. науч. трудов. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. С. 461–520.

³ Организация «Национальный фонд демократии» (National Endowment for Democracy) запрещена в России.

⁴ Автор статьи не согласен с утверждением исследователей из Национального фонда демократии и их партнеров о корректности использования терминов «авторитарные», «автократичные», «недемократические» и т. д. державы в опубликованных исследованиях и статьях, анализируемых в данной работе. Здесь и далее сохраняются оригинальные определения ученых из NED и их партнеров.

⁵ International Forum for Democratic Studies (2017), “Sharp Power: Rising Authoritarian Influence”. Washington, D.C.: National Endowment for Democracy [Электронный ресурс]. URL: www.ned.org/wp-content/uploads/2017/12/Introduction-Sharp-Power-Rising-Authoritarian-Influence.pdf (дата обращения 5 января 2019).

объясняется тем, что широко распространенная концепция мягкой силы якобы нерелевантна для описания специфики несилевого политического инструментария и дипломатических приемов России, КНР, Ирана и некоторых других, именуемых «авторитарными» стран.

Происхождение и природа sharp power

В 2014 г. Международный форум демократических исследований Национального фонда демократии запустил двухлетнее исследование факторов и тенденций возрождения авторитаризма в мире. В этом исследовании ученые из NED сконцентрировались на анализе таких стран, как Россия, Китай, Иран, Венесуэла, Саудовская Аравия и др., отмечая как рост агрессивного влияния этих государств на международной арене, так и ужесточение и своеобразное переформатирование этими странами своей собственной внутренней политики.

В 2016 г. в качестве заключения к исследованию, в журнале *Journal of Democracy* выходит статья Кристофера Уокера, тогда еще являвшегося исполнительным директором Национального фонда демократии, под названием “The Authoritarian Threat. The Hijacking of ‘Soft Power’” («Авторитарная угроза. Захват “мягкой силы”»), где автор рассуждает о том, что после окончания «холодной войны» страны Запада взяли курс на интеграцию недемократических режимов в либеральный международный порядок. Поощряя их интеграцию в мировую экономическую систему и ключевые политические институты, западные державы надеялись склонить автократии к политическим реформам, что в конечном итоге должно было привести к их повороту на магистральный демократический путь развития. Ожидалось, что даже самые жесткие авторитарные режимы, которыми, по мнению Уокера, являются Россия и Китай, примут западные либеральные ценности и войдут в пул либерального мирового сообщества [Walker 2016, pp. 49–63].

Однако, несмотря на свою интеграцию в глобальное экономическое и в целом международное пространство, эти режимы, напротив, стали демонстрировать еще большую закрытость и авторитарные тенденции, при этом используя все достижения глобализации для подрыва либеральных демократических ценностей. Исследования, проводимые сотрудниками Национального фонда демократии, показывают, что такие существенно разные, но при этом классифицируемые в качестве авторитарных режимы, как существующие в Китае, России, Иране, Венесуэле и Саудовской Аравии, вместо

либерально-демократической унификации и полной интеграции ведут работу по сдерживанию демократии как внутри собственных стран, так и на международном уровне [Walker 2016, pp. 49–63].

Сам же «захват мягкой силы» объясняется Уокером как процесс выворачивания наизнанку технологий мягкой силы и использования не столько собственной привлекательности, сколько «привлечения» в политику «фальсификации информации» для достижения своих целей. По мнению Уокера, методики, созданные авторитарными режимами для продвижения своих интересов на международной арене и подрыва демократических ценностей, являются «кривым отражением» демократической мягкой силы. Они «включают в себя организованные правительством неправительственные организации (GONGO), “зомби” мониторинг выборов, иностранную помощь и инвестиции, а также традиционные и новые медиа-предприятия» [Walker 2016, pp. 49–63].

В заключение американский политолог делает вывод, что новая форма мягкой силы авторитарных режимов является уже не классической, а скорее «злой», «злокачественной» мягкой силой, подчеркивая, что наиболее авторитарными режимами он считает Россию и Китай, которые сумели очень хорошо использовать инструменты мягкой силы и технический прогресс для достижения своих «неблагородных» целей, репрезентации демократических режимов в негативном свете и подрыва демократических ценностей. Основными инструментами этой «новой» мягкой силы Уокер называет:

- ограничение свобод граждан внутри своих режимов;
- использование методик дезинформации, фальсификации информации и кибератак;
- манипуляции в сфере визовой политики (с доступом в эти страны и выездом из них);
- преследование свободной прессы;
- расширение своего информационного присутствия в демократических странах через средства массовой информации благодаря открытости западных демократий;
- подрыв веры в демократию на уровне идей, принципов и стандартов (среди своих граждан и за рубежом, посредством СМИ, ассоциированных с государством, таких как российский Russia Today и китайский CCTV) [Walker 2016, pp. 49–63].

Оригинальное название *sharp power* концепция «авторитаристской мягкой силы» получает в 2017 г., после публикации научного исследования “Sharp Power: Rising Authoritarian Influence”, проведенного NED и рядом партнерских мозговых центров, базирующихся в Перу, Аргентине, Словакии и Польше. Кураторами ис-

следования явились Кристофер Уокер, ставший вице-президентом по исследованиям и аналитике NED, и один из ключевых аналитиков фонда – Джессика Людвиг⁶.

В переводе с английского языка слово “sharp” достаточно многогранно и имеет много смысловых оттенков. “Sharp” как существительное обозначает «жулик», «мошенник», «шулер»; “business sharp” – «ловкач» (скорее с отрицательной коннотацией), «ловкий делец». “Sharp” как прилагательное – «острый», «отточенный», «резкий», «определенный», а также «сообразительный», «умный», «проницательный», «хитрый»; словосочетания от вполне нейтрального “sharp answer” – «ловкий, остроумный ответ» до крайне негативного “sharp practice” – «мошеничество, надувательство». Как глагол “sharp” используется как «жульничать» и «плутовать»; “sharper” – «мошенник», а “sharp-tongued” (как наречие) – «злоречивый». Иными словами, термин изначально перегружен отрицательными моральными и политическими коннотациями и смысловая нагрузка *sharp power* намного глубже, чем просто «острая» или «резкая» сила, как она традиционно звучит в русском переводе в отечественной научной литературе и как закрепилась в научном дискурсе. *Sharp power* делает акцент на хитрости, ловкости и уме ее агентов (по аналогии с введенным Джозефом Наем термином «агент мягкой силы») для описания лиц, использующих инструменты мягкой силы), а также одновременно выбранное для новой концепции название отражает негативную сторону *sharp power*, сравнивая политику России и Китая с мошенничеством и фальсификацией (злоречивием). Предположительно впервые концепция *sharp power* предстала в русском переводе как «острая сила» с подачи новостного интернет-портала Inosmi (учрежденного МИА «Россия сегодня»), занимающегося переводом статей в области экономики, политики, науки и общества с иностранных языков на русский, в начале 2018 г.⁷ После этого в российских СМИ активно стал фигурировать термин «острая» или иногда «резкая сила». С нашей же точки зрения, оба варианта перевода не до конца передают ту смысловую нагрузку, которую К. Уокер и Д. Людвиг вкладывали в концепцию. Более уместным и точным, с нашей точки зрения, было бы интерпретировать *sharp power* как силу хитрости и коварства. Поэтому более адекватным вариантом перевода, передающим содержание

⁶ International Forum for Democratic Studies (2017), “Sharp Power: Rising Authoritarian Influence”.

⁷ Пардо П. Острая сила: как Россия и Китай хотят завоевать мир, подр.: [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180310/241662829.html> (дата обращения 3 июля 2019).

самого понятия *sharp power* с его инструментарием, негативными коннотациями и «коварной природой», является *хитрая сила*.

В исследовании “Sharp Power: Rising Authoritarian Influence” были проанализированы методы и инструменты, которые используют авторитарные режимы в «уязвимых» демократических системах. В отличие от предыдущей работы Кристофера Уокера, в исследовании NED внимание акцентируется только на двух странах, а именно Китае и России (исключая из списка «хитрых авторитарных держав» Иран, Саудовскую Аравию и Венесуэлу), и их методах внешнеполитического влияния, с использованием «острых» (или оптимальнее было бы воспользоваться такими вариантами переводов, как «хитрых», «коварных») инструментов несиловой политики и дипломатии. Согласно первоисточнику, *sharp power* представляет собой форму политической стратегии, которая не является жесткой в плане использования вооруженной силы, однако она является жесткой и враждебной по своей сущности, так как подразумевает под собой манипулирование общественным сознанием с целью его дезориентации и пропаганды антидемократических ценностей. Россия и Китай здесь выступают как «властные авторитарные державы, подавляющие политический плюрализм и свободу волеизъявления»⁸ внутри своих стран. Также постулируется, что сам факт возникновения *sharp power* оказался возможен в силу того, что страны Запада («свободные демократии») из-за своего скептического отношения к возможностям авторитарных режимов (России и Китая) позволили им методом проб и ошибок совершенствовать свои приемы, инструменты воздействия и разработать гораздо более мощный арсенал технологий влияния, подходящий для современного технологического общества. Параллельно с этим – воздвигая барьеры внутри своих стран от внешнеполитического и культурного воздействия извне⁹.

В докладе говорится, что за последнее десятилетие Китай и Россия потратили миллиарды долларов на формирование общественного мнения и трансформацию восприятия во всем мире, используя разнообразный инструментарий, который включает тысячи международных обменов, массовые культурные мероприятия, образовательные программы, а также развитие медийных и IT-предприятий глобального охвата. Влияние, которое оказывают Россия и КНР посредством массмедиа, академической сферы, культуры и мозговых центров, – не «пропагандистское наступление» и даже не

⁸ International Forum for Democratic Studies (2017), “Sharp Power: Rising Authoritarian Influence”.

⁹ Ibid.

попытка поделиться «альтернативным видением» или «расширить дискурс», а именно манипуляции и попытки подрыва режимов изнутри.

..Мощные и решительные авторитарные режимы, систематически подавляющие политический плюрализм и свободу волеизъявления в целях сохранения власти внутри своей страны, все чаще применяют эти методики на международной арене для обеспечения своих интересов¹⁰.

Авторы подчеркивают, что прежде всего термин sharp power отражает злонамеренный и агрессивный характер авторитарных проектов, которые мало похожи на очевидную (для авторов) привлекательность либеральных демократий и излучаемой ими мягкой силы. С помощью sharp power обычно непривлекательные ценности авторитарных систем, которые поощряют монополию на власть, цензуру и принудительную или купленную лояльность власти, проецируются вовне. И аудитория, на которую проецируется эта информация, является жертвой манипуляции¹¹.

Запад допустил ошибку, «проморгав» тот момент, когда Россия и Китай создавали инструментарий и сильную технологическую базу для наращивания своей «острой (sharp)» и при этом такой коварной силы. Изначально демократические режимы не воспринимали всерьез попытки Пекина и Москвы конвертировать свои ресурсы в мягкую силу.

Телевизионные и онлайн проекты авторитарных режимов, чьи программные и редакционные линии поначалу были напыщенными или разрозненными, рассматривались как тщеславные и полные самодовольства проекты или что-то вроде этого и не заслуживали серьезного отношения. В той или иной степени эти правительства пытались «рассказать свою историю» так, чтобы она понравилась миру¹².

Однако именно этот недостаток внимания и скептицизм со стороны Запада дал этим двум странам возможность создать мощнейшие инструменты влияния в области медиа, культуры, образования и т. д.¹³

Более широкое распространение концепция sharp power приобрела благодаря выходу статьи Джессики Людвиг и Кристофе-

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

ра Уокера “The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence” («Значение острой силы. Как авторитарные страны проецируют влияние») в журнале *Foreign Affairs* в конце 2017 г. (здесь мы так же можем заменить термин «острый» на «хитрый» или «коварный») [Walker, Ludwig 2017].

Согласно мнению авторов, *авторитарные* Китай и Россия априори не могут обладать мягкой силой несмотря на все предпринимаемые ими попытки в области публичной и культурной дипломатии просто потому, что сама природа этих государств предполагает злонамеренность в области международных отношений.

В случае с Китаем инициативы в области образования и культуры сопровождаются авторитарной решимостью монополизировать идеи, подавить инакомыслие и эксплуатировать партнеров. Институты Конфуция, например, претендуют на сходство с немецкими культурными ассоциациями – институтами Гете или французскими Альянс Франсез, однако они сильно контролируются штаб-квартирой Ханьбань и самим правительством Китая [Walker, Ludwig 2017].

Россия же систематически обвиняется в авторитаризме и клептократии, подчеркивается, что несменяемая десятилетиями власть пользуется средствами манипуляции информацией, использует новостные телеканалы Russia Today для того, чтобы выставить Запад и демократические ценности в негативном свете, подрывая таким образом веру людей в демократические институты и в «свободные демократии» в целом [Walker, Ludwig 2017].

Согласно Уокеру, *sharp power* ограничивает свободу слова и искажает структуру политической среды в обществе. Примером такого влияния автор называет вмешательство РФ в президентские выборы США 2016 г.¹⁴ и утверждает, что США и страны ЕС подвергаются все более «изохренному» вмешательству РФ в их внутренние дела.

Москва использует существующие конфликты в этих обществах для усиления поляризации и разрушения демократической вежливости и сплоченности [между этими государствами] [Walker 2018, p. 12].

¹⁴ Расследованием вмешательства России в выборы США занимался специальный прокурор Роберт Мюллер, итоги работы отражены в вышедшем 18 апреля 2019 г. «Докладе Мюллера». В докладе отмечается, что в 2014 г. Россия начала работу по подготовке вмешательства в предстоящие президентские выборы в США. Основными инструментами российского вмешательства именуется пропаганда, дезинформация в социальных сетях, усиливающая противоречия в американском обществе, хакерские атаки на Демократическую партию США.

Отмечается, что Пекин также усилил свое политическое присутствие в демократических странах, оттачивая свои «навыки» на таких государствах, как Австралия и Новая Зеландия.

Власти Австралии отметили беспрецедентные попытки КПК «проникнуть в австралийские политические и иностранные круги, а также получить больше влияния на растущее китайское население страны» [Walker 2018, p. 12].

Sharp power может быть использована для подрыва независимых организаций/институтов путем манипулирования. Примером могут служить китайские организации, действующие по инициативе правительства, но маскирующиеся под коммерческие независимые предприятия.

Чтобы выглядеть более привлекательно в демократических обществах, коммунистический режим использует инструменты мягкой силы. Финансируемые государством исследовательские центры, средства массовой информации, программы обмена людьми и сеть институтов Конфуция имитируют инициативы гражданского общества, которые в демократических странах функционируют независимо от правительства. Между тем, местные партнеры и другие демократические страны часто не знают о том, насколько жестко Китай контролирует социальные группы, средства массовой информации и политический дискурс [Walker 2018, p. 12].

Методами sharp power могут быть «гнусные» инструменты отвлечения:

Россия использует такие методы для эксплуатации открытого электорального и медийного секторов во все большем числе стран, включая США. Манипулируя общественным мнением, она стремится обострить напряженность внутри демократий и между ними. ...Sharp power может также работать через современные формы цензуры, побуждая СМИ заниматься самоцензурой или используя цифровые инструменты, такие как «боты», автоматизированные учетные записи, которые распространяют ложную и подрывную информацию в интернете [Walker 2018, p. 13].

Мягкая или хитрая сила Соединенных Штатов Америки?

Утверждения о том, что сами США не обладают *sharp power*, выглядят не слишком убедительно. Стоит обратиться к известному американскому теоретику смены режимов – Джину Шарпу (G. Sharp), чья фамилия является синонимичной самой *sharp power*, однако его труды в США считаются источниками *soft power*, несмотря на свое очевидно «острое», «хитрое» и даже «злонамеренное», с точки зрения внешних акторов, содержание. Джин Шарп, ушедший из жизни в конце января 2018 г., являлся видным американским политологом и общественным деятелем, основателем неправительственной организации – Института Альберта Эйнштейна, который, в свою очередь, частично финансируется Национальным фондом демократии и занимается продвижением деятельности по разработке ненасильственных методов борьбы с диктатурой (или любым другим режимом, признанным диктатурой в одностороннем порядке). На интернет-сайте Института А. Эйнштейна мы можем найти 198 методов для несилевой смены режима, которые подразделяются на подгруппы:

- методы ненасильственного убеждения и протеста;
- методы отказа от социального сотрудничества;
- методы отказа от экономического сотрудничества: бойкотирование и забастовки;
- методы отказа от политического сотрудничества;
- методы ненасильственного вмешательства (интервенции).

Также в каждой подгруппе детально расписаны инструменты и виды действий, с помощью которых можно реализовывать данную систему¹⁵. В качестве основной миссии института значится распространение этих самых методик по всему миру с использованием всех средств массовой информации, а также конференций и др., включая консультирование групп – участников конфликтов в области стратегического потенциала ненасильственных действий¹⁶.

Самым знаменитым трудом Джина Шарпа является книга-пособие по ненасильственной смене режима «От Диктатуры к Демократии: стратегия и тактика освобождения» [Шарп 2005].

¹⁵ The official site of Albert Einstein Institution, “198 methods of nonviolent action” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aeinstein.org/nonviolent-action/198-methods-of-nonviolent-action/> (дата обращения 25 декабря 2018).

¹⁶ The official site of Albert Einstein Institution, Mission statement [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aeinstein.org/about/mission-statement/> (дата обращения 25 декабря 2018).

В этом пособии он дает точные указания по ненасильственной борьбе с режимом, называя это своеобразным «политическим джиу-джитсу», поскольку в борьбе с властью стоит орудовать технологиями скрытой борьбы, как микрохирург скальпелем. Действия противников режима при ненасильственной борьбе не обязательно связаны с ярко выраженным протестом. Иногда для эффективной борьбы с режимом достаточно вполне рутинных действий, по своей эффективности сопоставимых с актами саботажа –

...например, люди приходят на работу, вместо забастовки, но намеренно работают медленнее и менее эффективно, чем обычно. Более часто возникают преднамеренные «ошибки». Кто-то в определенный момент «заболел» или «не может работать» [Шарп 2005, с. 30].

В книге детально разбирается последовательность шагов: как выстроить правильную стратегию, выбрать средства борьбы с «диктатурой», создать план по установлению нового режима (демократии). Также рассматривается привлечение внешней помощи, которое может включать в себя:

- создание негативного общественного мнения по отношению к государству, против которого проводится политика на гуманитарных, этических и религиозных основаниях;
- провоцирование на принятие другими государствами и международными организациями санкций (политических, экономических и др.). «Санкции могут принимать формы экономического эмбарго и эмбарго на поставку вооружений и эмбарго на поставку вооружений, снижения уровня дипломатических отношений и разрыв дипломатических связей, запрета экономической помощи и инвестиций в страну» [Шарп 2005, с. 44];
- другие (демократические) государства могут предоставлять в свою очередь финансовую и другую материальную/нематериальную помощь для борьбы с неудобным режимом [Шарп 2005, с. 44].

Эта книга была многократно переиздана и признана своего рода инструментом мягкой силы, как это считалось до недавнего времени. С появлением термина *sharp power* вызывает массу вопросов само отнесение методик Дж. Шарпа к инструментам мягкой силы. Не секрет и то, что «От Диктатуры к Демократии...» стал базовым пособием для тех, кто конструировал такой феномен, как «цветные революции», прокатившиеся по ряду постсоветских стран, таких как Грузия (2003–2004 гг.), Киргизия (2005 г.), Армения (2005, 2007 гг.), Украина (2004, 2013–2014 гг.) и др.

Название «цветная революция» получила ненасильственная (как минимум на первых этапах действий) смена существующего режима. Общим для всех цветных революций являлись свержение легитимной власти посредством ненасильственных на первых порах массовых действий, перераставших впоследствии в волну народных бунтов и забастовок с использованием различных интернет-каналов для активизации народных масс, и работа через социальные сети при активной финансовой и информационной поддержке из-за рубежа. Главным призывом всегда являлась смена действующей власти.

Сам Национальный фонд демократии, от чьего лица выступают К. Уокер и Д. Людвиг, имеет интересную историю. Фонд является неправительственной организацией, основанной в начале 1980-х гг. для ведения «холодной войны культуры» со стороны США. Уильям Колби, возглавлявший ЦРУ в 70-х гг., отмечал, что вся прелесть подобных фондов позитивным образом состоит в том, что снимает с ЦРУ необходимость ведения тайных манипуляций в сфере культуры и медиа, так как они берут эту задачу на себя и могут действовать в открытую¹⁷.

Американский журналист Уильям Блум говорит о том, что Национальный фонд демократии создавали под образом неправительственной организации, тем не менее эта «неправительственная» составляющая является мифом, так как каждая копейка, вложенная в фонд, шла из федерального бюджета США¹⁸. Как отмечается в статье Блума, Национальный фонд вмешивается во внутреннюю политику многих зарубежных стран, предоставляя денежные средства, технологии ноу-хау, обучающие материалы, компьютеры, факсы, автомобили и т. д. для определенных политических кругов, гражданских организаций, профсоюзов, диссидентских движений, студентов, издательствам, прочим СМИ и т. д. Фонд умело воздействовал на выборы в Никарагуа в 1990 г. и в Монголии в 1996 г., помог свергнуть демократически избранное правительство Болгарии (1990 г.) и Албании (1991 и 1992 гг.), разработал программу для победы над кандидатом на пост премьер-министра Словакии в 2002 г., который был негоден Вашингтону. В период с 1999 по 2004 г. На-

¹⁷ *Barker M.* Human rights and media manipulation. From Pinochet to 'Human Rights' in China. Global Research, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalresearch.ca/human-rights-and-media-manipulation/8465> (дата обращения 13 марта 2019).

¹⁸ *Blum W.* Trojan Horse: The National Endowment for Democracy. 2006 [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20110719080725/http://www.iefd.org/articles/trojan_horse.php (дата обращения 15 марта 2019).

циональный фонд демократии активно финансировал оппозицию президента Венесуэлы Уго Чавеса¹⁹. Все это заставляет усомниться в правомерности выделения «хорошей» мягкой силы стран Запада и некой хитрой и коварной – авторитарных режимов. И соответственно в эвристической значимости самого термина *sharp power*.

Вместо заключения. Концепция sharp power – идеология вместо науки

В условиях нарастающей напряженности на международной арене, в частности в новом противостоянии между так называемым «свободным Западом» и «несвободными режимами», концепция *sharp power* набирает все больше популярности, однако к авторам концепции можно адресовать много вопросов, в том числе по поводу скорее идеологического, а не научного или политологического значения продвигаемой ими концепции и самого термина.

В 2019 г. RAND Corporation был выпущен доклад «Факты против Мнений. Как меняется стиль и язык в подаче новостей в цифровую эпоху», в котором анализируются газетные и телевизионные новостные выпуски в США в периоды до и после 2000 г. Исследователи отмечают, что общей тенденцией после 2000 г. является сдвиг в сторону более субъективной формы журналистики, основанной на личной перспективе. Журналистика в цифровую эпоху перестает ссылаться на авторитетные источники или опираться на какие-либо академические исследования, переходя в форму субъективного конструирования новостного потока с целью извлечения личной выгоды, что резко контрастирует с журналистикой конца XX в., преимущественно опиравшейся на факты и исследование фактов, нежели на настроения толпы²⁰. Таким образом, сдвиг в сторону субъективизма и пропаганды в журналистике вопреки утверждениям авторов и активных сторонников концепции *sharp power* носит глобальный характер и в не меньшей степени прослеживается в американских СМИ.

Также спорным является и утверждение Кристофера Уокера о том, что авторитарные государства используют открытость демократий для распространения своих ценностей посредством СМИ и

¹⁹ Ibid.

²⁰ Facts Versus Opinions. How the Style and Language of News Presentation Is Changing in the Digital Age [Электронный ресурс]. 2019. Rand Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10059.html (дата обращения 15 мая 2019).

не встречаются на своем пути никаких преград, так как «демократии не должны уподобляться авторитаристам» и ограничивать свободу СМИ. Достаточно отметить, что, например, в 2018 г. в закон об оборонном бюджете США была внесена поправка № 1096 (по инициативе сенаторов Дж. Маккейна и Л. Грэма), гласящая о том, что новые дистрибьютеры США имеют право в одностороннем порядке и вопреки заключенным договорам приостанавливать трансляцию любых программ или каналов, находящихся в собственности или под контролем правительства РФ²¹, что, в свою очередь, побудило большое количество дистрибьютеров США прекратить вещание телеканала Russia Today и распространение информационного контента вопреки пожеланиям телезрителей. Ранее телеканал был вынужден зарегистрироваться как иностранный агент в США, из-за чего корреспонденты канала были лишены журналистской аккредитации²².

На данный момент концепция *sharp power* представляет собой не слишком убедительную смесь киберсилы, мягкой силы и чистой пропаганды. *Sharp power* не может выступать как научная концепция, так как не несет в себе никакой познавательной ценности. Несмотря на то что неологизмы «мягкая» (soft) и «умная (smart) сила», представленные в конце XX – начале XXI в. Джозефом Наем, могут звучать синонимично новой «плутовской силе», тем не менее, когда мы говорим о двух первых концептах, очевиден определенный вклад в сферу науки о международных отношениях, в понимание значимости невоенных и неэкономических инструментов влияния и сочетания силовых и несиловых форм воздействия в мировой политике. После новаторских работ Дж. Наея стало очевидно, что легитимировать свою внешнюю политику и решать внешнеполитические задачи государству намного легче, когда оно обладает большой мягкой силой, заставляющей другие страны принимать его ценности и «правила игры»²³. Умная же сила выступает как си-

²¹ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2018. All Information (Except Text) for S. Amdt. 1096 to S. Amdt 1003 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/amendment/115th-congress/senate-amendment/1096/all-info> (дата обращения 20 марта 2019).

²² Подробнее: *Бородунов А., Алексеева Н.* Обратный Эффект: почему в США отказываются от вещания RT вопреки пожеланиям телезрителей [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/564378-rt-america-zapret-veshanie> (дата обращения 20 марта 2019). История скандала вокруг RT в США. Досье. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/info/4773777> (дата обращения 20 марта 2019).

²³ Подробнее: *Nye J.S. Jr.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. P. 191.

туативный или контекстный интеллект (context intelligence – термин по Дж. Наю), где грамотный лидер для улучшения позиций своей страны на международной арене способен комбинировать политику жесткой и мягкой силы, в зависимости от вызовов, которые перед ним стоят. Такие проблемы, как экология, голод, эпидемии или трансграничный наркотрафик, требуют международного сотрудничества и работы, основанной на общечеловеческих ценностях и взаимовыявлении, чего легче добиться государству, обладающему большими ресурсами мягкой силы. Однако же борьба с терроризмом, например, требует более жестких инструментов. Оптимальное сочетание силовых (в плане жесткой силы) и несиловых ресурсов в зависимости от стоящей задачи и есть умная сила²⁴.

В свою очередь *sharp power* нацелена на грубую дискредитацию режимов, которые не вписываются в западную модель демократии. Спорно и откровенно политизировано утверждение, согласно которому этой силой обладают исключительно незападные режимы. В основном хитрая или острая сила напоминает попытку выставить не в лучшем свете Россию, Китай и другие державы, приписывая им «нечестную» внешнюю политику в сфере информационных технологий, пропаганды, фальсификации информации, жесткий контроль над СМИ и т. д. Однако, как было замечено выше, практически все страны на международной арене используют подобные методы ведения международных отношений, но не все удостоиваются звания «хитрой» державы.

Литература

- Шарп 2005 – *Шарп Д.* От Диктатуры к Демократии: стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2005. 84 с.
- Walker 2016 – *Walker Ch.* The Authoritarian Threat: The hijacking of “Soft Power” // Journal of Democracy. John Hopkins University Press. Vol. 27. № 1. January 2016. P. 49–63.
- Walker 2018 – *Walker Ch.* What is “Sharp Power”? // Journal of Democracy. John Hopkins University Press. Volume 29. No. 3. 2018. P. 9–23.
- Walker, Ludwig 2017 – *Walker Ch., Ludwig J.* The meaning of sharp power. How authoritarian states project influence // Foreign Affairs 2017, November 16 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power?cid=int-fls&pgtype=hpg> (дата обращения 20 марта 2018).

²⁴ Подробнее: *Nye J.S., Jr.* Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. 2009. Vol. 88. № 4. P. 160–163.

References

- Sharp, D. (2005), *Ot Dikatury'k Demokratii: strategiya I taktika osvobozhdeniya* [From dictatorship to democracy. The liberation strategy and tactics.], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Walker, Ch. (2016), "The Authoritarian Threat: The hijacking of 'Soft Power'", *Journal of Democracy*, John Hopkins University Press, vol. 27, no. 1. January, pp. 49–63.
- Walker, Ch. (2018), "What is 'Sharp Power'?", *Journal of Democracy*, John Hopkins University Press, vol. 29, no. 3, pp. 9–23.
- Walker, Ch. and Ludwig, J. (2017), "The meaning of sharp power. How authoritarian states project influence", *Foreign Affairs*, November 16, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power?cid=int-fls&pgtype=hpg> (Accessed 20 March 2018).

Информация об авторе

Анастасия Х. Махмуд, аспирант, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия, 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23; makhmud.anastasia@gmail.com

Information about author

Anastasia Kh. Makhmud, postgraduate student, Russian Academy of Sciences Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; bld. 23, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia, 117997; makhmud.anastasia@gmail.com

Религиозная деятельность Али Акбара Хашеми Рафсанджани

Владимир О. Кокликов

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия, azzuro@list.ru*

Аннотация. В работе проведен анализ политической и религиозной деятельности Али Акбара Хашеми Рафсанджани, одного из наиболее известных политиков современного Ирана. Рассмотрена его политическая и религиозная деятельность на протяжении всей его жизни. В том числе рассматриваются три периода его жизни: знакомство с аятоллой Хомейни и обучение у него, религиозная деятельность до Исламской революции и религиозная деятельность после революции. Показано, что Рафсанджани уделял большое внимание изучению Корана и исламского права, а после Исламской революции стремился продвигать религиозные идеи и исламские правовые нормы среди иранцев. При этом после революции Рафсанджани стал активно участвовать в политической жизни Ирана, занимая ключевые посты в главных органах власти страны, включая и пост президента, в результате чего его собственно религиозная деятельность значительно снизилась, хотя он, тем не менее, стремился соединить политику и религию. В работе утверждается, что Рафсанджани занимал умеренную и прагматическую политическую позицию и менял свои взгляды в зависимости от обстоятельств, в которых оказывалась страна.

Ключевые слова: Иран, Али Акбар Хашеми Рафсанджани, аятолла Хомейни, Исламская революция, Совет по определению целесообразности

Для цитирования: Кокликов В.О. Религиозная деятельность Али Акбара Хашеми Рафсанджани // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 203–217. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-203-217

Religious activity of Ali Akbar Hashemi Rafsanjani

Vladimir O. Koklikov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, azzuro@list.ru

Abstract. The paper analyzes the political and religious activities of Ali Akbar Hashemi Rafsanjani, one of the most famous politicians of modern Iran. His political and religious activities from youth to the end of his life are subject of the study. In particular, three periods of his life are of interest here: his acquaint-

После знакомства с аятоллой Хомейни Рафсанджани играл большую роль в продвижении его целей и идей. Хашеми Рафсанджани были одним из главных противников режима Пехлеви. После победы Исламской революции он стал правой рукой и советником аятоллы Хомейни и играл важную роль в принятии большинства судьбоносных для страны решений.

Кроме этого он занимал ключевые посты в государственном управлении. Так, например, Рафсанджани был членом Исламского революционного совета, занимал пост в министерстве внутренних дел, был членом Общества борющегося духовенства и одним из основателей Партии Исламской Республики, стал первым председателем Меджлиса исламского совета, выступал в качестве председателя Совета по определению целесообразности и заместителя верховного главнокомандующего Вооруженными силами, а также был четвертым президентом Ирана и многое другое. Его позиция по различным вопросам, как в качестве лица, принимающего решения, так и в виде поддержки определенных лиц или групп, прямо или косвенно влияла на политические события в стране.

Современная история Ирана подтверждает, что идеи и позиции Рафсанджани всегда были динамичными. Его взгляды менялись в соответствии с изменениями в обществе и мире, а иногда становились результатом политической мотивации. На протяжении всего времени он выбирал различные подходы к решениям важных для страны вопросов. Другими словами, Рафсанджани в 1978, 1996, 2009 гг. и в последние годы жизни имел совершенно разные политические взгляды³. Хотя его подходы в политике и менялись, он всегда сохранял стойкие религиозные убеждения. Несмотря на то что в этой сфере он также не занимал жесткой позиции, о нем говорят как о человеке, который стремился к упрощению религиозного права (фикха)⁴.

Несмотря на разносторонность его деятельности, Рафсанджани считали в первую очередь политическим деятелем, а не религиозным.

³ См.: Сборник работ конференции «Преодоление кризиса и развитие Ирана с учетом подхода аятоллы Хашеми-Рафсанджани» (25 августа 2018 г., хосейние Джамаран № 2) (3 شهریور 1397 همایش عبور از) (2 جماران و توسعه ی ایران ؛ با نگاهی به رویکرد آیت الله هاشمی رفسنجانی (حسینیہ ی شماره ی 2 جماران). С. 65.

⁴ См.: Сборник работ конференции «Законодательство в Исламской республике» (Университет Мофид в г. Кум, 3 января 2019 г.). С. 79. (همایش تقنین در جمهوری اسلامی (13 دی 1397 دانشگاه مفید قم)

В этой работе предпринята попытка уделить особое внимание религиозной деятельности Хашеми Рафсанджани.

Она содержит три основные части:

- 1) знакомство с аятоллой Хомейни и обучение у него;
- 2) религиозная деятельность до революции;
- 3) религиозная деятельность после революции.

Знакомство с аятоллой Хомейни и обучение у него. На формирование личности Рафсанджани и его религиозно-политическую деятельность повлияло множество факторов. Он родился в семье, имевшей большой авторитет в родной деревне. Жители деревни уважали его отца за его общественную и религиозную деятельность и обращались к нему по многим вопросам. С самого начала своего обучения Рафсанджани сумел познакомиться с некоторыми важными религиозными книгами [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 57]. Но самым важным событием в его жизни стала поездка в Кум. Когда Рафсанджани было 14 лет, он со своим двоюродным братом поехал в Кум к братьям Марашаи. Это путешествие оказало большое влияние на формирование его религиозных и политических воззрений. Обучение в духовной семинарии, расширение религиозных знаний, знакомство с выдающимися людьми того времени и обучение у них, возможность участия в политических оппозиционных группах – все это стало возможно благодаря его поездке в Кум. Эти события удивительным образом определили его судьбу и превратили его в одну из самых важных политических и религиозных фигур в Иране.

Рафсанджани имел возможность учиться у крупнейших религиозных деятелей своего времени. Первым его близким знакомством стала встреча с аятоллой Боруджерди, который считался одним из авторитетнейших лидеров шиитского духовенства. Это знакомство оставило важный след на личности и идеях Рафсанджани. По словам самого Рафсанджани, ему очень нравился аятолла Боруджерди, поскольку тот поощрял молодых студентов, каким являлся сам Рафсанджани. Впервые получив поощрение от Боруджерди, Рафсанджани еще больше воодушевился.

Так как в Куме не было официальной программы занятий для разных уровней семинарии, каждый семинарист самостоятельно выбирал преподавателя по каждой дисциплине. Поэтому Рафсанджани с самого начала обучения и до последнего курса сменил множество преподавателей. Литературе он учился у Шахида Саиди, доктора Мохсена Джахангири, Сейида Мусы Садра, Мохаммади, Салехи Наджафабади и Шабзендедара. Предмету *усуль-аль-фикх* (основы исламского права) он обучался у Хосейн-Али Монтазери, Али Мешкини, Солтани, Тебризи, Садуки, Этемади, Нури и Мод-

жахеди. На занятиях для семинаристов, которые хотели достичь иджитхада (права самостоятельно формулировать религиозные правила на основе исламских текстов), он занимался у Боруджерди, Хомейни, Дамада, Гольпайегани, Шариатмадари, Хайери Йазди и Марашни Наджафи. Философии и толкованию Корана его обучали Алламе Табатабаи, аятолла Захеда и аятолла Монтазери.

В этот период он познакомился со многими своими друзьями, например с шейхом Хайдаром Йазди, шейхом Джафаром Шоджуни, Раббани Амлаши, Торбати и другими [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 65–67].

Дом братьев Марашни находился по соседству с домом аятоллы Хомейни, поэтому Рафсанджани сумел с ним сблизиться. Дружба Рафсанджани с сыном Хомейни Мустафой привела к тому, что он завязал более тесные отношения с семьей Хомейни. По пути на учебу Рафсанджани обращался к аятолле Хомейни с религиозными, нравственными или философскими вопросами [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 101]. Их отношения напоминали отношения между учителем и учеником, хотя тогда Рафсанджани еще не был учеником Хомейни.

В конце концов Рафсанджани удалось попасть к Хомейни на курс для тех, кто хочет достичь иджитхада. Это сблизило их еще больше. Дом Хомейни стал постоянным местом сбора людей, которых интересовали его идеи [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 103]. Хомейни для Рафсанджани был ориентиром в интеллектуальном познании, науках и нравственности [Хашеми Рафсанджани 2006, с. 68].

Помимо занятий в семинарии, которые интересовали Рафсанджани больше всего, он сопровождал Хомейни на всех праздничных и траурных церемониях, помогал ему с делами по дому, что позволяло ему близко познакомиться с идеями, целями и самим Хомейни [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 103–104].

После смерти Боруджерди режим Пехлеви попытался перенести религиозный центр шиизма из Кума в иракский город Неджеф. Тогда Рафсанджани и его единомышленники стали говорить, что лидером шиитов должен стать имам Хомейни. Они делали все возможное, чтобы повысить статус Хомейни, включая использование прессы и выступления с распространением своих целей и идей на церемонии памяти Боруджерди [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 25–26, 115].

Отношения между Рафсанджани и Хомейни переросли в отношения «преподаватель – ученик» и вышли за пределы аудиторных занятий. Рафсанджани стал участвовать в политической борьбе вместе с Хомейни. В связи с этим все собрания в мечетях и личные встречи превратились в платформы для продвижения религи-

озных идей. Также после того, как в Неджефе Хомейни представил идею *велят-е факих*, Рафсанджани помогал ему в ее распространении [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 40–41]. Даже после того, как Хомейни отправили в ссылку в Ирак, Рафсанджани не бросил его и периодически навещал. В конце концов, после победы Исламской революции, Рафсанджани, будучи самым близким человеком к аятолле Хомейни, стал управлять многими делами имама.

Фактически Рафсанджани был учеником Хомейни не только в семинарии, он также перенял многие его религиозно-политические идеи и цели.

Религиозная деятельность до революции. Вскоре после поступления в духовную семинарию Рафсанджани начал заниматься религиозно-пропагандистской деятельностью. Поездки по городам для продвижения религиозных идей были для учеников семинарии обычным делом. Во время таких поездок они не только общались, дискутировали и отвечали на вопросы, но и подрабатывали. Свою пропагандистскую деятельность Рафсанджани начал с поездки в свой родной город, где его встретили достаточно тепло. Ему нужно было пропагандировать религиозные идеи в мечети и при этом пытаться заработать себе на жизнь [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 23].

Аятолла Боруджерди, который на тот момент был лидером шиитского духовенства, старался держаться поодаль от политики. Однако напряженное состояние общества в тот период вызывало у очень многих людей живой интерес к политике. Деятельность Национального фронта, Народной партии Ирана (Туде), движения «Федаины ислама», которое располагалось в Куме около резиденции аятоллы Сейеда Мохаммада Таги Хансари, подталкивала молодое поколение семинаристов к политике [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 24–25]. Студенты шли в политику еще и из-за того, что ею активно занимались некоторые выдающиеся личности, такие как имам Хомейни.

Хомейни в его политической деятельности помогала группа его единомышленников и учеников, в которую входил и Рафсанджани. Сначала они боролись с антирелигиозной политикой Пехлеви, но позже их деятельность значительно расширилась. Таким образом, молодые семинаристы Кума отделились от аятоллы Боруджерди и, сблизившись с аятоллой Хомейни, объединились в единую группу и начали политическую борьбу и пропаганду.

В этот период Рафсанджани и его единомышленники хотели основать свою организацию и выпускать журнал под названием «Мактаб-е ташайо». На тот момент сторонники аятоллы Шариатмадари уже издавали журнал «Мактаб-е эслам», в котором публиковались статьи на различные темы. Журнал «Мактаб-е ташайо»

был основан в 1958 г., в нем публиковались статьи с идеями и мыслями аятоллы Хомейни, а также взгляды, близкие Хомейни и его сторонникам. Журнал должен был стать плацдармом для пропагандистской и оппозиционной деятельности единомышленников Хомейни [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 105]. Редакция журнала располагалась в Куме и была открыта благодаря участию Мохаммада Джавада Бахонара, Мохаммада Салехи и Мехди Кармани, которые всегда поддерживали Хомейни [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 95].

Публикация этого журнала способствовала созданию всеобъемлющей культурно-политической сети (наряду с естественными сетями хосейние, мечетей и религиозных делегаций), состоявшей из людей с общими целями, занимавшихся работой с общественным мнением, просвещением и развитием исламской философии. Первый выпуск «Мака таб-е ташайо» был очень успешным. Альманах состоял из 416 страниц и был выпущен тиражом в 10 тыс. экземпляров. Людям так понравился журнал, что меньше чем через месяц было издано еще 5 тыс. экземпляров. У журнала были представительства во многих городах. Иногда его даже раскупали по предварительному заказу. Редакторы журнала благодаря своей работе установили хорошие отношения с религиозными деятелями Национального фронта Ирана, аятоллой Талегани и Мехди Базарганом. В этом им значительно помог аятолла Мутаххари. Им удалось также наладить контакты и с иностранцами. В журнале иногда освещались международные вопросы, например вопрос Палестины. Журнал занимался переводом известных работ о шиизме на арабский, французский и английский языки и изданием их во Франции, Ливане и Египте. В журнале печатались статьи профессоров и известных личностей из духовных семинарий в Куме и Тегеране. После отправки Мохаммада Джавада Бахонара в Тегеран Рафсанджани некоторое время в одиночку руководил изданием⁵ [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 113].

⁵ См.: Основание организации «Мака таб-е ташайо» и издание журнала с тем же названием господином Хашеми-Расанджани и его единомышленниками для распространения идей имама Хомейни аятоллы (تأسیس مؤسسه مکتب تشیع و انتشار مجله ای به همین نام توسط) // Центр документов Хашеми-Рафсанджани [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rafsanjani.ir/records/> (تأسیس مؤسسه مکتب تشیع و انتشار مجله ای به همین نام توسط آقای هاشمی و همفکران برای نشر افکار امام خمینی)

Среди авторов журнала были такие видные интеллектуалы и представители духовенства, как Мохаммад Хоссейн Табатабаи, Мохаммад Таги Фалсафи, Хоссейнали Рашид, Муртаза Мутаххари, Сейед Махмуд Талегани, Алиголи Баяни, имам Муса Садр, Мохаммад Таги Джаафари, Мохаммад Хоссейни Бехешта, Мехди Хаери Язди, Насер Макарем Ширази, Джавад Фазель и другие. После того как журнал получил значительное признание, он начал выпускаться ежеквартально. Первый выпуск в таком формате вышел осенью 1959 г.⁶ В этот период Рафсанджани можно было назвать главным редактором журнала «Мака таб-е ташайо». Он лично занимался всеми делами издательства, читал полученные письма, отвечал на них и переписывался с представителями религиозных организаций [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 147].

С этого периода религиозная и политическая пропаганда стали одним целым для Рафсанджани и его единомышленников. Например, школа для девушек «Рефах» служила прикрытием для встречи духовных лиц с предпринимателями и деятелями культуры. Другими пропагандистскими центрами были хосейние Аршад, общество «Тоухид» и мечеть Аль-Джавад. Привлечению на свою сторону студентов также способствовали и выступления в университетах. При помощи Мохаммада Джавада Бахонара и Муртазы Мутаххари (после его возвращения из Германии) они смогли получить влияние в министерстве образования и контролировать составление некоторых учебников по исламскому образованию [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 233].

После уклонения от армии Рафсанджани пришлось какое-то время скрываться у себя в родном городе. Таким образом, у него появилась хорошая возможность заняться размышлением над спорными вопросами. Важнейшим из них был вопрос Палестины, который, по его мнению, не получил достаточного внимания. Для написания статьи о Палестине в «Мака таб-е ташайо» Рафсанджани взял у аятоллы Халила Камаре книгу про палестино-израильский конфликт, автором которой был Акрам Зуайтир. Рафсанджани воспользовался возможностью и перевел книгу на персидский язык. Он, ведя полускрытый образ жизни в своем родном городе, потратил на перевод книги три-четыре месяца. Он издал свою работу в 1964 г., после возвращения в Кум [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 171, 174–175].

Следующую свою книгу он написал три года спустя, после прочтения работы доктора Мехди Бахара под названием «Жалкое наследие колониализма». После того как устав общества в Куме по-

⁶ Там же.

пал в руки шахского режима, Хашеми Рафсанджани некоторое время скрывался в Тегеране и Куме. В этот период он и написал свою следующую книгу под названием «Амир-Кабир или герой борьбы с колониализмом» [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 224; 36].

Религиозную деятельность Рафсанджани продолжал даже во время пребывания в тюрьме. Во время заключения он проповедовал религиозные идеи и просвещал заключенных. Рафсанджани проводил для заключенных занятия по толкованию Корана, философии и другим предметам, тем самым распространяя религиозные идеи даже в тюрьме [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 303]. Он находил время не только для заключенных, но и для самого себя, укрепляя свое религиозное рвение и борясь со своими культурными и моральными слабостями. Так, сидя в одиночной камере, он смог выучить 25 джуз Корана [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 305].

Записки под названием «Аристократизм в Коране» также были написаны во время тюремного заключения. По его собственным словам, эту работу он написал после прочтения книги одного известного советского писателя, в которой тот осуждал ислам за его связь с аристократизмом. Чтобы ответить на такое утверждение, Рафсанджани еще раз полностью изучил Коран и нашел аяты, опровергающие позицию автора. Из-за отсутствия бумаги ему приходилось использовать при записи своих мыслей бумажные пакеты для фруктов. Его ничто не останавливало на пути познания и саморазвития. Эти записки были в двух экземплярах, один из которых попал в руки шахской разведки САВАК. Идеи Рафсанджани показались им неприемлемыми, поэтому в отношении него было начато расследование. Зато второй экземпляр был успешно передан за пределы тюрьмы [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 311].

Другим важнейшим трудом Рафсанджани, который также был написан в тюрьме, был «Ключ к Корану», или «Словарь Корана». Работу над ним Рафсанджани вел в период с 1975 по 1977 г. – почти три года. Он воспользовался свободным временем в тюрьме для составления сборника с толкованием и систематизацией смыслов Корана. Рафсанджани считал, что иной раз народ для следования заповедям Корана по какому-то отдельному вопросу будет вынужден изучить Коран полностью, что повторялось и в отношении других вопросов. Поэтому изучение каждой темы занимало у него много времени [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 304–305]. Начав работу над «Ключом к Корану», Рафсанджани хотел упростить изучение и понимание священной книги, помочь в поиске необходимых аятов и решить другие проблемы на пути верующих [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 306].

Писать работу он начал в одиночной камере без Корана под рукой – работники тюрьмы отказались ему его предоставить. Поэтому Рафсанджани пришлось восстановить по памяти все то, что он помнил из Корана. Возможность записать свои мысли у него появилась только после перевода в первый корпус тюрьмы Эвин [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 307]. Свои записи Рафсанджани тайком передавал жене во время их встреч. Она, в свою очередь, выносила их, пряча в чадре [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 310].

В тюрьме ему помогли Абдул Маджид Маадихах и Факер [Хашеми Рафсанджани 1997, с. 310]. Работа над трудом Рафсанджани продолжилась и после победы Исламской революции. Ею занялись профессора духовной семинарии Кума и Центра изучения Корана, конечно же, под руководством самого Рафсанджани. Результатом их совместного труда стали три работы, посвященные толкованию и изучению Корана, – «Толкование указателя» (по порядку аятов), «Словарь Корана (по алфавиту)» и «Энциклопедия Корана» [Хашеми Рафсанджани 2012, с. 486]. На сегодняшний день существует около 56 томов этих работ⁷.

Из других трудов можно отметить составление полной биографии и истории имамов. Работа над ней началась до революции, в 1973–1974 гг., вместе с Сейедом Мохаммадом Мусави Хоениха, но вскоре была приостановлена. После революции благодаря стараниям Мусави Хоениха и Штаба по религиозной пропаганде г. Кума работа над сборником возобновилась с использованием старых записей и также под руководством Рафсанджани [Хашеми Рафсанджани 2006, с. 503].

Все это подтверждает, что Хашеми Рафсанджани был одним из важнейших религиозных деятелей современного Ирана, оказавшим огромное влияние на изучение и распространение исламского знания.

Религиозная деятельность после революции. После победы Исламской революции в Иране Рафсанджани был одним из приближенных Верховного лидера аятоллы Хомейни. На протяжении многих лет Рафсанджани занимал высокие посты в правительстве, тем самым доказывая свой очень высокий потенциал. Деятельность Рафсанджани после революции в основном носила политический характер, поэтому большинство в первую очередь считает Рафсанджани именно политиком. Но не стоит забывать, что Исламская революция была возможна во многом благодаря идеям Рафсанджани и его единомышленников. Поэтому вся его политическая деятель-

⁷ Материалы конференции «Аятолла Рафсанджани и восемь лет Священной обороны» 8 окт. 2017 г. в Национальной библиотеке Ирана. С. 39.

ность на самом деле была нацелена на закрепление религиозных идей в обществе. Другими словами, всего его политические инициативы имели религиозные корни. Но необходимо помнить, что после революции религиозная деятельность Рафсанджани меркла на фоне его успехов на политическом поприще. У этого есть очевидная причина. После победы революции Рафсанджани стал одним из влиятельнейших политиков Ирана. Большая часть всей политической жизни страны была связана именно с ним, и поэтому у него не оставалось времени на что-либо другое.

После победы Исламской революции Рафсанджани стал членом Исламского революционного совета, являвшегося высшим институтом власти Ирана. С момента формирования совета Рафсанджани был одним из влиятельнейших его членов. В это же время он некоторое время занимал пост исполняющего обязанности министра внутренних дел. Рафсанджани стал одним из 28 первых членов Общества борющегося духовенства (влиятельная консервативная религиозная организация), а также одним из основателей Партии Исламской республики. Позднее именно он обратится к Хомейни с просьбой распустить данную партию.

Рафсанджани участвовал в составлении первого после революции закона об избирательном праве. В результате выборов в Собрание исламского совета первого созыва Рафсанджани стал депутатом. 28 мая 1980 г. он был избран первым председателем иранского парламента. Летом 1981 г. именно Рафсанджани обратился к Хомейни и выразил от имени Меджлиса недовольство в связи с тем, что один из законов, выдвинутый парламентом, был отклонен Советом стражей конституции. Был создан первый прецедент, когда закон вступил в силу несмотря на решение Совета стражей конституции. Такие противоречия между двумя органами власти позднее приведут к созданию Совета по определению целесообразности, который в 1989 г. возглавит сам Рафсанджани. В период ирано-иракской войны Рафсанджани помимо председательства в Собрании исламского совета занимал пост представителя Верховного лидера в Высшем совете национальной безопасности (после смерти Мустафы Чамрана в 1981 г.). В последние месяцы войны он стал заместителем верховного главнокомандующего Вооруженными силами⁸.

После победы Исламской революции в законодательстве страны был принят ряд постановлений и религиозных правил, ставших

⁸ См.: Акбар Хашеми-Рафсанджани (اکبر هاشمی رفسنجانی) // Исламская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: http://wiki.ahlolbait.com/اکبر_هاشمی_رفسنجانی (дата обращения 17 мая 2020).

обязательными к исполнению законами, которым должен был следовать народ. Хашеми Рафсанджани был первым председателем Меджлиса. В соответствии с конституцией страны постановления Меджлиса должны полностью соответствовать нормам исламского права, поэтому новые законы направлялись в Совет стражей конституции на рассмотрение. Депутаты Меджлиса совещались с Рафсанджани, чтобы убедиться, что постановления соответствуют законам шариата. Иногда Рафсанджани приходилось обращаться за помощью в этом вопросе к имаму Хомейни⁹.

Аятолла Хомейни после многолетнего опыта управления делами страны и знакомства с возникавшими в этой сфере противоречиями пришел к выводу, что упорное настаивание на исполнении базовых религиозных догм, толкуемых в традиции фикха, распространяемого в семинариях, мало применявшегося в реальной жизни, создало тупик в управлении страной. Как следствие, подобное положение вызывало сомнения в пригодности ислама для управления обществом. Благодаря усилиям аятоллы Хашеми Рафсанджани для решения этих вопросов был создан Совет по целесообразности. Как было упомянуто ранее, руководил советом сам Рафсанджани. Он был экспертом в данной области, так как учился исламскому праву и нормам шариата у аятоллы Хомейни. Таким образом, при содействии Рафсанджани был создан один из важнейших органов власти Ирана. В задачи нового органа входило урегулирование разногласий между Меджлисом и Советом стражей конституции, а также контроль над тем, чтобы предложенные постановления соответствовали нормам шариата. Позже этот орган будет заниматься и другими важными вопросами, например участвовать в процессе пересмотра конституции. Решения, принятые новым советом, подлежали безоговорочному исполнению. Пренебрежение ими имам Хомейни приравнивал к поражению ислама в мире¹⁰.

Другой важной должностью Рафсанджани, которую он занимал в период с 1981 по 2009 г., была должность временного пятничного имама в Тегеране. В рамках занимаемого поста он выступал с речами и читал молитвы во время пятничного намаза. По его словам, эти выступления были для него самыми важными в жизни [Хашеми Рафсанджани 2012, с. 20]. Во время каждого выступления он передавал слушателям свои религиозные знания. Так, в 1989 г. он выступил с первой проповедью из серии «Ислам. Жизненный путь». В такого рода проповедях он пытался изменить ошибочное мнение

⁹ См.: Сборник работ конференции «Законодательство в Исламской республике» (Университет Мофид в г. Кум, 3 января 2019 г.). С. 97.

¹⁰ Там же. С. 81.

людей относительно ислама. Рафсанджани перечислил ошибки, которые совершили некоторые богословы касательно исламского познания: отсутствие определения многих основных правил ислама, отсутствие серьезного и своевременного исследования в социально-этической области ислама. В этих проповедях он называет ислам целевой программой для жизни человека, которая делает возможным пережить любую трудность на пути достижения человеком своих жизненных целей [Хашеми Рафсанджани 2012, с. 48].

Рафсанджани также принимал активное участие в проведении религиозно-культурных конференций и семинаров. На них он старался объяснить свои религиозные идеи и идеи Исламской революции. По его мнению, идеи имама Хомейни лучше всего подходят обществу, являются примером для истинных мусульман и несут с собой ислам в самом правильном его понимании [Хашеми Рафсанджани 2012, с. 527; Хашеми Рафсанджани 2006, с. 305]. Рафсанджани также помогал в проведении семинаров, посвященных теме *веляят-е факих*. Они сыграли важную роль в продвижении идей революции. На одной из международных конференций он подробно рассказал о законодательном процессе с опорой на ислам [Хашеми Рафсанджани 2006, с. 101–102].

Как уже было сказано, любая социально-политическая деятельность Рафсанджани была напрямую или косвенно связана с религией. Религиозные центры, в том числе Совет по рассмотрению дел семинарий, постоянно обращались к Рафсанджани за советом [Хашеми Рафсанджани 2006, с. 236]. Он также помогал Фонду Нахджуль-Балага и исламской организации «Фаджр» [Хашеми Рафсанджани 2006, с. 333, 390]. Ассамблея борющегося духовенства консультировалась с Рафсанджани по поводу основания духовной семинарии в Тегеране [Хашеми Рафсанджани 2006, с. 69].

Как говорилось ранее, Хашеми Рафсанджани был одним из основателей и лидеров Партии Исламской республики. Обычно партии занимаются строго политической деятельностью, но деятельность данной партии носила политико-религиозный характер. Он активно занимался ее развитием и продвижением [Хашеми Рафсанджани 2006, с. 303–305]. Партия Исламской республики полностью поддерживала Хомейни. По словам Рафсанджани, политика партии основывается на идеях Верховного лидера [Хашеми Рафсанджани 2006, с. 382]. Рафсанджани также принял непосредственное участие в составлении программы партии [Хашеми Рафсанджани 2006, с. 307]. Высший совет культурной революции консультировался у Рафсанджани при составлении религиозного учебника для университета. Результатом их сотрудничества стало основание кафедры гуманитарных наук [Хашеми Рафсанджани 2006, с. 523].

После революции Рафсанджани управлял политикой главной телерадиокомпании Ирана. Рафсанджани самостоятельно знакомился со сценариями фильмов и сериалов, следил за составлением телевизионной программы и на основе всего этого принимал решения, в каком направлении будет двигаться организация. Он не мог допустить, чтобы выпускаемые передачи были неуместными или спровоцировали разногласия между суннитами и шиитами [Хашеми Рафсанджани 2006, с. 152–154].

На основе данной работы можно сделать вывод, что Хашеми Рафсанджани был самым влиятельным и активным политическим и религиозным деятелем за всю историю современного Ирана. Рафсанджани делал все возможное для формирования религиозной культуры среди иранцев и реализации идей Исламской революции. Остается спорным вопрос: достиг ли Рафсанджани уровня иджтихада, ведь он не получил звание аятоллы (высший титул ученого богослова). Нынешний Верховный лидер Ирана утверждает, что Рафсанджани достиг данного уровня еще в 1991 г., но вместо титула аятоллы он носил титул худжат оль-эслам – рангом ниже аятоллы. При этом достижение Рафсанджани иджтихада подтверждает и Сейед Мехди Табатабаи¹¹. Но несмотря на все это, Хашеми Рафсанджани, бесспорно, оставался до своей смерти одним из важнейших и влиятельнейших политико-религиозных деятелей страны¹².

Благодарности

Исследование выполнено в рамках программы «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2020 г. Название проекта – «Посредничество между реальным и потусторонним миром в религиозных практиках иранцев-шиитов».

Acknowledgement

Research is completed within the program “Project Scientific Collectives of RSUH/RGGU” in 2020. Name of the project: “Mediation between the real world and the underworld in religious practices of Iranian Shiites”.

¹¹ Многие не знают об иджтихаде Рафсанджани (اجتهد و فقاہت آیت اللہ ہاشمی) (رفسنجانی غافلند بسیاری از) / Агентство Моуджньюс [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/1AAp> (дата обращения 17 мая 2020).

¹² См.: Отличия званий худжат аль-ислам и аятолла / Почему Лидер революции дал Рафсанджани звание худжат оль-эслама? (چرا رهبر انقلاب به (هاشمی) لقب حجت الاسلام دادند؟ تفاوت لقب حجت الاسلام با آیت الله / چرا رهبر // Интернет-портал Восьмое дея. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.8deynews.com/174833/> / (дата обращения 17 мая 2020).

Литература

- Хашеми Рафсанджани 1997 – *Хашеми Рафсанджани А.А.* Эпоха борьбы. Т. 1. (Dourane mobareze: jelde avval). Тегеран: Просвещение, 1997. 815 с. (на перс. яз.)
- Хашеми Рафсанджани 2006 – *Хашеми Рафсанджани А.А.* Навстречу судьбе: Дневник и воспоминания Хашеми Рафсанджани 1984 г. (Be suye sarnevesht: karname va khaterate sal 1363) Тегеран: Просвещение революции, 2006. 688 с. (на перс. яз.)
- Хашеми Рафсанджани 2012 – *Хашеми Рафсанджани А.А.* Восстановление и со-зидание: Дневник и воспоминания Хашеми Рафсанджани 1989 г. (Bazsazi va sazandegi: karname va khaterate sal 1368) Тегеран: Просвещение революции, 2012 г. 785 с. (на перс. яз.)

References

- Hashemi Rafsanjani, A.A. (1997), *Era of struggle*, Vol. 1 (Dourane mobareze: jelde avval), Prosveshchenie, Tehran, Iran. (In Persian/Farsi)
- Hashemi Rafsanjani, A.A. (2006), *Towards the destin.: Diary and memories of Hashemi-Rafsanjani 1984* (Be suye sarnevesht: karname va khaterate sal 1363), Prosveshchenie, Revolutsii, Tehran, Iran. (In Persian/Farsi)
- Hashemi Rafsanjani, A.A. (2012), *Reconstruction and creation. Diary and memories of Hashemi-Rafsanjani 1989* (Bazsazi va sazandegi: karname va khaterate sal 1368), Prosveshchenie, Revolutsii, Tehran, Iran. (In Persian/Farsi)

Информация об авторе

Владимир О. Кокликов, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38; azzuro@list.ru

Information about the author

Vladimir O. Koklikov, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bld. 38, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119034; azzuro@list.ru

Вопрос о женском иджтихаде и религиозном наставничестве в религиозных практиках иранцев-шиитов

Лана М. Раванди-Фадаи

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ravandifadai@yahoo.com*

Аннотация. В работе рассмотрен вопрос женского религиозного наставничества в современном Иране. Показано, что иранские богословы по-разному смотрели на возможность женщины быть религиозным наставником (*марджа*): многие из них это поддерживали, некоторые с этим соглашались в случае если она будет руководить только женщинами, однако многие, в частности аятолла Хомейни, выступали против этого. Приведена краткая биография двух наиболее известных женщин-*марджа*: Несрат Амин и Захра Сефати. Обе они получили разрешение на толкование исламских текстов от выдающихся иранских аятолл. Им благодаря своей инициативности и стремлению к знаниям удалось добиться больших успехов в шиитском богословии, и их труды были высоко оценены иранскими богословами. Очевидно, что их деятельность была тесно связана с важными событиями, происходившими в иранском обществе при их жизни: Конституционной революцией, антирелигиозным режимом шаха и Исламской революцией. В настоящее время в связи с ростом образования и социальной активности женщин возникла потребность официально разрешить женщинам становиться *марджа*. На сегодняшний день в Иране функционирует женский Совет по исламскому праву, что помогает расширять роль женщин в развитии мусульманского права.

Ключевые слова: Шиизм, марджа' ат-таклид, муджтахид, исламское право, Несрат Амин, Захра Сефати

Для цитирования: Раванди-Фадаи Л.М. Вопрос о женском иджтихаде и религиозном наставничестве в религиозных практиках иранцев-шиитов // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 218–229. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-218-229

Question On the Women Idjtitihad and religious mentorship in religious practices of Iranian Shiites

Lana M. Ravandi-Fadai

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ravandifadai@yahoo.com*

Аннотация. The article examines the question of the women religious mentorship in modern Iran. It is shown that Iranian theologians differed in their opinion whether a woman can be a religious mentor (marja): many of them supported it, others agreed to it only if she should mentor other women, and many others, including Ayatollah Khomeini, opposed it. Brief biographies of two most prominent female marjas are given: those of Nesrat Amin and Zahra Sefati. Both of them received a permission to interpret Islamic texts from distinguished Iranian ayatollahs. With their initiative and eagerness for knowledge, they managed to succeed in Shiite theology and their works were highly regarded by Iranian ayatollahs. It is evident that their activities were closely linked to important events that happened in Iranian society during their lifetime: the Constitutional Revolution, anti-religious Shah regime, Islamic Revolution. Currently due to increase in the education and social activity among women, a need arose to officially allow women to become marja. Today, in Iran there works the Women Council on Islamic Law, what allows to expand the role of women in development of Islamic Law.

Keywords: Shiite, marja at-taklid, mujitihad, Islamic Law, Nesrat Amin, Zahra Sefati

For citation: Ravandi-Fadai, L.M. (2020), "Question On the Women Idjtitihad and religious mentorship in religious practices of Iranian Shiites", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*. 2020, no. 4, pp. 218-229, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-218-229

Ввиду определенной структуры исламского общества на мужчин и женщин изначально возложены разные обязательства. Так, в отдельную тему можно выделить проблему фикха¹, заключающуюся в способности женщины стать марджа' ат-таклид² и обладании ею необходимыми качествами, способностями и возможностями для этого. Отдельно стоит подчеркнуть, что в традициях шиитского ислама не наблюдается различий между женщинами и

¹ Фикх – исламское право.

² Марджа' ат-таклид (араб. «образец для подражания») – шиитский религиозный авторитет, получивший всеобщее признание верующих, которые осуществляют по отношению к нему таклид (подражание).

мужчинами в вопросах вынесения иджтихада³. Рассматривая статус муджтахидов и решения, выносимые им, стоит также учитывать его компетентность ввиду того, что, становясь муджтахидом, человек получает право выносить решения по широкому кругу вопросов, а также давать советы и пояснения лицам, которые в силу отсутствия необходимого опыта еще не дошли до уровня муджтахидов. Тем не менее в научных исследованиях и исламской литературе, посвященных изучению *марджа' ат-таклид*, не поднимается вопрос о половой принадлежности муджтахидов и об отсутствии у женщин возможности получить этот статус. Некоторые шиитские богословы допускали возможность для женщин стать образцом для следования: шахид Наи в Послании об иджтихаде и таклиде, Сахб Джавахер, аятолла Сейед Мохсен Хахим, Мохакек Эсфахани, аятолла Сейед Мухаммад Саид Хахим, аятолла Сейед Садек Ширази, аятолла Сейед Мохаммад Багер Ширази, Мохаммад Мехди Шамс-од-Дин, Сейед Мохаммад Хосейн Фазлолла, Сейед Мортеза Хосейни Фирузабади, Сейед Али Хосейни Шаббар, Сейед Нур од-Дин Шариатмадар Джазаери, Сейед Мохаммад Мехди Хальхали, Мохаммад Эбрахим Дженнани. Аятолла Мутаххари придерживался мнения о том, что если женщина сведуща, то обращаться к ней как к *марджа'* можно⁴. Аятолла Джавади Амоли утверждал, что женщина может быть *марджа'* для женщин, но не может быть предводителем для всех мусульман, так как это физически сложнее и требует контактов со многими мусульманами [Джавади-Амоли 1999, с. 399–403]; он считал, что нет никаких препятствий для того, чтобы женщина была *марджа'* для других женщин⁵. Однако были среди представителей духовенства и те, кто выступал резко против присутствия женщин в институте *марджа' ат-таклид*, а именно Сейед Мухаммад Азими и аятолла Рухолла Хомейни. Сейед Мухаммад Язди говорил о том, что *марджа'* должен быть мужчиной, подобного мнения придерживался также и аятолла Боруджерди;

³ Иджтихад – изучение и толкование исламских источников права для решения богословско-правовых вопросов, осуществляемое богословом (муджтахидом).

⁴ Мутаххари М. Женщина и марджайат (زن و مرجعیت) [Электронный ресурс] // Сайт, посвященный богослову-мученику Муртазе Мутаххари. 9 апреля 2011 г. URL: <http://www.mortezamotahari.com/fa/ArticleView.html?ArticleID=79006> (дата обращения 20 ноября 2020).

⁵ Джавади-Амоли А. Нет причины для запрета женского марджайтата для других женщин (دلایلی بر منع مرجعیت زن برای زنان دیگر نیست) [Электронный ресурс] // Информационный портал «Ijtihadnet.ir». 13 декабря 2016. URL: <http://ijtihadnet.ir/> «دلایلی بر منع مرجعیت زن برای زنان دیگر نی» (дата обращения 20 мая 2020).

аятолла Монтазери утверждал, что следовать за женщиной неправильно [Раванди-Фадаи, Филин 2017, с. 172].

Принимая во внимание научное правило суждения об обоснованности, в соответствии с которым можно рассматривать положение, препятствующее тому, чтобы женщины получали статус *марджа' ат-таклид*, недостаточно обоснованным. В качестве достоверных доводов, приводимых за и против положения женщин в вопросе религиозного наставничества, можно назвать несколько аятов Корана, которые демонстрируют несоответствие женщин требованиям, предъявляемым к *марджа' ат-таклид* [Раванди-Фадаи 2015]. К доводам против присутствия женщин в ряду наставников можно отнести следующий: «Мужья – попочетители [своих] жен⁶», на который также существуют возражения со стороны богословов, утверждающих, что подобная формулировка недостаточна для того, чтобы считать утверждение о невозможности женского религиозного наставничества обоснованным. В другом аяте сказано: «Мужья выше их по достоинствам⁷», где невозможность женского *марджа' ат-таклида* обуславливается тем, что в таком случае женщины получают превосходство над мужчинами, что недопустимо в соответствии с Кораном. Интересен также еще один аят, указывающий на несколько особенностей женщин, а именно на превалирование у них эмоциональных черт над интеллектуальным развитием и на ограниченность в попытках аргументировать свою точку зрения: «[Неужели вы приписываете Аллаху] того, кто рос, заботясь лишь о нарядах, и кто не способен слова путного вымолвить в разговоре?⁸»

Отдельно стоит отметить, что только лишь обоснованных доводов нередко оказывается недостаточно для того, чтобы признать за женщинами право на религиозное наставничество. Весьма значительную роль играют заявления, сделанные признанными авторитетными богословами, которые зачастую создают еще больше препятствий на пути решения данного вопроса. Так, например, имам Хомейни в своих наставлениях, отвечая на вопрос о достижении иджтихада женщиной, ответил следующее: «Возможность для достижения степени иджтихада у женщины есть, но она не может стать *марджа' ат-таклидом* для других»⁹.

⁶ Коран / Пер. с араб. и коммент. М.-Н.О. Османова. М.: Ладомир, 1995. С. 57. IV, 34.

⁷ Коран. С. 30. II, 228.

⁸ Там же. С. 312. XLIII, 18.

⁹ Новые наставления имама Хомейни: постановления о таклиде и ритуальной чистоте (استفتائات جدید امام خمینی (ره): احکام تقلید، طهارت). Т. 1. Тегеран: Организация по систематизации и распространению произведений имама Хомейни, 2017. С. 54.

Возникновение проблемы женского религиозного наставничества логично, закономерно и оправданно. Повышение доступности образования и рост уровня образования у женщин в целом, а также укрепление социальных позиций женщин в самых различных областях и ряд других условий привели к тому, что вопрос о женском *марджа' ат-таклиде* уже не звучит столь неправдоподобно, как это было ранее, равно как и вопрос о достижении иджтихада. В настоящий момент требуется принятие решения, чтобы сделать *марджай-ат* возможным и доступным для женщин.

Иранский богослов и политический деятель Муртаза Муттахари отмечал: «У нас нет никаких доводов в пользу того, что вынесение фетв есть исключительное право мужчин, и, если женщина обладает всеми необходимыми условиями, то она равна мужчине и, как и мужчина, может быть *марджа' ат-таклидом*... Если она справедлива и обладает другими нужными качествами, то на основании доводов исламского права мы должны сказать, что брать ее в пример (в качестве образца) (не только) разрешено, но даже обязательно» [Мутаххари 2012, с. 46].

Одной из выдающихся женщин-муджтахидов была Несрат Амин, также известная как Хаджи Ханум Несрат Амин Бигум (1886–1983)¹⁰. Она отличалась глубокими познаниями в области хадисов и фикха, а также пользовалась авторитетом мистика и писала работы на тему этики и морали [Künkler, Fazaeli 2012, p. 132]. Свое религиозное образование Несрат Амин начала получать в коранической школе¹¹ (*мактабе*) в Исфahanе, где она изучала Коран и персидскую литературу. Следуя исламским традициям, Амин вышла замуж за своего двоюродного брата в возрасте пятнадцати лет и продолжила изучение исламских наук, в частности фикха (исламская юриспруденция), *усул аль-фикх* (принципы исламской юриспруденции), арабского языка, *хикмат* (философская мудрость), метафизики и философии¹². Ее учителем был аятолла Мир Саид

¹⁰ Большинство публикаций указывают в качестве года ее рождения 1890 или 1891 г., однако в ее биографии указан 1886 г. Традиция иранских семей – указывать даты рождения своих детей на внутренней стороне обложки семейного Корана. И, как правило, указывают дату по лунному календарю, который по истечении многих лет очень сложно перевести в солнечный или григорианский календарь.

¹¹ *Мактаб* (пер. с арабского языка) – мусульманская начальная (как правило) школа в странах Востока и Российской империи. Обычно открывались при мечетях. Преподавало в них мусульманское духовенство. Обучение включало в себя начальную грамотность и основы ислама.

¹² *Тудих-Зарих Р.* Взгляд на жизнь и творчество покойной госпожи Амин (نگاهی به زندگی و آثار مرحوم بانو امین) [Электронный ресурс] //

Али Наджафабади (1869–1943), который, согласно имеющимся сведениям, занимался с ней у нее дома¹³. Стоит также отметить, что даже после того, как Амин вышла замуж, именно ее отец, а не муж, продолжал выделять средства на ее религиозное образование.

В 1930-х гг. вышла в свет ее первая работа под названием «Аль-арбаин аль-хашимийа», получившая широкое признание, в особенности в Наджафе. Спустя некоторое время авторитетные улемы, проявившие интерес к познаниям Амин, занялись исследованием ее знаний в различных сферах исламских наук; позднее эти вопросы и ответы были опубликованы в книге «Джами аш-Шатат». Среди ее учителей и собеседников были такие выдающиеся богословы, как аятолла Мухаммад Табатабаи Язди (1832–1919), аятолла Ибрагим Хосейни Ширази Истахбанати (1880–1959), аятолла Абольхасан Эсфахани (1846–1943), аятолла Абдолькарим Куми, аятолла Мохаммад Казим Ширази (1873–1948) и Великий аятолла Абдолькарим Хайери-Язди (1859–1937), основатель семинарии Кума. Успешно освоив наиболее сложные темы и получив одобрение старших ученых, Несрат Амин была признана в качестве авторитетного муджтахида среди шиитских улемов [Künkler, Fazaeli 2012, p. 133].

В начале 1930-х гг. Амин получила разрешение на совершенные иджтихада и *ривайа* (передачи изречений пророка Мухаммеда) от аятоллы Мохаммада Казема Хосейни Ширази, Великого аятоллы Абдолькарима Хайери-Язди [Künkler, Fazaeli 2012, p. 134] и аятоллы Эбрахима Хосейни Ширази Эстехбанати¹⁴. Это означало, что она получила право на предоставление мужчинам *эджазе-йе иджтихад* (разрешение заниматься иджтихадом; прикрепляется к книге или к тексту и подтверждает, что автор глубоко изучил материал, заслужил одобрение *остада* (учителя) и компетентен в интерпретации источников), а также *эджазе-йе ривайа* (дается ученым-мусульманам, которые считаются искусными в передаче *ахбаров* (изречения пророка)). Сами *ахбары* должны исходить от одного из праведных имамов, чтобы обеспечить верность и последовательность дальнейшего их изложения [Makdisi 1981, pp. 140–148].

Информационная база данных «Hawzah.net». 9 сентября 2007 г. URL: <http://www.hawzah.net/fa/Magazine/View/3992/4015/22611> (дата обращения 20 ноября 2020).

¹³ Госпожа науки и благочестия (بانوی علم و تقوی) [Электронный ресурс] // Информационная база данных «Hawzah.net». 16 октября 2007 г. URL: <https://hawzah.net/fa/Magazine/View/3992/4584/33228/> (дата обращения 20 ноября 2020).

¹⁴ *Тудих-Зарих Р.* Указ. соч.

Алламе Мухаммад Таги Джафари (1924–1998) дал высокую оценку познаниям и роли Несрат Амин в ряду выдающихся шиитских ученых и богословов: «Прочитав работы этой госпожи, я могу сказать безо всякого сомнения, что она завоевала место среди величайших ученых-шиитов. Ее научные/академические методы не только полностью сопоставимы с работами других выдающихся ученых, но, учитывая, что она стала духовным авторитетом высокого уровня, она должна считаться одной из выдающихся ученых» [Künkler, Fazaeli 2012, p. 134].

Великий аятолла Хосейн Боруджерди (1875–1961) также высоко оценил роль Амин и по ее знаниям ставил ее на один уровень с ведущими учеными-шиитами своего времени [Künkler, Fazaeli 2012, p. 134]. Алламе Мухаммад Хусейн Табатабаи (1904–1981) и аятолла Муртаза Мутаххари (1920–1979) считались ее почитаемыми гостями, а аятолла Юсеф Санаи (1937 г. р.) оценил Амин как одну из самых опытных шиитских ученых XX в. [Mir-Hosseini 1999, p. 160]. Несмотря на то что образование и познания Несрат Амин получили широкое признание со стороны выдающихся шиитских богословов, открытым остается вопрос о достоверности этих оценок, поскольку оказывается трудно проследить и оценить то, насколько подробно они ознакомились с ее трудами [Künkler, Fazaeli 2012, p. 135].

В 1965 г. Несрат Амин основала исламскую школу для девушек «Дабирестан-е дохтаран-е Амин» в Исфахане, а также женскую подготовительную исламскую семинарию, которая называлась «Мактаб-е Фатеме». Это был первый подобный институт в Иране и, возможно, в шиитском мире [Künkler, Fazaeli 2012, p. 135]. В этой школе получали образование от 600 до 1000 студенток, обучаясь персидскому и арабскому языкам, фикху, *хикмат*, мистике, тафсиру (истолкования и комментарии исламских текстов), *усул ал-фикх*, философии, логике и английскому языку. Студентки посещали занятия в течение трех часов после обеда и могли достичь *мукаддима* (степень вводного образования шиитской семинарии) цикла *хоузе* (подробнее см.: [Fischer 2003, pp. 247–248; Mottahedeh 1999]).

Несмотря на блестящую научную карьеру, личная жизнь Амин сопровождалась большими потрясениями. Она потеряла семь из восьми детей, в основном из-за болезней, и пережила своего мужа почти на тридцать лет¹⁵. Спустя четыре года после Исламской революции 1979 г. в Иране она скончалась в возрасте девяносто семи

¹⁵ Информация из личного архива автора, взятая с сайта Международного новостного агентства Корана (URL: <http://www.iqna.ir>).

лет. Она была погребена на древнем кладбище Тахте Фулад в Исфахане, а ее могила до сих пор продолжает быть значимым местом паломничества для мусульман-шиитов.

Несрат Амин является автором большого количества работ в различных областях, включая теологию, мистику, этику, поэзию и пр.

Другая женщина-муджтахид, о которой хотелось бы упомянуть, была Захра Сефати. Несмотря на то что Несрат Амин является одной из самых влиятельных женщин – религиозных авторитетов современности среди шиитов, имя Захры Сефати также заняло почетное место в истории развития женского религиозного наставничества [Künkler, Fazaeli 2012]. Она также является одной из самых известных женщин-*марджа* в Исламской Республике Иран, и долгое время она была членом Культурно-общественного совета женщин, где возглавляла комитет по фикху и праву, и представителем Верховного совета по культурным реформам. Захра Сефати родилась в 1948 г. в иранском городе Абадан. Сефати воспитывалась в религиозной семье, которая поддерживала ее стремление к получению знаний и изучению Корана; уже в раннем возрасте, до того как пойти в школу, она изучила основы и принципы многих исламских наук. Она также освоила программу высшей школы прежде, чем стала посещать занятия в религиозной школе в 1966 г.

После того как она узнала об истории жизни и научных достижениях Несрат Амин, она заинтересовалась изучением исламских научных дисциплин. В Абадане она изучала исламское право, литературу и исламские науки. Она также обучалась в Мешхеде в период своего паломничества к священной гробнице имама Резы. В 1970 г. Сефати отправилась в Кум для продолжения своего образования в религиозной школе¹⁶.

Помимо общих проблем, с которыми сталкивались женщины, обучавшиеся в религиозной школе Кума, период обучения Сефати совпал по времени с антирелигиозной кампанией, проводившейся шахским режимом Пехлеви. Сефати принимала активное участие в противостоянии этому режиму. Она поддерживала постоянную связь с выдающимися исламскими мыслителями того времени, такими как аятолла Муртаза Мутахари, аятолла Бехешти и аятолла Коддуси.

Несколько знаменитых богословов анонимно поддержали идею о том, чтобы наделить Сефати степенью иджтихада; в их числе

¹⁶ *Abdi Z.* Exemplary Shia Women: Madam Zohreh Sefati [Электронный ресурс] // Islamic Insights. 10 марта 2008. URL: <http://www.islamicinsights.com/religion/exemplary-shia-women-madam-zohreh-sefati.html> (дата обращения 20 ноября 2020).

были такие выдающиеся *марджа' ат-таклиды*, как аятолла Али Яри Гарави Табризи, Сафи Гольпайегани, Фазель Ланкарани и Мохаммад Хасан Ахмади Факих. Позже она занялась преподаванием и стала источником вдохновения для многих женщин.

Стоит отметить, что и работы Захры Сефати, и труды Несрат Амин создавались под существенным давлением окружающей их социально-политической среды, которая нередко оказывала влияние на их точки зрения, несмотря на то что они стали свидетельницами разных эпох и различных реформ. Несрат Амин пережила Конституционную революцию в Иране 1906 г., когда ей было двадцать с лишним лет, в то время как Захра Сефати встретила Исламскую революцию 1979 г. в тридцать с лишним. Несрат Амин проходила свой путь становления и развития в качестве ученого-богослова в тот период, когда власть принимала меры по смещению религии на второй план, заменяя религиозные образовательные учреждения светскими государственными и основывая государственную судебную систему на месте религиозной. Захра Сефати же стала свидетельницей обратного процесса, когда в результате победы Исламской революции в 1979 г. вся правовая система была исламизирована, а образование вновь вернулось к религиозным основам [Раванди-Фадаи 2015, с. 99].

Отдельно стоит отметить тот факт, что обе женщины отличались удивительной инициативностью, которая позволила им добиться значимого успеха в сфере религиозного наставничества. В жизни обеих большую роль сыграли мужчины: Несрат Амин получала поддержку от своего отца, который, как уже говорилось выше, продолжал выделять средства на ее образование даже после того, как она вышла замуж; Захра Сефати была выдвинута мужчиной кандидатом в социально-культурный совет, в который ее в конечном итоге назначили. Это помогло ей укрепить свой авторитет и распространить свои взгляды и работы через средства массовой информации. Это уточнение важно, поскольку государство, со своей стороны, сыграло весьма незначительную роль в содействии продвижению двух женщин в области исламских наук, несмотря на то что оно имело огромное влияние в сферах религии и образования до и после Исламской революции. Ни Амин, ни Сефати не учились в государственных школах и не получили высшего образования, которое могло бы помочь им продвинуться вперед. Несрат Амин основала школу для девочек в 1960-х гг., что резко противоречило образовательной политике «белой революции» шаха, поскольку она выбрала иной путь развития, идя вразрез с принятыми образовательными стандартами. Захра Сефати была инструктором наивысшего уровня в *хоузе* (духовной семинарии), учрежденном в

1980-х гг. в Иране, однако позднее она покинула это место, осознав, что из религиозного центра оно превратилось в центр пропаганды. Вмешательство власти в оба периода скорее препятствовало успешному продвижению женщин. Именно поэтому Мириам Кюнклер и Ройя Фазаели в работе «Жизни двух муджтахидов: женский религиозный авторитет XX века» [Künkler, Fazaeli 2012] приходят к заключению, что обе женщины обязаны их достижениями прежде всего своей собственной инициативе, а не мужчинам и не государству. Одновременно с этим такой вывод довольно противоречив, так как не учитывается роль мужчин, которые часто выполняли определенную посредническую роль в их научной карьере.

В своем интервью испанской газете «Эль Паис» Сефати отмечает особую роль Бану Амин в исламе, называя ее знания в философии и понимании ислама выдающимися; ее рассуждения позволяют увидеть ее позицию относительно возможности для женщин обрести статус *марджа' ат-таклида*. На вопрос о том, могут ли женщины стать образцом для подражания (то есть *марджа' ат-таклид*), она отвечала, что, согласно разумному обоснованию, в случае затруднений нужно обращаться к знающему человеку и обязательно этот знающий – мужчина¹⁷. Стоит отдельно отметить, что Сефати склонна критиковать позицию улемов, считающих, что женщина не может стать образцом для подражания.

На сегодняшний день вопрос о том, имеет ли женщина право претендовать на то, чтобы получить статус *марджа' ат-таклида*, остается открытым, несмотря на то что такие значимые личности, как Несрат Амин и Захра Сефати, уже сумели доказать свою готовность к тому, чтобы стать религиозными наставниками для многочисленной шиитской общины¹⁸. Стоит указать на то, что шагом к большему вовлечению женщин в фикх является Совет фикха женщин, который планировалось учредить на протяжении восьми лет¹⁹ и который спустя долгое время начал свою работу с двух экспертных заседаний. Как заявлено в планах организа-

¹⁷ Sefaty Z. El islam no hace diferencias entre mujeres y hombres // El Pais. 12 июня 2006. № 10596. P. 4.

¹⁸ Интервью автора среди верующих и религиозных шиитов. Иран, 2014 г. (Из личного архива автора)

¹⁹ Через 8 лет: последовательная история деятельности женского шариатского совета в парламенте (پس از گذشت 8 سال: پیگیری تشکیل شورای فقهی زنان در مجلس) [Электронный ресурс] // Информационный портал «Ijtihadnet.ir». 13 декабря 2016. URL: <http://ijtihadnet.ir/NewsDetails.aspx?itemid=118> (дата обращения 17 декабря 2016).

ции²⁰, ее деятельность касается вопросов, связанных с положением женщин в исламском праве. Одним из полномочий совета является предоставление окончательных решений Совета фикха женщин Духовному лидеру Ирана для получения окончательного наставления [Раванди-Фадаи 2015, с. 109].

Благодарность

Исследование выполнено в рамках программы «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2020 г. Название проекта – «Посредничество между реальным и потусторонним миром в религиозных практиках иранцев-шиитов».

Acknowledgement

Research is completed within the program “Project Scientific Collectives of RSUH/RGGU” in 2020. Name of the project: “Mediation between the real world and the underworld in religious practices of Iranian Shiites”.

Литература

- Джавади-Амоли 1999 – *Джавади-Амоли А.* Женщина в зеркале величия и красоты (جمال زن در آيينه جلال و). Кум: Асра, 1999. 443 с.
- Мутаххари 2012 – *Мутаххари М.* Женщины и юридические и политические проблемы. Свидетельство [исламской веры], суждение, юридическое решение, политика. (مسائل قضایی و سیاسی (شهادت، قضاوت، افتاء، سیاست زن و)). Тегеран: Садра, 2012. 124 с.
- Раванди-Фадаи 2015 – *Раванди-Фадаи Л.М.* Женщина от муджтахиды до марджа' ат-таклид: может ли женщина стать образцом для подражания? // Институт религиозного наставничества в современном шиитском мире / Отв. ред. Н.А. Филин. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2015. С. 93–110.
- Раванди-Фадаи, Филин 2017 – *Раванди-Фадаи Л.М., Филин Н.А.* Прошлое и настоящее религиозного наставничества в шиитском исламе. М.: Изд. А.В. Воробьев, 2017. 240 с.
- Fischer 2003 – *Fischer M.J.* Iran: From Religious Dispute to Revolution. Madison: University of Wisconsin Press, 2003. 360 p.
- Künkler, Fazaeli 2012 – *Künkler M., Fazaeli R.* The Life of Two *Mujtahidahs*: Female Religious Authority in Twentieth-Century Iran // Bano M., Kalmbach H. Women, Leadership and Mosques: Changes in Contemporary Islamic Authority. Leiden: Brill, 2012. P. 127–160.

²⁰ Женский религиозный совет – умолкнувший совет *فقہی زنان؛ شورایی مسکوت* (امسکوت شورای) [Электронный ресурс] // Информационный портал «Ijtihadnet.ir». 30 ноября 2016. URL: <http://ijtihadnet.ir/> *شورایی مسکوت* (дата обращения 20 ноября 2020).

- Makdisi 1981 – *Makdisi G.* The Rise of Colleges. Institutions of Learning in Islam and the West. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1981. 377 p.
- Mir-Hosseini 1999 – *Mir-Hosseini Z.* Islam and Gender. The Religious Debate in Contemporary Iran. Princeton: Princeton University Press, 1999. 304 p.
- Mottahedeh 1999 – *Mottahedeh R. P.* Traditional Shi'ite Education in Qom // Rorty A. Philosophers on Education: Historical Perspectives. London and New York: Routledge, 1999. P. 451–457.

References

- Dzhavadi-Amoli, A. (1999), *Zhenshchina v zerkale velichiya i krasoty* [Woman in the mirror of greatness and beauty] (جمال زن در آئینه جلال و). Qom: Asra, 1999. 443 p.
- Fischer, M.J. (2003), *Iran: From Religious Dispute to Revolution*, University of Wisconsin Press, Madison, USA.
- Künkler, M. and Fazaeli, R. (2012), “The Life of Two Mujtahidahs: Female Religious Authority in Twentieth-Century Iran”, in Bano M., Kalmbach H. (eds.), *Women, Leadership and Mosques: Changes in Contemporary Islamic Authority*, Brill, Leiden, Netherlands, pp. 127–160.
- Makdisi, G. (1981), *The Rise of Colleges. Institutions of Learning in Islam and the West*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK, pp. 140–148.
- Mir-Hosseini, Z. (1999), *Islam and Gender. The Religious Debate in Contemporary Iran*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Mottahedeh, R.P. (1999), “Traditional Shi'ite Education in Qom”, in Rorty A. (ed.), *Philosophers on Education: Historical Perspectives*, Routledge, London; New York, UK, USA, pp. 451–457.
- Mutahhari, M. (2012), *Zhenshchiny i yuridicheskie i politicheskie problemy. Svidetel'stvo [islamskoi very], suzhdenie, yuridicheskoe reshenie, politika* (مسائل قضایی و سیاسی (شهادت، قضاوت، افتاء، سیاست زن و)). [Women and Legal and Political Issues. Evidence [of Islamic Faith]. Judgment, Legal Decision, Politics], Sadra, Tehran, Iran.
- Ravandi-Fadai, L.M. (2015), “Woman from mujtahid to marja' at-taklid: can a woman become a role model”, in Filin N.A. (ed.), *Institut religioznogo nastavnichestva v sovremennom shiitskom mire* [The Institute of Religious Guidance in the Modern Shia World], Centr strategicheskoi kon'yunktury, Moscow, Russia, pp. 93–110.
- Ravandi-Fadai, L.M. and Filin, N.A. (2017), *Proshloe i nastoyashchee religioznogo nastavnichestva v shiitskom islame* [Past and present of the religious guidance in the Shiite Islam], Izdatel' A.V. Vorob'ev, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Лана М. Раванди-Фадаи, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ravandifadai@yahoo.com

Information about the author

Lana M. Ravandi-Fadai, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; ravandifadai@yahoo.com

Легитимация власти
Верховного лидера (рахбара) Ирана
согласно интерпретации основных иранских
политических и религиозных деятелей

Никита А. Филин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, n.filin@rggu.ru*

Аннотация. Политический режим в Иране базируется на единстве исламских и республиканских принципов. Религиозная элита монополю осуществляет власть в стране, контролируя светские выборные институты. В этой связи очень большую важность приобретает легитимация Верховного лидера, обладающего всей полнотой власти в стране. Лидеры США и иранская зарубежная оппозиция постоянно критикуют исламский режим, обвиняя его в массовых репрессиях против оппозиции и неспособности успешно управлять страной. Верховный лидер же доказывает необходимость своей власти тем, что режим, созданный в Иране, – лучший из возможных в мире, поскольку более всего соответствует исламскому учению, представляет собой истинную демократию в отличие от режимов на Западе и способен обеспечить основные потребности народа Ирана. Он убежден, что в случае если в Иране под давлением Запада будет установлен светский режим, то власть потеряет свою исламскую сущность, что негативно отразится на развитии Ирана и поставит его в подчинение западных элит. Эту его позицию поддерживают и люди, занимающие высшие светские и духовные должности в стране.

Ключевые слова: Верховный лидер, политический режим, Иран, легитимность, народ

Для цитирования: Филин Н.А. Легитимация власти Верховного лидера (рахбара) Ирана согласно интерпретации основных иранских политических и религиозных деятелей // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 230–238. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-230-238

Legitimation of the power of the Supreme Leader (rahbar) of Iran according to the interpretation of the major Iranian political and religious figures

Nikita A. Filin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, n.filin@rggu.ru

Abstract. The political regime in Iran is based on the unity of Islamic and republican principles. The religious elite exercise the monopoly power in the country, controlling the secular elective institutions. In this regard, the legitimation of the Supreme Leader, who has all the power in the country, is very important. US leaders and Iranian foreign opposition consistently criticize the Islamic regime, accusing it of massive repression of the opposition and of the inability to successfully rule the country. The Supreme Leader yet proves the necessity of his power by the statement that the regime created in Iran (being the best possible in the world, since it best corresponds to Islamic teachings) is a true democracy, unlike the regimes in the West, and can satisfy the essential needs of the Iranian people. He believes that if a secular regime is established in Iran under pressure from the West, the government will lose its Islamic essence, what will negatively affect the development of Iran and put it under the control of Western elites. Such a position of him is also supported by the people holding the highest secular and clerical offices in the country.

Keywords: Supreme Leader, political regime, Iran, legitimacy, people

For citation: Filin, N.A. (2020), "Legitimation of the power of the Supreme Leader (rahbar) of Iran according to the interpretation of the major Iranian political and religious figures", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 230-238, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-230-238

Режим, установившийся в Иране с 1979 г., основывает свою легитимность на шиитском принципе *вейлайат-э факих*, означающем в буквальном переводе «правление шиитского богослова». Этот принцип означает, что Ираном имеют право управлять только компетентные представители шиитского духовенства. Согласно Конституции Ирана, Верховный лидер обладает очень широким кругом полномочий: контроль над тремя ветвями власти в стране, командование армией, определение основных направлений внутренней и внешней политики и многие другие. Полновластное правление Верховного лидера автоматически означает невозможность прийти к власти в стране представителям секулярных партий и движений, выступающих за отделение религии от государства, что дополнительно закреплено законом о партиях, согласно которому в стране

запрещено создавать партии, выступающие за светский характер государства, а все партии и движения, желающие действовать легально, обязаны безоговорочно признавать принцип *велайат-э факих* и подчиняться власти Верховного лидера [Филин 2012]. Поэтому правящий в Иране режим можно определить как шиитскую теократию.

Как известно, в настоящее время страны Запада и особенно США в лице администрации Д. Трампа – непримиримого врага исламского режима – постоянно предъявляют претензии к иранской власти, обвиняя ее в массовом нарушении прав человека, «40-летней тирании» и узурпации воли народа, фактически говоря о ее нелегитимности, коррумпированности и неспособности адекватно управлять страной и обеспечивать необходимое развитие иранского общества¹. В этой связи прежде всего представляют интерес мнение самого Верховного лидера (рахбара) о существующем в Иране исламском режиме, а также его ответы на постоянно звучащую критику со стороны западного мира и прозападной (зарубежной) иранской оппозиции.

Через год после занятия должности рахбара, 11 июля 1990 г., Хаменеи произнес в присутствии высших руководителей Ирана речь, посвященную исламскому правлению. Он, в частности, отметил, что тема власти является чрезвычайно важной для исламской религии. По исламу, управление обществом должно осуществляться в соответствии с божественными заповедями. Идеалом исламского правления является принцип *велайат-э факих*. Хаменеи при этом предостерег от использования западного опыта, заключающегося в разделении светского и духовного начал в обществе, назвав его ошибочным. По его мнению, если взять на вооружение западный образец устройства общества, то тогда из него уйдет исламская сущность. Кроме того, рахбар подчеркнул, что управляющие Ираном люди должны быть справедливыми и благочестивыми и тогда они не будут совершать серьезных ошибок при принятии решений, а иначе общество не сможет успешно развиваться. Также в исламском режиме власть должна слушать народ, чтобы ее интересы совпадали с интересами общества, а идеальный глава государства – «защитник, друг и брат» народа. В то время как, по мнению Хаменеи, в западных государствах и в Иране при правлении династии Пехлеви интересы правящей верхушки совершенно не соответствовали интересам и желаниям основной массы общества.

¹ Pompeo calls Iran religious leaders 'hypocritical holy men' [Электронный ресурс]. AP. July 23, 2018. URL: <https://apnews.com/article/31dcc5a0564c41d8804e1183d6d15789> (дата обращения 28 сентября 2020).

Хотя в иранском обществе еще остаются определенные проблемы, но главная проблема – проблема власти – успешно решена в соответствии с божественными заповедями².

Спустя 5 лет, 11 сентября 1995 г., Хаменеи произнес речь в присутствии пятничных имамов, которая также касалась темы исламского правления. Он указал, что враги Ирана и режима прежде всего хотят, чтобы люди поверили в необходимость отделения религии от государства. До Исламской революции эта ошибочная, по его убеждению, точка зрения была так широко распространена в обществе, что даже богословы избегали участия в политике, что отвечало интересам правящей верхушки. Однако ценой больших усилий новая власть доказала народу, что религия должна определять политику, и вот теперь снова враждебные силы пытаются убедить население в необходимости светского государства. Верховный лидер заявил, что если духовенство отойдет от руководства государством, то его место сразу же займут разбойники и слуги иностранных держав, которые будут угнетать народ, как это было в прошлом. Касаясь принципа *вেলাят-э факих*, против которого также ополчились враги Ирана, Хаменеи продолжал, что если внять доказательствам разума, которые можно получить путем аккуратного анализа, то становится очевидным, что во всем мире не может быть лучшей системы управления, чем *вেলাят-е факих*. Только этот принцип может удовлетворить потребности народа и обеспечить справедливость и благополучие³.

8 сентября 2011 г. при беседе с членами Совета экспертов Хаменеи заявил, что имам Хомейни первым создал политический режим, аккумулирующий в себя два важных элемента шиитского права: религиозную демократию и *вেলাят-э факих*. Верховный лидер также подверг критике утверждения врагов Ирана, что *вেলাят-э факих* подразумевает деспотию, поскольку если богослов справедлив, то он просто неспособен быть деспотом, а если он тиран и поступает только по своим прихотям, то это означает, что он

² Хаменеи А. Беседа на собрании ответственных руководителей исламской республики, приуроченная к празднику Гадир (مناسبت عيد سعيد غدیر) (سخنرانی در دیدار با مسئولان کارگزاران نظام جمهوری اسلامی ایران به 11.07.1990 Хадис-е веляят. Тегеран: Электронный центр изучения исламской науки, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://farsi.khamenei.ir/audio-content?id=23050> (дата обращения 28 сентября 2020).

³ Хаменеи А. Выступление в начале собрания пятничных имамов со всего Ирана (بیانات در آغاز گردهمایی ائمه جمعه سراسر کشور). 11.09.1995 Хадис-е веляят. Тегеран: Электронный центр изучения исламской науки, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://farsi.khamenei.ir/tag-content?id=4236> (дата обращения 28 сентября 2020).

несправедлив. Деспотии при исламском правлении быть не может, потому что правитель подчиняется исламским заповедям и не имеет права отказать от них⁴.

Говоря об отделении религии от государства, Верховный лидер в 2004 г. заявил, что этот принцип противоречит прямой воле Бога, а значит, весьма опасен для общественного развития. Иллюстрируя его негативное влияние на примере Запада, Хаменеи утверждает, что Запад, двигаясь по пути научно-технического прогресса, отделил религию от государства и науку от духовности, что довело его до морального падения, и в результате в мире произошли две мировые войны и миллионы людей пострадали от колониализма, а кроме того, народы Ирака и Афганистана в начале 2000-х гг. пережили преступления со стороны западных военных, которые лицемерно совершались под предлогом их просвещения и демократизации. Поэтому, по его словам, Запад, который так яростно критикует исламский режим, сам страдает от очень многих тяжелых проблем, сосредоточенных прежде всего в моральной сфере⁵.

Таким образом, Верховный лидер Ирана остался верен принципам исламского правления и концепции *велайат-э факих*, продолжая при этом традиции, заложенные основателем Исламской республики аятоллой Хомейни. Основными принципами, с помощью которых он легитимирует свою власть, являются: соответствие исламского правления воле Бога; желание верующего населения сохранять и поддерживать исламский режим; нахождение во главе страны компетентного и праведного богослова, который стремится обеспечить справедливость во всех слоях населения; беспрекословное следование идеологии имама Хомейни; борьба против врагов страны и исламского режима, которая помогает сплачивать население вокруг Верховного лидера.

Необходимо отметить, что и представители верховной власти в Исламской республике также постоянно подчеркивают необходимость полного подчинения принципу *велайат-э факих* со стороны народа. В частности, политический эксперт КСИР (элитное

⁴ Хаменеи А. Выступление при встрече с представителями Совета экспертов (بیانات در دیدار اعضای مجلس خبرگان رهبری). 08.09.2011. Хадис-е велаят. Тегеран: Электронный центр изучения исламской науки, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=32334> (дата обращения 29 сентября 2020).

⁵ Хаменеи А. Выступление на мероприятии, посвященном 15-летию смерти имама Хомейни (رحمه الله) (بیانات در مراسم پانزدهمین سالگرد رحلت امام خمینی). Сайт по собранию и популяризации произведений великого аятоллы Хаменеи. 3 июня 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=3233> (дата обращения 29 сентября 2020).

подразделение Вооруженных сил Ирана) Абутораб Катеби подчеркнул, что во время сокрытия абсолютно необходимо полное подчинение правящему богослову⁶. Глава Координационного совета по исламской пропаганде в остане Западный Азербайджан Абдоррахим Нейсари назвал государственный строй Ирана священным и уникальным, поскольку установлен в полном соответствии с нормами ислама и тем самым может считаться единственным примером божественного правления на свете⁷. Великий аятолла Хосейн Нури Хамедани сказал, что существующий в Иране режим – лучший из возможных, потому что соответствует воле непогрешимых имамов, которые в период сокрытия передали власть над исламской общиной богослову, обладающему необходимым знанием и моральными качествами, и рахбар Али Хаменеи, к счастью, обладает ими. Он также заявил, что двумя столпами режима являются *велайат-э факих* и конституция, а подчинение рахбару в период сокрытия эквивалентно подчинению самому имаму Махди и поэтому является обязательным для всех граждан⁸.

Говоря о вопросе легитимации Верховного лидера, можно констатировать, что существуют три группы шиитских духовных авторитетов: одна из них считает, что лидер страны имеет только божественную легитимацию (аятолла Мохаммад Йазди), вторая убеждена, что божественная легитимация является важнейшей, однако важно также и решение народа, который косвенно избирает рахбара путем участия выборов в Совет экспертов (куда входят Али Хаменеи, аятоллы Абдаллах Джавади-Амоли, Месбах Йазди, и сам основатель Исламской республики Рухолла Хомейни), и третья, придающая одинаковое значение божественной и народной легитимации рахбара (аятолла Мешкини). К последней группе был близок и аятолла Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани. Он до своей

⁶ [Катеби А.] Во время сокрытия абсолютно необходимо полное подчинение правящему богослову (اطاعت بی چون و چرا از ولایت فقیه واجب عینی است) (در دوران غیبت) ИРНА. 1 мая 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irna.ir/fa/News/2000333938> (дата обращения 8 мая 2018).

⁷ [Нейсари А.Р.] Священный режим Исламской Республики Иран является единственным божественным правлением на свете (حکومت الهی در جهان است) (نظام مقدس جمهوری اسلامی ایران تنها) Информационное агентство Исламской Республики (ИРНА). 28 марта 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irna.ir/fa/News/81101448> (дата обращения 28 сентября 2020).

⁸ Подчинение рахбару – обязанность исламской общины, эквивалентная послушанию безгрешному имаму (امام معصوم(ع) وظیفه امت اسلامی است) (حمایت از ولایت فقیه همانند اطاعت از امام شیوات کوما). Иранское новостное агентство Корана шиитов Кума. 10 января 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://qom.iqna.ir/fa/news/1871113/> (дата обращения 29 сентября 2020).

смерти в 2017 г. был одним из влиятельнейших политических деятелей Ирана, возглавляя Совет по определению целесообразности принимаемых решений, и часто отличался оппозиционными правящему консервативному духовенству высказываниями. В частности, что касается легитимации Верховного лидера, Хашеми-Рафсанджани летом 2009 г., во время массовых демонстраций против результатов президентских выборов, предположил, что народ может ошибиться в выборе достойнейшего кандидата, выбрав через Совет экспертов не самого достойного, и поэтому основная легитимность рахбара и исламского режима идет именно от народа⁹. Следует также отметить президента Ирана в 1997–2005 гг. Мохаммада Хатами, относящегося к лагерю реформаторов, который также поддержал одинаковую важность легитимации Верховного лидера от Бога и от народа и заявил, что в исламском правлении соединены воля Бога и голос народа¹⁰. Другой президент, Махмуд Ахмадинежад (2005–2012 гг.), хоть и подчеркивал в начале своего правления (2007 г.) особую важность принципа *велайат-э факих*, называя его ключом к успехам и победам Ирана¹¹, к концу мандата (2011 г.) заявил, что в исламском режиме неразрывно связаны Верховный лидер, направляющий и руководящий страной, и народ, исполняющий его указания и выдвигающий свои требования. Оба они поддерживают друг друга, а связующим элементом между ними является любовь¹². Действующий президент Ирана Хасан Роухани делает еще больший акцент на народной легитимации ис-

⁹ [Хашеми-Рафсанджани А.А.] Повествование Хашеми Рафсанджани про последние дни Хомейни (روایت هاشمی رفسنجانی از آخرین روزهای حیات امام) Парсине. 7 июня 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parsine.com/pages/?cid=8166> (дата обращения 8 мая 2018).

¹⁰ Хатами М. Мы не сможем добиться развития экономики без политического совершенствования. Критика и несогласие не только дозволены, но и нужны (انتقاد، اشکال، ایراد و اعتراض نه تنها اشکال ندارد بلکه لازم است محمدخاتمی: بدون رشد سیاسی به توسعه اقتصادی نمی‌رسیم) Информационное агентство иранских студентов (ИСНА). 22 июля 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.isna.ir/news/8404-12772/> (дата обращения 29 сентября 2020).

¹¹ [Ахмадинежад М.] Рассмотрение выступлений Ахмадинежада о правлении богослова (بازخوانی گفتار احمدی‌نژاد در باره ولایت فقیه) Mashreghnews. 24 апреля 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mashreghnews.ir/news/41884> (дата обращения 8 мая 2018).

¹² [Ахмадинежад М.] Чем отличается вчерашнее выступление Ахмадинежада о правлении богослова от его речей, произнесенных две недели назад (مقایسه سخنان دیشب احمدی نژاد درباره ولایت فقیه با حرف های دو هفته قبل او) Асп Иран. 16 мая 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asriran.com/fa/news/165792/> (дата обращения 29 сентября 2020).

ламского строя. Так, после победы на выборах в 2013 г. он говорил, что есть лишь немного вещей, которые могли бы послужить заменой для избирательных урн и выборов, чтобы обеспечить политическую и юридическую легитимацию режима¹³. 14 июня 2017 г., одержав очередную победу на президентских выборах, он заявил, что имам Али признал именно выбор народа и точку зрения народа важнейшим столпом исламского правления¹⁴. Даже лидер Зеленого движения, выступавшего против официальных результатов выборов 2019 г., Мир-Хосейн Мусави заявлял, что полностью признает *велайат-э факих* как одну из основ исламского режима, однако не может смириться с тем, что он движется в сторону диктатуры¹⁵.

Политические деятели и публицисты – противники режима иногда очень жестко критикуют ситуацию в стране. Так, например, публицист Сирус Кефаи заявил, что Хомейни не выполнил ни одного обещания по политической либерализации, а законы исламского режима назвал ограниченными, недемократичными, деспотическими и реакционными¹⁶. Нима Рашедан, оппозиционный деятель, проживающий на Западе, называет исламский режим абсолютно неэффективным, а Хаменеи обвиняет в грубом подавлении законного, по его мнению, протестного движения 2009 г. и в полном нежелании слушать оппозицию, поскольку рахбар, по словам Рашедана, воспринимает протесты Зеленого движения как направленные непосредственно против его личности и всюду видит заговоры против себя и исламского режима¹⁷.

¹³ [Роухани Х.] Роухани: Будущее правительство ничего не обещало никаким политическим партиям и группам (جناب و حزبی تعهدی ندادہ است) Персидская служба BBC. 29 июня 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/persian/iran/2013/06/130629_151_rouhani_speech_ir92 (дата обращения 29 сентября 2020).

¹⁴ [Роухани Х.] Легитимность в руках Бога. На чем основывается режим – на народном мнении или божественном повелении? (نظر مردم یا امر خداوند؟) Мехр. 19 июня 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mehrnews.com/news/4009019/> (дата обращения 8 мая 2018).

¹⁵ [Мусави М.] Второе выступление Мир-Хосейна Мусави о выборах (بیانیه دوم میرحسین موسوی در مورد انتخابات) Иранская дипломатия. 15 июня 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://irdiplomacy.ir/fa/news/4933/> (дата обращения 29 сентября 2020).

¹⁶ Кефаи С. Сравнительный анализ протестных выступлений 1978–79 и 2009 гг. (88 و 57 مقایسه جنبش سال). Хийабан. 7 июля 2009. № 17. С. 3.

¹⁷ Джамали Р. Интервью с Нима Рашеданом, политическим аналитиком. Продолжение иранского политического кризиса и политическая психология рахбара (ادامه بحران سیاسی ایران و روانشناسی سیاسی رهبر). Радио Замане. 2 января 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: https://zamaaneh.com/analysis/2010/01/post_1304.html (дата обращения 29 сентября 2020).

Таким образом, Верховный лидер аргументирует свою власть, основываясь на догматах шиизма в понимании аятоллы Хомейни, а также аргументированно отвечает на критику западных государств. Высшие иранские чиновники также делают особый акцент на религиозной легитимации правления рахбара, но также упоминают и о народной легитимации. Все это способствует устойчивости политического режима в Иране перед внутренними и внешними вызовами.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках программы «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2020 г. Название проекта «Посредничество между реальным и потусторонним миром в религиозных практиках иранцев-шиитов».

Acknowledgement

Research is completed within the program “Project Scientific Collectives of RSUH/RGGU” in 2020. Name of the project: “Mediation between the real world and the underworld in religious practices of Iranian Shiites”.

Литература

Филин 2012 – *Филин Н.А.* Социально-историческое развитие Исламской республики Иран (1979–2008 гг.): Факторы устойчивости государственной власти. М.: РГГУ, 2012.

References

Filin, N.A. (2012), *Sotsial'no-istoricheskoe razvoitie Islamskoi respubliki Iran (1979–2008 gg.): Faktory ustoichivosti gosudarstvennoi vlasti* [Socio-historical development of the Islamic Republic of Iran (1979–2008). Factors of sustainability of the state power], RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Никита А. Филин, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; n.filin@rggu.ru

Information about the authors

Nikita A. Filin, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; n.filin@rggu.ru

In Memoriam

УДК 930.1

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-239-246

Памяти Николая Петровича Ерошкина (9.09.1920–30.01.1988)

Татьяна Г. Архипова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, archipova-iai@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе личных воспоминаний автор анализирует деятельность известного ученого и педагога, доктора исторических наук, профессора, более сорока лет работавшего в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета, – Ерошкина Николая Петровича. Анализируется его научно-методическая и преподавательская деятельность. Его научная деятельность позволила ему заслуженно считаться крупнейшим специалистом по истории российской государственности XIX – начала XX в. Его лекторское мастерство характеризовалось слушателями как одно из лучших в Историко-архивном институте. Он является автором учебника по истории государственных учреждений дореволюционной России, выдержавшего три прижизненных и два посмертных издания, не потерявшего свою актуальность до настоящего времени. Особое внимание уделяется его организаторским способностям, позволившим создать специализированную кафедру, ядром которой стала школа историков-государствоведов, известная не только в СССР, а затем в РФ, но и за рубежом. Она существует до сегодняшнего дня и состоит из его учеников и их учеников. Под его руководством были написаны сотни дипломных работ, защитили кандидатские диссертации около сорока его учеников, семь из которых стали докторами наук.

Ключевые слова: Н.П. Ерошкин, столетний юбилей, известный ученый, лектор, педагог, история государственных учреждений дореволюционной России, кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет

Для цитирования: Архипова Т.Г. Памяти Николая Петровича Ерошкина (9.09.1920–30.01.1988) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 239–246. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-239-246

© Архипова Т.Г., 2020

In memory of Nikolai Petrovich Eroshkin
(9.09.1920–30.01.1988)

Tatiana G. Arkhipova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, archipova-iai@mail.ru

Abstract. In the article, based on personal memories, the author analyzes the activities of a famous scientist and teacher, doctor of historical sciences, professor, who worked for more than forty years at the Institute of History and Archives of the Russian State Humanitarian University – Nikolai Petrovich Eroshkin. His scientific, methodological and teaching activities are analyzed. His academic career allowed him to be deservedly considered the largest specialist in the history of Russian statehood in the 19th – early 20th centuries. His lecturing skills were characterized by the audience as one of the best in the Institute of History and Archives. He is the author of a textbook on the history of state institutions in pre-revolutionary Russia, the study book that withstood three lifetime and two posthumous editions, and has not lost its relevance to this day. Particular attention is paid to his organizational skills, which made it possible to create a specialized department, the core of which was the school of scholars of the history of state known not only in the USSR, and later in the Russian Federation, but also abroad. It exists to this day and consists of his students and their students. Under his leadership, hundreds of theses were written, about forty of his students defended their Ph.D. theses, seven of whom became doctors of science.

Keywords: N.P. Eroshkin, centenary, famous scientist, lecturer, teacher, history of state institutions of pre-revolutionary Russia, department of history of state institutions and public organizations, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities

For citation: Arkhipova, T.G. (2020), “In memory of Nikolai Petrovich Eroshkin (09.09.1920–01.30.1988)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 239-246, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-239-246

9 сентября 2020 г. исполнилось сто лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института РГГУ и более тридцати лет, как он ушел из жизни. Молодому поколению это имя известно по его учебнику «История государственных учреждений дореволюционной России», выдержавшему пять изданий, два из которых вышли уже после его кончины. Учебник этот не утратил своего значения до сегодняшнего дня. Автор был сдержан в своих оценках происходившего, не злоупотреблял цитированием основоположников

марксизма-ленинизма (хотя куда уж в то время без них). Рассчитанный на студентов, обучающихся в то время архивному делу исключительно в МГИАИ, на специалистов-практиков, учебник был востребован также и теми, кто интересовался историей дореволюционных российских институтов, не говоря уже о профессиональных историках. Заслуга автора состояла не столько в том, что он сумел привлечь неопубликованные источники – многие из них для советского исследователя были просто закрыты, а в том, что он использовал, как говорил, «на полную катушку» дореволюционные издания, до которых руки советских цензоров (в силу их занятости современной им продукцией) не дошли. Особой привязанностью Ерошкина были мемуары. Он считал этот вид источников недооцененным. Мемуары давали ему возможность переноситься в эпоху описываемых событий, представить их предысторию – с последствиями, мол, я и сам разберусь. Принцип историзма он считал для историка аксиоматичным.

Старшее поколение историков помнит, что опубликовать работу в годы советской власти, если она не носила агитационно-пропагандистский характер, было делом сложным по многим причинам, но и тогда он публиковался весьма активно. Среди публикаций и учебники, и монографии, и статьи в научных журналах и энциклопедических изданиях. Подсчитать общее число опубликованных им работ не представляется возможным, так как в большинстве энциклопедических изданий обычно давался список авторов без указания их статей. Много времени отнимала редакционная деятельность. В свое время подробный историографический анализ опубликованных Н.П. Ерошкиным работ дал В.А. Муравьев [Муравьев 2006, с. 5–42]. Среди них нет ни заказных, ни проходных, ни поверхностных; они написаны со знанием всего спектра источников и литературы по теме. Он любил работать над научной работой основательно, не спеша и не лишая себя других радостей жизни: кандидатскую защитил в 32 года, докторскую – в 55 лет, но они, особенно вторая, были высоко оценены научной общественностью. Я горжусь, что присутствовала при этом триумфе. Не будучи излишне воодушевленным ожиданием перемен, к перестройке он отнесся положительно. Его обрадовала перспектива свободы слова, творческой свободы. Будучи по складу характера неторопливым во всем, он заспешил с реализацией научных планов, тем более что появились весьма заманчивые предложения. В эти годы где он только не выступал – в музеях, архивах, на публичных слушаниях! Особенно он дорожил предложением исторического архива в Ленинграде. Предложение касалось подготовки многотомного издания о высших государственных учреждениях дореволюционной

России. Он с восторгом делился планами своей работы, неоднократно ездил в Северную столицу.. Воспользоваться в полной мере предоставленной ему возможностью он не успел. Как он говорил, «настоящая профессура, как и деревья, умирают стоя». Первый том справочника был посвящен его памяти.

Однако все-таки не научную работу он считал главным в своей жизни. Он все-таки был научно-педагогическим работником, чем очень гордился. Делом своей жизни он считал становление дисциплины, у истоков формирования которой он оказался, придя в 1946 г. в Историко-архивный институт, придя, по существу, случайно. Он часто говорил, что сожалеет о том, что не оказался в нем раньше. Познакомившись с набором дисциплин учебного плана, методикой преподавания, духом, царившим в аудиториях на улице 25 Октября (так тогда называлась Никольская), он пришел к выводу, что только здесь можно получить лучшее историческое образование в СССР, а может, и в мире. Этого впечатления не портило наличие в учебном плане безразмерной по объему истории КПСС (по количеству отводимых ей часов с ней не могла сравниться ни одна дисциплина), марксистско-ленинской философии, исторического и диалектического материализма, других дисциплин этого цикла. Их наличие в том или ином объеме было обязательным во всех вузах страны, но так, как читались они в Историко-архивном институте, их не читали нигде. Причин этому было много: архивная составляющая образования, увлеченность преподавателей своим делом, их артистизм и открытость для вопросов слушателей, величайший кругозор, постепенно складывающаяся практика наличия у преподавателей научного задела в виде статей и учебников. Студенты, слушая лекции, не водили пальцем по страницам чужого учебника; лектор же отсылал их к своим работам.

Будучи еще студенткой, я наблюдала продолжение становления новой дисциплины, которое было очень непростым. Даже в стенах Историко-архивного института не все понимали ее назначение, не говоря об историках за их пределами [Стрекопытов, Сенин 2002]. Он сумел доказать не только слушателям, но и правоведам отличие читаемой в МГИАИ дисциплины от истории государства и права. При общем для них объекте изучения (это действительно так) предмет у них разный. Сделал это он весьма деликатно, выступая на конференциях, оппонентом диссертаций правового характера. Дело закончилось тем, что известные правоведа того времени выступили в печати с соответствующей статьей [Портнов, Славин 1986, с. 38–44]. Смирились с появлением этой дисциплины и историки. Он сумел превратить историю фондообразователей

российских архивов – чисто прикладную дисциплину – в историю политических институтов, что позволило ей переместиться в разряд фундаментальных. Ее изучение стало одним из направлений исторической науки. В этом, безусловно, состоит огромная заслуга Н.П. Ерошкина.

Тех, кто слушал лекции Ерошкина, знал его, работал с ним, а я отношусь к их числу, осталось немного, и редко, когда при встрече с ними разговор не заходит о нем. Сказать, что он был замечательным лектором, значит не сказать ничего. Я знала его до того, как услышала на лекторской кафедре в нынешней второй аудитории на Никольской [Архипова 2010]. Мой переход с заочного отделения на дневное несколько затянулся, я появилась на лекциях к концу сентября. Казавшаяся до его пары лекций просторной аудитория была забита полностью, я еле нашла место в последнем ряду. Очень боялась, что ничего не увижу и не услышу. Выяснилось, что смотреть не так уж и важно – вошел среднего роста немолодой (для меня тогдашней – ему было в это время всего 39 лет) мужчина с обычной внешностью. Блеснув очками, он оглядел аудиторию – воцарилась тишина, и он заговорил. Голос был необычным – что-то промежуточное между баритоном и басом, что уже завораживало. Но не это было главным. Главным было то, как он преподносил материал. Он был равнодушен к тому, о чем говорил, голос его звучал взволнованно. Постепенно слушатели начинали соучаствовать в лекции. Аудитория разве что не плакала с ним вместе, и то только потому, что он не плакал сам. Одновременно он преображался, становясь красавцем. История государственных учреждений – одна из самых точных специальных исторических дисциплин, изобилующая большим количеством фактов. В отсутствие эмоциональности лектора, его попыток педалировать те или иные факты, оттенить те или иные их стороны, объяснить их причины (иногда это бывает крайне сложно) лекция может превратиться в хронологическую таблицу. На его лекциях этого не было и в помине. Он прекрасно ориентировался не только в истории дореволюционных институтов, но и в калейдоскопе лиц, их возглавлявших. Он досконально знал биографии не только монархов (для историка дореволюционного периода это было проще простого) и министров (в конце концов, к столетнему юбилею образования министерств в России вышли исторические очерки о них и их руководителях), но и лиц так называемого второго эшелона с их слабостями и привязанностями. Как известно, без персонификации, без попыток объяснить тот или иной поступок участников событий история сложна для восприятия – есть риск превратить ее в беспорядочный набор событий. Как говорили в древности, все имеет начало и все имеет конец, все име-

ет причину, хоть и не всегда очевидную. Его эрудиция была всеохватной. На момент нашего знакомства с ним мне казалось, что он успел прочитать всю дореволюционную художественную и историческую литературу, хорошо знал и советскую художественную классику, и научную литературу.

Параллельно с заботой о новом направлении он занялся подготовкой собственных кадров. Он не жалел для этого ни времени, ни здоровья, которых ему было отпущено немного, и он это очень хорошо знал. Под его руководством защитили дипломные работы сотни выпускников, свыше сорока из них стали кандидатами исторических наук, семеро впоследствии стали докторами. Среди его учеников были те, кто пришел к нему сам; он не отталкивал их, но и обычно не задерживал при себе навсегда. Были ученики, которых он находил сам. Этих он при возможности оставлял при себе в разных качествах – коллег или друзей, иногда в качестве тех и других. Меня он, как репку из грядки, выдернул на втором курсе. Сравнение с репкой ему очень нравилось. После защиты дипломной работы он безапелляционно, строгим голосом попросил не очень усердствовать на новом поприще, так как при первой возможности пригласит меня в институт, и огорошил словами, что «мы обязательно будем работать вместе». Я отнеслась к этому несерьезно, но уже осенью этого же года он пригласил меня на условиях почасовой оплаты вести семинарские занятия у вечерников. Он настоял на том, чтобы я писала диссертацию, которая была продолжением дипломной работы. Если я на какое-то время пропадала из его поля зрения, он под разными предлогами звонил (то спросит, как дела с кандидатской, то поздравит с каким-то праздником, то предложит опубликоваться, то спросит, почему я его жене не звоню), а через несколько лет позвал в институт на постоянную работу. В те годы это считалось беспрецедентным везеньем. Я в этом не сомневаюсь и теперь; приблизительно год спустя защитила кандидатскую диссертацию.

Всему лучшему, чем я владею в профессии, я научилась у него – стараюсь подражать ему во всем: в научной работе, в чтении лекций, в общении с коллегами и учениками. Коллег он просто любил, как детей. С учениками был довольно строг. Он никогда не предлагал им конкретные темы для исследования, а пытался выявить их интерес. Если выявить не получалось, то он под разными предлогами расставался с претендентами на ученичество. Про таких он говорил: «Зачем он мне нужен, если глаз у него не горит? Историк без любопытства не историк. Ремесленники нужны в других местах». Он не навязывал плана работы, а только корректировал то, с чем его знакомил ученик, мог подсказать направ-

ления поиска источников и литературы, не более. Это теперь список источников и литературы требуется подобрать чуть ли не для дипломника. На замечания не скупился, зато почти не правил текст... Говорил: «Я руководитель, а не автор. Работайте». И как это только у него получалось, что под его руководством писались замечательные работы? Может быть, потому, что никогда не лишал учеников роскоши общения с ним. О чем говорили? Да обо всем – об истории, литературе, театре, кино, о Ницше... Последнего он обожал.

После защиты кандидатской диссертации, подготовив несколько учеников для преподавательской работы, он озаботился созданием кафедры. Это оказалось делом не менее сложным, чем формирование дисциплины. В МГИАИ осуществлялась подготовка по единственной специальности на двух факультетах – дневном и вечернем – и заочном отделении. Дисциплина делилась на два периода – дореволюционный и советский. Даже при довольно приличном объеме часов на нее большого коллектива не требовалось. Сложившаяся во главе с Ерошкиным группа кочевала с кафедры на кафедру. Он шутил, что она не входила в состав только двух кафедр – физического воспитания и гражданской обороны. К этому, наверное, стоит добавить кафедру иностранных языков. В апреле 1947 г. к ходатайству о создании новой кафедры подключился даже заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант В.С. Рясной, направивший министру высшего образования С.В. Кафтанову письмо, в котором наряду с другими предложениями была и такая рекомендация¹. Созданная в 1965 г. кафедра истории государственных учреждений просуществовала пять лет, после чего дважды ее коллектив входил в состав других кафедр. Стараниями Н.П. Ерошкина в 1975 г. она была воссоздана, получив название, в котором появились общественные организации. В этом тоже была заслуга Ерошкина, он сумел доказать необходимость их изучения и как фондообразователей, и как составляющей политической системы государства. Он был бессменным ее руководителем до ухода из жизни. Кафедра была одной из небольших – пять человек, небольшой она остается и теперь и состоит из учеников самого Николая Петровича и учеников его учеников. Она является своеобразным памятником своему основателю.

¹ ЦАГМ. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 382. Л. 5.

Литература

- Архипова 2010 – *Архипова Т.Г.* Николай Петрович Ерошкин: человек и ученый, определивший мою судьбу // Новый исторический вестник. 2010. № 2 (24). С. 110–123.
- Муравьев 2006 – *Муравьев В.А.* Николай Петрович Ерошкин и его труды по истории российского самодержавия // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М.: РГГУ, 2006. С. 5–42.
- Портнов, Славин 1986 – *Портнов В.П., Славин М.М.* О соотношении истории государства и права СССР и истории СССР // Советское государство и право. 1986. № 7. С. 38–44.
- Стрекопытов, Сенин 2002 – *Стрекопытов С.П., Сенин А.С.* Кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций: Краткий очерк организации и деятельности: 1952–2002. М.: РГГУ, 2002. 231 с.

References

- Arkhipova, T.G. (2010), “Nikolai Petrovich Eroshkin. A man and a scientist who determined my destiny”, *New Historical Bulletin*, no. 2 (24), pp. 110–123.
- Muravyov, V.A. (2006), “Nikolai Petrovich Eroshkin and his works on the history of the Russian autocracy” in *Eroshkin, N.P., Russian autocracy*, RGGU, Moscow, Russia, pp. 5–42.
- Portnov, V.P. and Slavin, M.M. (1986), “On the relationship between the history of the state and law of the USSR and the history of the USSR”, *Soviet State and Law*, no. 7, pp. 38–44.
- Strekokopytov, S.P. and Senin, A.S. (2002), *Kafedra istorii gosudarstvennykh uchrezhdenii i obshchestvennykh organizatsii: Kratkii ocherk organizatsii i deyatelnosti. 1952–2002* [Department of History of State Institutions and Public Organizations. A Brief Essay on the Organization and Activity. 1952–2002], RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Татьяна Г. Архипова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; archipova-iai@mail.ru

Information about the author

Tatiana G. Arkhipova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; archipova-iai@mail.ru

УДК 930(049.32)

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-247-255

«Опасная Россия». А опасная ли Россия?

Рец. на кн.: Афанасьев Ю.Н.

«Опасная Россия: традиции самовластия сегодня».

М.: РГГУ, 2001

Александр Р. Акрамов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, akramov.a@rggu.ru*

Аннотация. Статья представляет собой обращение к монографии Ю.Н. Афанасьева «Опасная Россия: традиции самовластия сегодня», которая получила разгромную критику как со стороны исторического, так и со стороны политологического сообщества. Однако обращение к работе спустя 20 лет после ее выхода позволяет отбросить ряд ограничительных факторов и взглянуть на данный текст по-новому, понять, какие смыслы автор монографии пытался донести до своего читателя.

В статье делается вывод о преобладающем эмоциональном характере работы Ю.Н. Афанасьева, основанный на историческом и биографическом контексте данной работы. Такой подход к анализу работы Ю.Н. Афанасьева ранее не был представлен в научной литературе, однако, не принимая во внимание личность самого автора, читатель может считать совершенно иные смыслы.

Также раскрывается альтернативный смысл данной работы, связанный с тем, что Ю.Н. Афанасьев воспринимал развитие современной для него России, как заикленное движение по кругу. В пользу данной точки зрения говорят комментарии Ю.Н. Афанасьева, а также сама структура монографии, представляющая собой теснейший симбиоз истории и политики России.

Ключевые слова: историография, Ю.Н. Афанасьев, опасная Россия, эмоциональный текст

Для цитирования: Акрамов А.Р. «Опасная Россия». А опасная ли Россия? Рец. на кн.: Афанасьев Ю.Н. «Опасная Россия: традиции самовластия сегодня». М.: РГГУ, 2001 // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 247–255. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-247-255

“Dangerous Russia”. Is Russia dangerous?

Rev.: Afanas'ev, Yu.N. (2001),
“Dangerous Russia. Traditions of autocracy today”,
RGGU, Moscow

Aleksandr R. Akramov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, akramov.a@rggu.ru

Abstract. The article is a reference to the monograph by Y.N. Afanasyev's “Dangerous Russia. The traditions of autocracy today”, which received devastating criticism from both the historical and the political science community. However, turning to the work 20 years after its release allows one to discard a number of limiting factors and look at the text in a new way, to understand what meanings the author of the monograph was trying to convey to his reader.

The article concludes that the predominant emotional nature of the work of Y.N. Afanasyev is based on the historical and biographical context of the work. Such approach to the analysis of the work of Yu.N. Afanas'ev was not previously presented in the scientific literature, however, without taking into account the personality of the author himself, the reader can consider completely different meanings.

The paper reveals a hidden meaning of the work related to the fact that Y.N. Afanasyev perceived the development of contemporary Russia as a looped movement in a circle. Such point of view is supported by the comments of Y.N. Afanasyev, as well as the structure of the monograph itself, which is the closest symbiosis of the history and politics of Russia.

Keywords: historiography, Yu.N. Afanas'ev, dangerous Russia, emotional text

For citation: Akramov, A.R. (2020), “‘Dangerous Russia’. Is Russia dangerous? Rev.: Afanas'ev, Yu.N. (2001), ‘Dangerous Russia. Traditions of autocracy today’”, RGGU, Moscow, Russia, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 247-255, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-247-255

Введение

Представленная статья-рецензия может показаться спорной и вызвать массу вопросов в научном сообществе. Странным может показаться обращение к монографии спустя 20 лет после ее написания и опубликования. Анализ и рецензия на данную работу будут представляться спорными, если не учитывать по крайней мере несколько факторов.

Первый фактор связан с тем, что рецензент в виде автора не является непосредственным участником событий, описанных в книге, он стоит за рамками воздействия данной информации. Такой взгляд на разбираемый труд позволит максимально сильно абстрагироваться от позиции автора и взглянуть на него в новом свете. Монография Ю.Н. Афанасьева не раз становилась объектом исследовательского интереса, однако зачастую эти реакции были вложены в полотно происходящих в России политических событий.

Второй фактор связан с тем, что по прошествии времени и событий, произошедших на столь длительной дистанции, стало возможным уловить те скрытые смыслы, которые Ю.Н. Афанасьев пытался до нас донести.

Каким был Юрий Николаевич Афанасьев?

Прежде чем приступить к рассмотрению текста монографии, избранной для рецензирования, необходимо понять, каким был Ю.Н. Афанасьев, что влияло на его отношение к науке, что влияло на его политические предпочтения и какими они были на момент написания монографии. Биография Юрия Николаевича может показаться достаточно противоречивой с точки зрения формирования его политических и идеологических взглядов, однако, по моему мнению, его представления формировались достаточно линейно. При обращении к интервью с автором отчетливо читается нарастающее чувство несправедливости, которое с годами возымело свойство только увеличиваться¹. Это чувство начало зарождаться в университетские годы: «Я закончил истфак МГУ, всегда был отличником, всего два “хор.” в зачетке за пять лет, а три года из них был сталинским стипендиатом. И, тем не менее, расставался с истфаком со сплошными вопросами без ответов на них по всему курсу истории СССР»². Такое самоощущение преследовало Ю.Н. Афанасьева и после университета, когда он занимался комсомольской работой. Тогда он занимался организацией, устройством труда и быта молодежи, а также организацией ее обучения и досуга. Эти годы также стали для автора знаковыми, так как именно в этот период своего бытования к Ю.Н. Афанасьеву

¹ «Советский социум был к 1985 году расчеловечен и раскультурен»: Историк и один из лидеров перестройки Юрий Афанасьев о том, как дополитическая культура России отразилась на реформах [авт. интервью А. Сочнев] [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/06/03/afanasiev/> (дата обращения 12 октября 2020).

² Там же.

приходит осознание того, что государственная машина ставит во главу угла не человека, его желания и потребности, а собственные, не всегда понятные интересы:

В частности, там мне, как позднее Андрею Макаревичу, казалось и хотелось бы, чтобы мир прогибался под нас, а на самом деле он прогибал нас под себя жестоко, безжалостно и надолго. Нам всем казалось, что мы покоряем Сибирь, Енисей, а, как стало ясно теперь, они нас покорили этими стройками с их навсегда изуродованной природой, с чиновной совковой показухой – как с аварией на Саяно-Шушенской ГЭС, – с их бездушным отношением к молодежи, как к расхожим, дармовым трудовым ресурсам³.

Также одним из факторов влияния на мировоззрение и мироощущение Ю.Н. Афанасьева является, безусловно, сфера его научных интересов. История исторической науки, и, в частности, история французской исторической науки, занимали ум Юрия Николаевича на профессиональном уровне. Его кандидатская и докторская диссертации, написанные на данную тематику, являются тому подтверждением. Как он сам отмечает, интерес к истории французской исторической науки привел его к ряду новых знакомств и общению с именитыми французскими исследователями. Все это стало возможно в рамках нескольких зарубежных стажировок. Взгляд и оценка развития науки в целом, и, в частности, исторической науки во Франции, позволили ему иметь возможность сравнивать состояние отечественной и зарубежной науки. И тут, по мнению Юрия Николаевича, очевидным является суждение о том, что советская историческая наука представляет собой набор фальсификаций, разрушению которого в том числе и посвятит свою жизнь Ю.Н. Афанасьев.

О борьбе Юрия Николаевича написана не одна научная работа, с ним снято не одно интервью, этой теме посвящен ряд документальных фильмов. Почему же именно его борьбе общество уделяет столько внимания, ведь были и другие политические, научные деятели, которые были не согласны с режимом во всех его проявлениях? По моему мнению, это обусловлено тем, что цель борьбы для Ю.Н. Афанасьева была «священна», в том смысле, что для ее достижения он был готов пожертвовать многим, в том числе поставить на кон собственное благополучие. Ярким примером такого отношения к борьбе против фальсификации исторической науки является публикация статьи «Прошлое и мы» в журнале «Комму-

³ Там же.

нист». Появление данной статьи в главном идеологическом журнале страны стало неким свидетельством того, что в исторической науке начинают происходить процессы, связанные с расширением тем, которые подвергаются научному анализу. Статья Ю.Н. Афанасьева стала вехой в преодолении коммунистического наследия в исторической науке. В это же время он являлся членом редколлегии в журнале «Коммунист», и это очень знаковый момент. Данная должность Ю.Н. Афанасьева могла быть ступенькой до попадания в ЦК, однако он решил пожертвовать перспективами ради своей борьбы.

«Опасная Россия» как эмоциональный текст

Монография «Опасная Россия: традиции самовластия сегодня» в научном сообществе получила разгромную критику. Эту работу называли направленной против русского народа, автора обвиняли в недостаточном подкреплении ссылками и фактами, а следовательно, в популизме, в том, что он «выносит приговор России», не говоря о том, как это можно предотвратить и исправить это положение [Ткачев 2002]. Мысли Ю.Н. Афанасьева порой кажутся действительно достаточно резкими:

...ничего такого, что отложилось бы в норму национального единения, присущего историям других стран, за всю нашу историю не просматривается. Разве только военные лихолетья, да подвиги предков в борьбе с врагами отечества, да такие долговременные константы, в которых мы поневоле были едины, как «русская власть» или «рыхлость общества». Иначе говоря, методами строгой науки, опираясь на логику и факты, мне не удалось пока что (да и других примеров не знаю) выявить в нашей истории и зафиксировать точки опоры для русской национальной идентичности, на основе которой возникло бы такое, например, самосознание, которое присуще Франции, Англии, Дании [Афанасьев 2001, с. 147].

Автор утверждает, что русские не имеют собственной «национальной идентичности», а возможно, и «национальной принадлежности».

Резкая критика данной работы Ю.Н. Афанасьева, на мой взгляд, связана с подходом к восприятию и анализу данного текста. Научный текст и в меньшей степени публицистический текст в традиции научных исследований принято воспринимать как логиче-

ское, рациональное высказывание автора. А всегда ли текст, пусть даже вышедший из-под пера именитого ученого, политического деятеля и руководителя университета, будет являться взвешенными и логичным? Ярчайшим примером восприятия текста как эмоционального можно считать «Письмо к съезду» В.И. Ленина⁴, в котором он обвиняет И.В. Сталина в излишней грубости и призывает съезд обдумать способ перемещения И.В. Сталина с должности генерального секретаря на другую позицию. В свою очередь реакция И.В. Сталина стала очевидной, он заявил, что «Письмо к съезду» это не рациональное и логичное заявление, а высказывание большого человека [Бестужев-Лада 1989]. Таким образом, И.В. Сталин предложил взглянуть на содержание текста совсем в ином свете, что кардинально поменяло суть самого текста и его восприятие.

«Опасная Россия...» – это манифест, опубликованный Ю.Н. Афанасьевым, это его болезненная реакция на российскую действительность. Юрий Николаевич поставил на кон свою жизнь и собственное благополучие в борьбе с советским режимом, он посвятил этому делу всего себя, и результат этой борьбы, в представлении Ю.Н. Афанасьева, – возвращение к тому, от чего с таким трудом пытался уйти советский народ.

Можно считать эту монографию эмоциональным текстом и потому, что по факту она написана в конце пути Ю.Н. Афанасьева. В стране сменились политический режим и государственная власть, российская историческая наука становится свободной для избрания исследовательских тем, ранее закрытые архивы становятся доступны исследователям. Однако он рассчитывал на движение вперед, и хотя положение в стране и становится иным, Юрий Николаевич воспринимает это как «хождение по кругу». Для него это личное поражение, и «Опасная Россия...» является констатацией данного факта. Вполне вероятно, что текст монографии был написан в том числе и для самооправдания. Автор пытается донести до читателя идею о том, что он проиграл в этой борьбе не потому, что был слаб или плох в этой борьбе, а потому, что Россия оказалась опасной. А опасной она оказалась в первую очередь для Юрия Николаевича, так как, отказавшись от государственных преференций и серьезных политических перспектив, в конечном итоге он не добился своей цели.

⁴ Ленин В.И. Письмо к съезду; о придании законодательных функций Госплана; к вопросу о национальностях или об «автономизации» / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1956. 31 с.

Траектория развития России

При рассмотрении статьи по существу можно выделить несколько параметров анализа данной работы. Монография «Опасная Россия: традиции самовласти сегодня» опубликована в 2001 г., когда в России происходят глубокие трансформации политического процесса. Ю.Н. Афанасьев задается вопросом: какие характеристики имеет этот трансформационный процесс? Это движение направлено вперед, или это движение назад, возможно, оно направлено на сохранение существующих основ, какую динамику оно имеет?

Знаковой в понимании контекста данной монографии является статья «Петля Ельцина»⁵, опубликованная в ежедневнике «Аргументы и Факты» в 1995 г., задолго до монографии «Опасная Россия...». Смысл и главная идея данной статьи заключаются в том, что при переходе к новой государственности в России происходит не поступательное движение вперед к открытости власти и достижению демократических ценностей, а идет движение по кругу. Вторым знаковым элементом для понимания траектории движения России в представлении Ю.Н. Афанасьева является его малоизвестное интервью каналу 9TV⁶. Данный видеоматериал был записан в начале 2015 г., но и в нем прослеживается идея движения по кругу в России.

Это круговое движение, хоть это может показаться не очевидным, является смыслом его последней знаковой работы. Необходимо отметить, что Юрий Николаевич определяет центрообразующие элементы, которые определяют это круговое движение.

Таким образом, движение по кругу определено, во-первых, безопасностью данного направления движения. Не вступая на новое направление движения, мы практически полностью можем обезопасить себя от проблем и угроз нового типа. Данную тенденцию Ю.Н. Афанасьев констатирует в том, что Россия защищается от мнимых врагов. Их поведение легко прогнозировать. Таких врагов иметь удобно [Афанасьев 2001].

Во-вторых, движение по кругу определяется багажом традиций и политических взглядов, которые не трансформируются или трансформируются незначительно.

⁵ Афанасьев Ю.Н. Точка зрения. Петля Ельцина // Аргументы и факты. 1995. 18 янв. [Электронный ресурс]. URL: <https://aif.ru/archive/1643452> (дата обращения 12 октября 2020).

⁶ YouTube (2015). Куда катится мир. Академик Юрий Афанасьев. Ч. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/9D9IthGIfo> (дата обращения 12 октября 2020).

Подъем патриархальных, традиционалистских, в том числе и советских настроений из-за падения качества и общей нестабильности жизни – это и есть, на мой взгляд, самое глубинное объяснение «путинского большинства» [Афанасьев 2001, с. 128].

В-третьих, движение по кругу влечет за собой настороженное отношение со стороны мирового политического сообщества. Опаска на уровне международных отношений связана в первую очередь с тем, что пути развития России и других стран не совпадают. Их движение, не всегда отчетливое и очевидное, в большинстве своем происходит линейно, в то время как Россия движется по кругу. Такое движение России, по мнению Ю.Н. Афанасьева, может быть расценено мировым сообществом как опасное [Афанасьев 2001]. Развитию данной идеи посвящена целая глава – «Россия: Восток и Запад».

Идея движения по кругу в развитии России подтверждается и самой структурой данной монографии. В ней воедино сливаются история и политика, при этом обращение к истории в большинстве случаев служит основанием для политических выводов и оценки современного состояния России.

Заключение

Опасна ли Россия? В представлении Ю.Н. Афанасьева опасна не Россия, а тот путь и динамика, с которой по этому пути движется государство. Направление движения развития России пугало автора монографии, он находил их пугающими, так как практически на каждое действие и решение, предпринятое на пути развития России, он мог привести исторический пример, который в исторической перспективе не приводил к «развитию» в понимании Ю.Н. Афанасьева. Он сомневался в том числе в персоналиях, которые формировали динамику развития России.

«Опасная Россия...» для Юрия Николаевича – нечто большее, чем рядовая монография по интересующей теме, это его манифест. Его жизнь была посвящена идее формирования эффективных путей развития исторической науки и России в целом. Именно поэтому оценки происходящих событий зачастую могли быть эмоциональными и резкими, но за всей этой эмоциональностью скрываются рациональные и взвешенные размышления о России и путях ее дальнейшего развития. Взгляд на труд Ю.Н. Афанасьева спустя 20 лет позволяет в этом убедиться.

Литература

- Афанасьев 2001 – *Афанасьев Ю.Н.* Опасная Россия: традиции самовластия сегодня. М.: РГГУ, 2001. 431 с.
- Бестужев-Лада 1989 – *Бестужев-Лада И.В.* Трудное возвращение к правде // Су-
ровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Поли-
тиздат, 1989. С. 309–311.
- Ткачев 2002 – *Ткачев С.* Приглашение к эвтаназии // Россия и АТР. 2002. № 2.
С. 156–159.

References

- Afanas'ev, Yu.N. (2001), *Opasnaya Russia: traditsii samovlastiya segodnya* [Dangerous Russia. Traditions of autocracy today], RGGU, Moscow, Russia.
- Bestuzhev-Lada, I.V. (1989) *Trudnoe vozvrashchenie k pravde* [A difficult return to the truth], Politizdat, Moscow, Russia.
- Tkachev, S. (2002), "Invitation to euthanasia", *Rossiya i ATR*, no. 2, pp. 156–159.

Информация об авторе

Александр Р. Акрамов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; akramova@rggu.ru

Information about the author

Aleksandr R. Akramov, Russian State University for the Humanities, Moscow Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; akramova@rggu.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
Н.К. Егорова
Компьютерная верстка
Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 23.12.2020.
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 8,2. Усл. печ. л. 9,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1145

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru